

П.Д. Аралов

ЖИВИТЕ ДОЛГО

*Очерки, избранные статьи, повести,
рассказы, мир фотографии.*

г.Кириши
2012

Обложка книги — творческая идея автора

В книге использованы фотографии,
предоставленные автором.

Книга сверстана и подготовлена к печати в типографии ООО «КИНЕФ».
Россия, 187110, Ленинградская область, г.Кириши, шоссе Энтузиастов, д.1.

Отпечатано в типографии «Цветпринт»
Санкт-Петербург, тел. 336-92-12
тираж 100 экз.

ISBN 978–5–91014–040–4

© Павел Аралов

*Что наша жизнь
в круговерти Вселенной?!
Словно вспышки
ослепительный свет...
Растворяясь в веках безвременно,
На земле оставляем свой след.
Павел Аралов*

*Настоящую книгу
посвящаю
своей семье.*

*Спасибо всем друзьям
за оказанное содействие в создании книги.*

СТЕПАШЕЧКА

У нас растет внук. Это чудо из чудес. Наше милое создание любят все. Про родных и близких я уже и не говорю.

Он еще не говорит. Годами не вышел — мал. Всего полтора года.

Но развит он, как физически, так и умственно больше, чем его сверстники. Одним словом — «вундеркинд».

Многие мне могут возразить:

— У нас дети не хуже. А может даже и лучше.

И они все будут правы. Потому что для каждого свой ребенок дороже и умнее всех на свете.

Глядя на это милое создание, через призму времени, видишь себя в далеком детстве. Ах, как давно это было.

В начале декабря наш Степа пошел в детский сад.

Особого восторга он у него не вызвал.

Когда Степа увидел, что мама уходит, а он остается с чужими тетями, он закатил такой рев, что в течение часа его не могли успокоить.

Все это время мама ходила под окнами группы и прислушивалась к доносящимся голосам.

Через час испытания закончились. Она пришла в группу, и Степа, увидев ее, сразу потащил мать в раздевалку. Все это мероприятие закончилось полным провалом. Второй день в точности был похож на первый. На этом знакомство с садиком временно прекратилось.

Если говорить о том, что внук уже разговаривает, то пока в этом направлении у нас прогресса нет.

Он произносит только «У», но произносит ее в разных тональностях с активной жестикуляцией рук, так что окружающим сразу понятно, чего он хочет.

А желаний у него много: то — включить стиральную машину, телевизор, видеомагнитофон и многое другое, что попадает ему на глаза.

— Степа, почему не работает телевизор, — спрашивает его мама?

Он бежит к телевизору, что-то делает на задней стенке. И вот, пожалуйста, — изображение появилось.

Сам уже включает и выключает освещение в различных помещениях квартиры. Моет руки после прогулки, а утром бежит в ванную, залезает на стул, берет сам щетку, набирает на нее зубную пасту и с большим усердием чистит зубы.

Бабушка Лида научила его показывать один пальчик, после того как Степу спросят:

— Сколько тебе лет?

А еще он показывает, как его наказывают, когда он не слушается. Это выглядит так забавно, что все смеются, а вместе с ними и Степашечка.

— Степа, как бабушка Лида заводит автомобиль?

Он двумя пальчиками держит воображаемый ключ и поворачивает вправо.

— А как папа денежку «заколачивает»?

Он начинает усердно стучать двумя кулачками.

На радостях мама поднимает Степу и подбрасывает вверх со словами:

— Ну ты, сынок, и весишь? Как ведро картошки.

Все смеются такому шутивому сравнению.

2010 год

«АЯВРИК»

Дорогой читатель, вы наверняка не знаете значения этого слова.

Не трудитесь ломать голову, мы вам поможем.

У народов Крайнего Севера это слово означает «любимчик».

Поэтому лучшего названия для рассказа я не придумал.

Как бежит секундная стрелка часов, так же быстро бежит наша жизнь.

Кажется, что совсем недавно Степашке исполнилось 1,5 года, а уже с июня месяца пошел третий.

Все больше и больше природа раскрывает в нем задатки, которые так необходимы ему на первых парах становления этого маленького человечка.

Детство — это самая прекрасная пора в жизни любого индивидуума.

Если сравнить его со временами года, то, как нельзя лучше подойдет — весна. Как весной раскрываются в своем разноцветье бутоны цветков, так же ярко раскрывается самобытность юного создания.

Когда наш сын был в таком же возрасте, как Степан, нам некогда было наблюдать, как интересен наш малыш. То работа, учеба, искусство, огород, все это отнимало много времени.

Сейчас, когда мы уже в ранге бабушки и дедушки, то внимательно следим за тем, что происходит с нашим внуком.

В последний день лета наш Степашка пошел в детский сад «Колобок».

Если честно говорить, то переживали мы за него очень сильно.

Понравится ли ему там? Не будут ли его обижать?

Но все наши опасения были напрасны.

Когда мама привела его в группу, он с улыбкой открыл свой шкафчик. На дверцах которого был изображен «Мячик».

Мама помогла ему раздеться. А когда она привела его в группу, он вдруг захныкал и заплакал.

Она успокоила Степу словами:

— Сейчас я пойду в магазин и куплю тебе сладкие сырочки.

Сын успокоился, после чего взял за руку воспитательницу и пошел к детям.

Через два часа мама пришла за сыном.

— Ну, как Степашка вел себя?

— Да все в порядке. Правда немного поплакал, а потом успокоился, — сказала воспитательница.

Тот, услышав, что разговор идет о нем, показал, как он плакал, но без слез. Это получилось так комично, что все рассмеялись.

На следующий день перед обедом, он посадил рядом с собой нянечку и показал, что его надо покормить. Конечно, он и сам мог бы покушать. Но в этом случае, половина бы еды была на полу, остальная — на нем...

Вот и наступила долгожданная суббота.

Сегодня нашего внука привели к нам в гости.

Родители заняты делом. Поехали выбирать подарок для малыша маминой подруги.

Уже в коридоре Степа стал сам раздеваться, и чтобы этот процесс не затянулся, мы ему помогли.

Малыш пошел в большую комнату, где стояли его игрушечные машинки. Открыв дверцу микроавтобуса, сказал:

— Там, дядя.

Это было его первое короткое предложение.

Играя с другой машинкой, он нечаянно оторвал борт.

Глядя на это, дедушка сказал:

— Не волнуйся внучек, сейчас возьмем скотч и все сделаем.

Внук слез с дивана и побежал к дедушкиному рабочему столу.

Поскольку было высоко, он показал бабушке, где скотч. Она подала рулончик ему в руки. Взяв его, он подбежал к деду и протянул ленту.

— Ну, какой ты у нас молодец, — ответил дедушка. А бабушка его поцеловала. Внук весь светился, как начищенный самовар. Он внимательно следил за тем, что делает дед.

— А как машинка мигает фарами?

Степашка интересно замигал глазками.

Его голова для его возраста работает просто феноменально.

Мы растворяемся в нашем «Аяврике».

Ведь сейчас не столько мы ему нужны, сколько он нам.

2011 год

БЕЗЫСХОДНОСТЬ

Среди моих многочисленных знакомых одного я знаю очень хорошо. В свое время он добросовестно, как и все, работал, а после работы не менее добросовестно отдавался Бахусу.

Прошли годы. Николай Иванович уже давно на заслуженном отдыхе. Но по-прежнему, он не против пропустить стаканчик-другой.

Встречаясь с ним, я часто задаю ему вопрос:

— Зачем вы пьете, Николай Иванович? Поберегли бы себя.

На что он мне серьезно отвечает.

— Жизнь настолько коротка, что ее нельзя воспринимать всерьез. Ты, Митрич, насколько я знаю, и не пил, и не курил, а проблем у тебя выше крыши. А если бы пил и курил, то был бы здоровым. Вот сердце и не выдержало. Разве можно так издеваться над организмом?

Я попытался опровергнуть его слова.

— Примеров долголетия очень много. Взять хотя бы артиста Анненкова, прожил 100 лет. А знаменитый врач Поль Брэгг? Прожил 92 года. И, если бы не трагический случай, то еще бы жил долго. А Сергей Михалков прожил 96 лет.

— Это единичные примеры, которые для меня ничего не говорят, — ответил мой собеседник. Если хочешь знать, я пью от безысходности.

И я понял, что Николай Иванович в чем-то прав.

Совсем недавно в автомобильной аварии погиб его младший сын. На руках больная жена. Рассеянный склероз — это страшная болезнь. Общаясь ежедневно с таким человеком, в пору через некоторое время стать таким же.

— Ты посмотри, что делается в стране? — продолжил он. — То самолет разбился, то теплоход затонул на Волге. Людей, как кутят, потопили новоиспеченные Герасимы. Составы летят под откос. И все это преподносится с экрана телевизора с таким энтузиазмом, что в пору сойти с ума. У нас в стране скоро траурных дней будет больше, чем праздничных.

— Вы знаете, Николай Иванович, ведь и раньше и разбивались, и тонули. Но не вся информация доходила до людей. А

сейчас как с цепи сорвались. По телевизору — сплошной негатив. У нас что, больше и показывать нечего? Нас попросту зомбируют. Каждый день — стресс.

Мы сидели около дома на скамейке. Знакомый мой продолжил:

— Раньше мы старались походить на Павку Корчагина, были настоящими тимуровцами. Сейчас молодежь не верит ни в какие идеалы. Вот оттуда наркота, алкоголь, проституция?

Николай Иванович резал правду-матку, так, как-будто я был членом правительства и мог в этом вопросе чем-либо помочь.

— Ладно, я уже прожил жизнь, продолжил он, — а молодым еще жить и жить. Какое у них будущее? Я считаю, что это потерянное поколение.

— А мы ради чего жили, жилы рвали? К нам такое отношение, что чем меньше нас будет, больных пенсионеров, тем лучше для государства. Наша пенсия тому доказательство. На нее, не то что не прожить, но и существовать невозможно. Только добавят копейки, как тут же цены на все подсакивают, — поддержал я разговор.

— Такую страну развалили, — сказал Николай Иванович и тяжело вздохнул. Был референдум, все проголосовали за СССР. И где он этот нерушимый? Исчез, как сказочная Атлантида.

А посмотри, как обращаются с теми, кто работает? Кто-то, вы сами знаете кто, предложил 60-ти часовую рабочую неделю. В погоне за прибылью все средства хороши.

Второй год стоит очень жаркое лето. Так не разрешают из дома принести вентилятор, чтобы на работе было чем дышать. Ссылаются на кризис, премию не платят. Хотя люди работают, чуть ли не по 12 часов. Люди труда, кто создает благо, трудятся за копейки. А работодатели себе отваливают сполна. Одним словом — «царьки». Говорят:

— Жалуйтесь!

Кому? Сейчас в России полный беспредел. Разве о таком Отечестве мечтали наши деды, отцы? — сказал мой знакомый.

Он достал папиросу, размял ее. Потом, выдержав паузу, закурил. Через несколько минут продолжил разговор.

— Кучка людей в годы, когда появились ваучеры, стали олигархами. Слово-то какое — олигархи! А попросту — ворюги! Да за такой короткий срок, такой капитал не сколотишь. Даже если в школе на пирожках экономил. На западе тоже есть богатые люди. Но они капитал копили из поколения в поколение.

— Может и наступит эта справедливость, только когда? — ответил я.

В памяти выплыли слова, написанные давным-давно. Бессмертные строки русского поэта Некрасова.

Они и сегодня созвучны нашему времени:

«...»

*Вынес достаточно
русский народ,*

«...»

*...Вынесет все,
что господь ни пошлет!*

*Вынесет все —
и широкую, ясную*

*Грудью дорогу
положит себе.*

*Жаль только — жить
в эту пору прекрасную*

*Уж не придется —
ни мне, ни тебе!*

2011 год

ВСТРЕЧА ЧЕРЕЗ 30 ЛЕТ

Впервые в жизни, под Новый год, я попал на больничную койку. Кардиология для меня, как дом родной. Но сердцу не прикажешь. 22 декабря «скорая» не в лучшем виде доставила меня в ЦРБ.

Палата интенсивной терапии, это та же реанимации. Здесь временная прописка для всех, кто перенес инфаркт.

Отсюда две дороги.

Одна — в палаты для выздоравливающих, другая — в одноэтажное здание у въезда в больницу.

После серии уколов и капельниц я стал потихоньку приходить в себя.

Моих собеседников не было видно, меня перегородили шторой.

За ней были слышны женские голоса.

— Галочка, — куда я попал? — спросил я у медсестры.

— Павел Дмитриевич, вам повезло, вы лежите с женщинами, рядом «девочка» — 85 лет. Через три дня Софья Михайловна отметит свой очередной 86-й день рождения.

— Вот Бог дал счастье столько прожить, — подумал я. В ногах лежит еще одна женщина. Бывший работник кинотеатра «Восход».

— Да, опять мне повезло, — подумал я.

Несколько лет назад мне довелось лежать именно в этой палате, именно на этом месте, и моими соседями тоже были женщины. Пролежав четыре дня, меня перевели в соседнюю палату. На моё место положили какую-то бабушку. Через несколько часов больные женщины стали просить врача, чтобы меня вернули обратно в палату.

— Нам с ним веселее, — заявили женщины в один голос.

Мои воспоминания прерывает голос за шторой.

— А вы, случайно, не... и называет мою фамилию и имя?

— Да, вы правы, это я. Только как вы узнали, да ещё с первого раза?

— А ваш голос ни с кем не спутаешь, — сказала она. — Ещё в 80-х годах вы вели в кинотеатре творческие вечера «Товарищ кино».

— Да, было время золотое, — ответил я. А какие актёры театра и кино приезжали к нам: Дмитрий Медведев, Георгий Штиль, Леонид Неведомский, Анатолий Рудаков, Юрий Демич, Элина Быстрицкая, Евгений Леонов. Всех и не вспомнишь. Со всеми довелось не только беседовать, но и чай пить, беседовать и фотографироваться.

— А помните фестивальные фильмы?

— Помню, помню. В конце 80-х годов в нашем городе проходил показ фестивальных китайских кинофильмов. Вместе с фильмом прилагался сценарий, который должен читать актёр, диктор, одним словом знающий в этом толк. Поручили мне. Трепет и волнение испытывал перед этим. И немудрено. Буквально за час до показа дали мне сценарий, который держали уже до меня не один десяток рук.

Перед этим пробный сеанс, вернее одна часть фильма. Самое главное надо понять, кто есть кто. Прокрутили мне эту часть, дальше времени не было.

И вот зазвенел первый звонок, потом второй и третий. Зрители заняли свои места. В конце зала слева стояло что-то наподобие будки. В ней размещался маленький журнальный столик, и на нём стояла настольная лампа и стакан с водой. Вот здесь было моё рабочее место, которое в конце сеанса было больше похоже на парилку.

— Сюда бы ещё вентилятор, — подумал я.

Вспыхивает экран и начинается мой дебют — в кино. Стараюсь синхронно с актёром говорить в микрофон. И так полтора часа. В конце фильма «идут» титры, и к ним я добавляю:

— Роли дублировал: называю своё имя и фамилию, а потом — город Кириши, Советский Союз.

Выхожу из будки, рубашка, хоть выжимай. Зрители, глядя на меня, стоя аплодируют. Среди них много знакомых и друзей. Все подходят и жмут руки.

— Молодец! Молодец! Мы просто восхищены твоим мастерством. Ты сколько готовился к фильму?

— Двадцать минут, — ответил я.

Один из зрителей говорит:

— Ты знаешь, многие не столько на экран смотрели, сколь-

ко на тебя. На ту игру, на те движения, которые ты показывал во время дубляжа.

Другой продолжил:

— У меня до сих пор все скулы болят. Я уже и не помню, когда я так смеялся.

Ко мне уже шла директор кинотеатра Клавдия Петровна Белянко. Улыбаясь, она сказала:

— Павел Дмитриевич, поздравляю вас с премьерой. Следующий сеанс через 15 минут. Немного отдохните. Вам там уже девочки приготовили чай с булочками.

И тут я только понял, как я проголодался. Придя в «мурлычку», я увидел дымящийся чайник. Наскоро выпил чай, стал готовиться к следующему сеансу.

На одном из сеансов присутствовал класс, в котором учился мой сын.

Так после фильма все говорили:

— Димин папа знает китайский язык.

Да, сколько утекло Волховской воды с тех пор?

Мы уже десять лет живём не только в другом веке, но и в другом — третьем тысячелетии.

Через несколько дней наступит Новый год.

Раньше я его всегда ждал с надеждой и радостью. Но то было раньше. Сейчас каждый прожитый год — это испытание на выносливость.

Календарный отсчёт сейчас не столько радует, сколько пугает. Уже седьмой десяток идёт. Жизнь человеческая измеряется не только прожитыми годами, но и теми добрыми делами, которые человек сотворил за свою жизнь. Вот лежишь и думаешь. А все ли так получилось, как хотелось? Но даже если бы свершилось чудо? И всё можно было бы начать сначала, то наверное бы пошел другой дорогой.

Накануне Нового года меня перевели в другую палату. Разрешили ходить, но только до столовой. Это уже хорошо. Иду как-то после обеда, а у холодильника мужик чего-то роется. Перекидывает пакеты, и что-то с аппетитом уминает.

Я его спросил:

- Дядя, чего ищем?

- Да мне сказали, что в больнице плохо кормят. А тут смотрю: в холодильнике, чего душа желает. Молодец Валерий Петрович Есиновский, как заботится о больных.

- А причем тут главный врач? Это больным близкие родные принесли передачи. Беги, дядя, и как можно быстрее, а то вместо кардиологии окажешься в травме.

Новогодняя ночь в больнице это не праздник, а испытание.

Вот и наступило 1 января.

Рано утром меня первой поздравила старшая операционная медсестра Аня, она в эту ночь дежурила. И у меня появился первый сувенир, который я сразу же повесил над кроватью.

Ближе к обеду дверь палаты открылась.

— А вот и мои дорогие ребятки пришли, — произнес я, когда увидел свою семью в дверях.

После того, как сын женился — семья наша стала на одного человека больше.

Все наперебой поздравляли меня с днем рождения.

Мне же было интересно, как обстоят дела у молодых. За женой я спокоен, более 30 лет мы уже вместе. Судя по улыбающимся лицам все в полном порядке. И мне это было очень приятно.

— А мы тебе принесли покушать, сказала жена.

— Да зачем, ребята, не нужно.

— То, что здесь дают, можно кушать...

Только по приговору народного суда. Или когда ты еще под наркозом.

До самого вечера ко мне все шли и шли друзья и знакомые.

На следующий день друзей было поменьше.

А 3 января буквально перед обедом, дверь в палату открылась и в ней показалась голова режиссера театра-студии «Ступени» Евгения Харченко.

— Привет, Паша! — сказал он. Угадай, кого я к тебе привел?

Гадать было бессмысленно. Армия друзей и знакомых.

В дверях появляется... Дмитрий Онгейберг.

— Шалом, Паша!

— Шалом, Дима!

И мы крепко обнялись. Конечно, волнение сказалось, и как я не старался, по лицу покатились слезы.

А потом началось...

— А помнишь, в 1979 году проходили конкурсные комсомольские вечера. Молодежь Киришской ГРЭС заняла первое место. Руководство наградило нас поездкой по «Золотому кольцу».

Какая была замечательная поездка: Рыбинск, Углич, Ростов Великий, Ярославль.

— А гастрольные поездки концертной бригады Дворца культуры. В ту пору он назывался именем 50-летия Великого Октября.

Вспомнили по именам всех тех, кто в то время был с нами.

— Да, жаль, что так летит время. Ведь многих уже нет в живых, — сказал я. А совсем недавно не стало Наташи Гусевой.

— Знаю, — ответил Дмитрий. От Женьки все знаю, мы с ним держим связь. С этими словами он протянул мне свою книгу «Москва бомзам не верит» с дарственной надписью.

— Это не первый мой литературный труд, — ответил он.

— Я очень рад твоим успехам, — ответил я. Ну, а как семья, сын?

— Все нормально. Сын служит в армии, хотя по законам Израиля, — если один наследник, то он остается дома.

— Хороший закон.

Мы еще долго вспоминали минувшие дни.

Я смотрел на него. Годы посеребрили голову.

— Да, 30 лет пролетело как один день.

— Да, Паша, летит время, — сказал Дмитрий, глядя на часы.

— Не буду вас задерживать, бегите мужики. Всего вам доброго, — сказал я им на прощанье.

И немного погодя, добавил:

— Живите долго. Надо стараться жить!

2009 год

ДЕЛО

Все. Сегодня брошу все и начну приниматься за дело. Именно сегодня, а когда ж еще. Все остальное подождет. Дело — прежде всего. Где же оно? А, вот! Как лежало, так и лежит, ждет меня.

Важно, что я сегодня возьмусь за него. Да, сколько времени упущено. А ведь мог, давно всё смог. Несмотря на занятость. То одно мешает, то другое. Но сегодня все, баста.

Я так соскучился по делу, что больше не мечтаю ни о чем другом.

Мои мысли прервал голос жены. Она хлопотала на кухне.

— Милый, сбегай, пожалуйста, в магазин. Нужна картошка, капуста, морковь, да не забудь курочку взять.

— Не могу, родная, у меня срочное дело, — ответил я.

— Тогда останешься без обеда, — последовал ответ.

Аргумент был внушительный. Удар был ниже пояса.

Я медленно, без всякого энтузиазма, встал с дивана. Надел шлепанцы, и шаркая ими по полу, отправился в прихожую одеваться.

Рядом с входной дверью на коврик лежал кот Барсик. В миске лежала рыба, до которой он даже не дотронулся.

— Вот житуха, — подумал я. Никуда не надо ходить, лежи себе в тепле. Вот это настоящий хозяин.

— Брысь! — в сердцах сказал я ему.

Реакция была. Вернее сказать ее вообще не было.

Он открыл один глаз и в нем я прочитал:

— Да, пошел ты!

Из кухни раздался голос жены:

— Оставь кота в покое.

И я, одевшись, вышел на улицу.

Редкие прохожие куда-то торопились. И это не удивительно: шел нудный осенний дождь, пронизывающий ветер нес по лужам пожелтевшую листву. Одним словом, погода — дрянь.

— Хороший хозяин в такую погоду никогда собаку не выгонит, пожалеет.

Перешагивая через лужи, я шагал к заветной цели. Продо-

вольственный магазин находился на углу проспекта, на другой стороне улицы.

— Только великая нужда гонит людей на улицу, или чувство голода, — подумал я.

В магазине было всего несколько человек.

Я достал список, по которому мне нужно было купить то, что заказала жена.

Набрав полную корзину продуктов, я прихватил еще укроп и болгарский перец. Без всего этого борщ похож на брачную ночь без жениха.

— Ну, вот теперь все.

В кассу была очередь. Передо мной стояла какая-то старушка и громко причитала:

— Господи, 90 копеек не хватает, как же так получилось?

Неделю назад брала хлеб, цена была одна, а сейчас другая.

— Бабушка, да не волнуйтесь. Вот вам рубль, — сказал я.

— Да, как же я вам его отдам, я ведь не знаю где вы живете?

— О чем бабушка разговор? Считайте, что я вам его подарил.

— Дай Бог вам здоровья, очень вы меня выручили, — сказала старушка на прощание.

И расплатившись на кассе, она вышла на улицу.

Вслед за ней вышел и я.

С небес все лил холодный осенний дождь, вперемежку со снегом.

Я натянул капюшон до самых глаз, и пошел домой.

Лужи превратились в снежную кашу, кожаные ботинки, не рассчитанные на такую погоду, сразу дали течь. Увидев меня с полными сумками, жена мне сказала:

— Какой ты у меня молодец, доброе дело сделал. А самое главное — нужное.

2010 год

ЖИЗНЕННАЯ КРУГОВЕРТЬ

Сегодня я, как корабль, который прикован якорной цепью ко дну, сижу в квартире. Ничего не хочется делать. Во-первых, нет настроения, во-вторых, боль в коленном суставе ни на минуту не утихает. Даже без нагрузки нет покоя. Хотел включить телевизор, да как вспомнил, что там передают? Сразу и расхотелось. После него валокордин хоть ведрами пей — не поможет.

Открыл окно, удобно устроился рядом с подоконником и стал наблюдать за жизненной круговертью родного двора.

Не успел сесть на стул, как сверху потянуло табаком. Потом полетел пепел на подоконник, и в квартиру. Затем мимо «проставистел» окурок. Это сосед, насладившись свежим воздухом, вперемежку с табачным дымом, сделал свое «черное» дело. Мой любимый цветник на глазах превращается в большую-большую пепельницу. Сделать ему замечание? Уже поздно — человеку за пятьдесят.

Во дворе на качелях качаются две девочки. На шее у каждой сотовый телефон. Они о чем-то оживленно беседуют и смеются. При этом так истерически визжат, что впору закрывать не только уши, но и окна.

Рядом стоит мальчишка лет двенадцати, жует яблоко. Вдруг он не с того, не с сего кричит:

— Эй, «лохушки»! — я вас изнасилую.

Девчонки дружно засмеялись.

— Интересно, откуда он слышал такое выражение? — подумал я.

Надо же, как подействовало яблоко на пацана. Вот она волшебная сила яблока. Оказывается железо, содержащееся в нем, вот таким образом действует на детский организм. А ведь через несколько лет он сможет осуществить свое заветное желание. Только будет ли смеяться та девочка, когда попадет в такую ситуацию. Сейчас ей, как говорит наша молодежь, все «по барабану».

Около одного из подъездов на скамейке лежит мужик. Опять поддатый. В последние месяцы я редко вижу его трез-

вым. Всё время под градусом. Глядя на старшее поколение и молодежь старается не отстать.

На детской площадке играет девочка. Рядом отец с матерью пьют баночное пиво, при этом дымя нещадно. Чем дышит их ребёнок нужно говорить в другом месте. И с глазу на глаз, — как говорил великий сатирик Аркадий Райкин.

Рядом на площадке гуляет ворона. Она подбирает чипсы, которые ей подбрасывает детвора. Кто-то бросил сухарь. Она лихо подхватила его клювом, и полетела к луже. Подождав, когда он размокнет, она стала с аппетитом глотать развалившиеся куски.

Дворник из солнечного Узбекистана Алишер косит траву «Триммером». Раньше косили «литовками», сейчас — тарахтелками. Дожили, что и убирать дворы, нет желающих.

— Пусть кто угодно, только не мы.

Бабушки сидят на скамейках, греются под лучами летнего солнца. С тех пор, как поставили скамейки со спинками, их стало гораздо больше.

С диким ревом по улице пронеслась кавалькада мотоциклистов. Они бы и дальше неслись, да красный свет светофора остановил их. Стоят, перегазовывают так, что стёкла в окнах начинает трясти, как во время землетрясения.

У соседнего дома, у одного из подъездов, женщина сажает цветы. Не часто можно встретить таких энтузиастов. Они вымерли, как те мамонты в ледниковый период.

Пока одни трудятся, другие прожигают жизнь.

Группа молодых людей, устроившись на скамейках и обставившись бутылками с пивом уже два часа чем-то оживленно беседуя. При этом несутся такие выражения, что у деревьев листья вянут быстрее, чем уши у людей.

В свое время мне удалось побывать в Германии. Там нигде не увидишь людей с банками или с бутылками на улице.

Штрафы такие, что нашим гражданам, они и не снились.

Есть множество кафе, ресторанов, где можно культурно провести время. Даже с одной бутылкой. Поэтому и не приходится удивляться, что у них культура на высоте. И это наблюдается во всем. Эх, нам бы так.

Да, видно не дожидаться.

Июнь, 2011 года

КОМАНДИРОВКА

*Светлой памяти
Виктора Рыбакова —
первоклассного шофера
посвящается...*

Два дня подряд я звонил по телефону Виктору, но никто не снимал трубку.

— Может, куда уехал? — подумал я.

На третий день на другом конце провода послышался женский голос.

— Будьте добры, Виктора можно к телефону?

— А его нет!

— А где он?

— Он умер!

Эта новость была так неожиданна, что я несколько секунд молчал. Совсем недавно ему сделали операцию на сердце, была надежда, что еще поживем и вот...

Придя в себя, я спросил:

— Когда это случилось?

Три дня назад, ответила она. Он попросил пожарить рыбу, и пока ее чистила и жарила, он лежал на диване и читал газету. Уже давно был готов ужин, а он все не вставал. Когда подошла к нему, он уже был холодный. Скорая помощь приехала быстро, но врачи уже ничего не смогли сделать.

Когда уходит из жизни человек, это всегда горе. Трагедия вдвойне, когда это близкий и родной человек.

В минуты скорби вспоминается все то хорошее, что связано с этим человеком...

Таково свойство нашей памяти — помнить. Вспомнил и я.

Много лет назад, когда я был гораздо моложе, и энергии было, хоть отбавляй, мне посчастливилось за две недели исколесить на машине вместе с Виктором не одну область России. Прихватив заодно и Харьковскую, что на Украине...

В один из светлых дней осени, которая не всегда для нас является золотой, в моей фотолаборатории раздался телефонный звонок. Звонили из приемной директора.

Просили срочно зайти. Я спустился с одиннадцатого этажа вниз на четвертый. Секретарь сказала:

— Вас ждут!

— Здравствуйте! Я вас внимательно слушаю, Ростислав Иванович,* — сказал я, зайдя в кабинет.

— Дело в том, что нужна ваша помощь, Павел Дмитриевич. Руководство станции решило послать вас в командировку недельки на две. Поедете с водителем Виктором Рыбаковым. Чтобы подготовиться успешно к осенне-зимнему максимуму необходимо оборудование, которое задерживают поставщики. Вы умеете разговаривать с людьми, находить общий язык, думаю, что вы успешно справитесь с этим заданием. А самое главное для вас — вы увидите страну. Привезете множество снимков, которые мы с удовольствием посмотрим.

Предложение было заманчивым. Страсть к путешествиям была у меня с детства, но здесь предстояла серьезная работа, которую необходимо было выполнить.

— Справитесь, справитесь, — сказал директор, командировка на столе у секретаря. Выезжаете завтра утром, машина в дальний рейс уже готова.

По профилю своей работы это было не мое дело, и я мог бы спокойно отказаться от этого поручения, тем более что совсем недавно я был в Киеве и в Бресте, с аналогичным поручением и тоже на машине. А потом в жизни нам многое не нравится, но приходится делать, потому — что так надо.

Я зашел к секретарю, взял путевку и отметил убытие. Потом позвонил в гараж и попросил шофера Рыбакова к телефону.

— Я вас сердечно нежно приветствую, — услышал я на другом конце провода.

— Привет, Витя, когда выезжаем?

— Завтра, в восемь.

— Ну. Тогда до завтра.

В назначенный час машина стояла у дома.

Я простился с женой и сыном и спустился вниз.

* — Ростислав Иванович Костюк (директор Киришской ГРЭС с 1980 по 1984 годы)

Весело заурчал мотор, предвещая дальнюю дорогу.

— Ангел мой, пойдем со мной. Ты — впереди меня, а я — за тобой.

— Ты чего причитаешь? — спросил Виктор.

— Да. Так. Отправляясь в дальний путь, зову своего ангела хранителя.

— Ну и как, помогает?

— Если веришь, всегда помогает.

— Ну, тогда с богом.

Еще долго мелькали за окном трубы Киришский ГРЭС. Но чем дальше мы удалялись от города, тем все меньше и меньше становились они.

Колеса наматывали на свою резину километры, издавая при этом шуршащий звук.

Справа от нас в стороне остался Великий Новгород, который в ту пору еще не был Великим.

— Сегодня я познакомлю тебя с «Любавой», — сказал Виктор.

— Начало неплохое, но я семейный.

Виктор засмеялся. И мы свернули с трассы направо. Перед нами стояли большие резные ворота, напоминающие древнюю старину. Наверху красовалась надпись: «Ресторан Любава».

Мы поставили машину на стоянку и пошли к дому, выполненному в русском стиле.

Войдя внутрь сразу же окунулись в эпоху новгородского веча. Резные дубовые столы и скамейки наводили на мысль, что вот-вот войдет князь Александр и пригласит всех на веселый пир. Но вместо него подошла симпатичная официантка и показала, куда нам необходимо сесть.

Заказав петровские щи в горшочках, тушеное мясо с картофелем и морс, мы приступили к трапезе.

Управившись с обедом, и оставив все суточные, мы продолжили наш путь по Валдайской возвышенности. Дорога уходила то вверх, то вниз. Вереницы машин тянулись как в сторону Москвы, так и в сторону Ленинграда. Вокруг стояли леса, подернутые первым золотом ранней осени. Всюду кипела жизнь, даже в самых маленьких деревушках дымились трубы, и на огородах во всю кипела крестьянская работа.

— Ну, как обед? — спросил Виктор.

— Обед царский, но это удовольствие можно позволить себе только раз. Иначе никаких командировочных нам не хватит.

— А это я тебе, как бы экскурсию организовал, чтобы ты имел представление о «Любаве», — сказал, смеясь, Виктор.

— Вот за это тебе большое спасибо!

И мы весело рассмеялись.

Мы ехали уже не один час, и снова голод, который не тетка, давал о себе знать.

Возле деревенского магазина стояла конная повозка с деревянной будкой, откуда выгружали горячий хлеб. Мы остановились. Подошли к очереди. Запах струился над очередью, которая стояла в предвкушении предстоящего блаженства. Он проникал в самую душу, и создавал ощущение праздника.

— Люди добрые, пропустите нас, пожалуйста, без очереди. У нас впереди дальняя дорога.

Взяв два белых каравай и купив трехлитровую банку молока рядом с магазином, мы продолжили наш путь.

Отрезав горбушку, и налив молока в кружку, я все это подал Виктору.

Он продолжал вести машину и на ходу наслаждался вкусом парного молока и горячего хлеба. Первое правило в пути, это накормить водителя, а потом уж самому перекусить. Что я и сделал.

В полночь мы приехали в Москву. В районе шоссе Энтузиастов была база, на которой мы должны получить груз. Нас, конечно, никто не ждал. Пришлось ждать утра.

Ночевать в кабине машины не лучшее удовольствие — особенно вдвоем. Сидеть в кресле, еще — куда не шло, но спать в нем, это уже испытание. Зная об этом из предыдущих командировок, я заказал щит, который ложился на моторный отсек и на дверные ручки.

Получалось прекрасное спальное место, где спокойно могли поместиться два человека, ну чем не гостиница. Сверху постелили тулуп из овчины и укрылись одеялами, которые получили перед отъездом. Вот в таких прекрасных походных условиях мы и встретили свое первое утро.

Пока оформляли и получали груз, подошло время обеда. Но обедать некогда, нужно было выбираться на окружную дорогу, и ехать дальше. В город, славившийся оружием, самоварами и чудесными пряниками.

Дело близилось к вечеру, и мы при всем желании уже не успевали на завод, где делали знаменитые мотороллеры «Тула».

— А не пора ли нам остановиться, приготовить обед и ужин, да отдохнуть. Ведь наш подвиг все равно никто не оценит? — сказал я.

— И то верно, выбирай место покрасивей, — сказал Виктор.

Проехав немного, я увидел справа огромное дерево и небольшую проселочную дорогу с трассы.

— Вот то, что нам подойдет, тормози.

Мы съехали на грунтовку и подъехали под самую крону дерева.

— Красота! — воскликнул я.

— Чудесно! — ответил Виктор.

На правах главного и единственного повара я стал готовить походную еду. Виктор же стал осматривать моторный отсек и ходовую часть.

— Совсем недавно мне пришлось накормить 250 человек, — продолжил разговор я.

Виктор с недоумением посмотрел в мою сторону.

— Да, да! На комсомольском военно-патриотическом слете.

Он проходил на базе пионерского лагеря «Факел». Принадлежит он нефтеперерабатывающему заводу. Команда ГРЭС-19, — в которой был и я, должна накормить конкурсным обедом всех участников слета.

Нашим вожаком был Александр Божин и когда он рассказал об этом нашей команде, то девчонки чуть в обморок не попадали. Видя такую ситуацию, мне пришлось предложить свою помощь.

— Только чтобы все помогали, одному мне не справиться, да и времени просто не хватит.

И работа закипела: одни чистили картошку, другие открывали банки. Третьи носили воду.

И все получилось прекрасно. Через два часа обед был готов

— две большие кастрюли кубанского борща, тушеное мясо с картошкой, клюквенный морс уже ждали проголодавшихся.

Наше меню понравилось не только членам жюри, но и всем участникам слета. Тогда мы заняли первое место. А сегодня я прошу попробовать то, что удалось приготовить на туристическом примусе «Шмель». Бывали времена, когда корка сухого хлеба и кружка кипятка вызывала дикий восторг у организма, а сегодня я тебя порадуя ленинградским рассольником. Благо все, кроме тушенки, свое.

Я разлил по металлическим мискам благоухающий рассольник. Пригодилась и сметана, взятая из дома, с ней гораздо вкусней. Мы уселись на тарные ящики, и на лоне природы стали есть суп.

— Между прочим, ты знаешь анекдот про суп? — спросил я Виктора.

— Нет.

— Так вот слушай. «Сварил шофер суп. Несет и приговаривает: «супчик-голубчик». Уже почти доносит до стола и вдруг падает кастрюля. Сквозь грохот слышится — будь ты проклята — чертова баланда».

Мы весело рассмеялись.

Вечернее солнце дарило свое последнее тепло и вскоре скрылось за деревьями.

Измотанные долгой дорогой мы вскоре уснули. Часа в четыре утра были уже на ногах. Еще с вечера у меня был приготовлен чай в термосе. Наскоро позавтракав, мы покинули место ночлега и выехали на трассу.

Вдали в свете фар, замелькали какие-то непонятные огненные всполохи. Подъехав ближе, увидели бочки, около которых грелись и сутились вооруженные люди, человек пятнадцать. Нам дали отмашку жезлом, и мы остановились.

Автоматчики с собаками окружили нашу машину, и заставили нас выйти из машины.

— Вы откуда появились? — спросил один из проверяющих.

— Да здесь рядом ночевали, — ответили мы.

— А к вам ночью никто не подходил?

— Нет, никого не было.

Проверив все наши документы, обыскав нас и машину, нам на прощание сказали:

— Дальше поедите без остановок, на следующий пост мы о вас сообщим. Если появятся двое с оружием, никакой команде не подчиняйтесь, а пригибайтесь и жмите на газ.

Вы поняли нас?

Все было понятно и без слов. Мы попали в какую-то переделку, где поневоле стали свидетелями ночной облавы.

На следующей развилке тоже стояли люди, но их было значительно меньше. Нас пропустили беспрепятственно. Отъехав чуть дальше, мы остановились. Достали из кузова топор, большой молоток, который был больше похож на кувалду, и только тогда поехали дальше.

Нервный стресс, который мы получили, вызвал у нас такие эмоции, что дикий хохот, который рвался из груди, еще долго не могли унять. Мы представили, как отбиваемся этим оружием, и смех сразу же утих. Оглядываясь по сторонам, мы ехали дальше.

В лучах утреннего солнца показалась Тула.

Если описывать всю поездку до мельчайших подробностей, то получится не просто рассказ, а роман. Поэтому я расскажу еще об одном эпизоде в этой незабываемой поездке.

Рано утром мы въезжали в провинциальный городок Моршанск, что на Тамбовщине. В сопроводительных документах говорилось об «Учреждении №5».

— Ну что ж, будем искать, — сказал я. Говорят: «Язык до Киева доведет», а тут Моршанск, который был больше похож на деревню, если бы не огромный храм, который доминировал над всем городом.

— Как проехать к учреждению №5? — спросил Виктор у первого прохожего, который нам попался на пути.

— Мимо храма, все прямо и прямо, — ответил он и при этом усмехнулся.

— Странная реакция, — подумал я, ну да ладно.

Мы проехали с километр, когда по левую сторону открылось ряд построек, огороженных высоким забором с колючей проволокой. По всему периметру забора стояли вышки с вооруженной охраной.

— Ничего себе! — ответили мы в один голос, когда узнали, что нам сюда.

У проходной стоял офицер.

— Вы по какому вопросу? — спросил он.

— Да вот. И я показал ему накладные.

— Да, это к нам. Только вы с фотоаппаратом останетесь здесь. Водитель с машиной едет в запретную зону.

Мне пришлось выйти из машины, прихватив все свои вещи. Офицер сел на мое место и закрыв дверцу машины, командовал:

— Поехали!

Металлические ворота с грохотом стали выдвигаться в сторону, за ними были вторые ворота. Машина въехала внутрь, и сразу же закрылись наружные ворота. Я остался один, стоять не было смысла, и я сел на скамейке рядом с проходной.

— Да, серьезное учреждение, — подумал я в долгом ожидании.

В это время к воротам подъехала подвода с баками-термосами. Возница слез с нее и подошел ко мне.

— Закурить не найдется?

— Да я не курю! — ответил я.

— Да, это плохо...

— Что плохо? — не понял я.

— Да то, что нет курева, — ответил мой собеседник.

Это был худощавый человек, изнуренный жизнью и судьбой. Заношенные брюки и куртка висели на нем, как мешок и сразу же было видно, они с чужого плеча.

— Ну, как жизнь? — спросил я его.

— Да какая это жизнь?

И он рассказал, что отсидел за убийство по пьяной лавочке. А когда пришел срок освобождения, то его нигде уже не ждали. Жена вышла замуж, а дети его просто забыли.

Видя, что жить негде, попросил руководство лагеря, чтобы оставили его здесь и предоставили хоть какую работу.

— Попрошайничать не могу, а умирать с голоду рано, — сказал он. Так и остался при тюрьме. Стал возить еду из соседней столовой. Без выходных и праздников, каждый божий день.

— Теперь вот при деле. И он кивнул в сторону лошади.

Та понуро стояла с опущенной головой и изредка переминалась с ноги на ногу.

В это время из проходной вышел офицер и дал добро на въезд в тюрьму.

Опять захрохотали ворота и телега с остывающим обедом въехала внутрь.

— Да, не даром в народе говорят: «От сумы и тюрьмы не зарекайся», — подумал я.

Спустя какое-то время из тюрьмы выехала наша машина «ИФА» и, проехав метров 50, остановилась.

Мне пришлось схватить вещи и почти бегом бежать к машине.

— Ты чего, Витя, обалдел? — спросил я, подбегая к машине. Очнись, ты на воле.

Из машины на меня смотрело обалдевшее лицо, которое только что смотрело фильм ужасов.

— Поехали отсюда как можно скорее, — были первые его слова.

— Ты светильники получил в количестве 42 коробок?

— Да — да!

Я едва успел сесть в машину.

Мы выехали из Моршанска и все то время, которое мы ехали до реки Цна, он говорил и говорил:

— Пашенька, если бы ты видел, что за ужас я испытал. Въехали в тюрьму, заехали в какой-то цех. Кругом ящики-ящики. Обступили машину со всех сторон, кто с шилом, кто с отверткой и каждый норовит, что-либо открутить. Офицер их отгоняет, а они со всех сторон, как муравьи наползают и наползают с вопросами:

— Привез сигареты, папиросы, чай, спиртное. Покажи где, мы сами достанем.

— Ребята, да я первый раз здесь и не знал, что вам нужно, — отвечаю я им.

Он перевел дыхание и сказал:

— Эх, сейчас бы пожевать чего-нибудь?

— Давай, к реке сворачивай. На скорую руку сварю суп из концентратов, — сказал я ему.

Мы расположились на берегу. Виктор все никак не мог прийти в себя после увиденного.

Я быстро развел примус, поставил кастрюлю с водой и стал ждать, когда она закипит.

Чтобы не терять времени, решил проверить коробки, в которых лежали промышленные светильники. Сложил, как надо и стал считать. Их число ни как не совпадало с тем, что было написано в накладной. Я еще пересчитал — 40 коробок.

— Витя, ты когда принимал груз, считал?

— Паша, там такое творилось!

— Так вот, дорогой, разворачивай машину и скорее к Моршанску. Сегодня пятница, уже 16 часов, если мы не успеем, то нам куковать в этом городке до понедельника.

Мы успели во время, на часах было без десяти пять вечера. Я выскочил с накладными и кинулся к проходной, из которой вышел тот же офицер со словами:

— Ну что, накололи?

— На два ящика! — ответил я ему.

— Машина останется здесь. А вы пойдете со мной, и он показал на меня рукой.

Мы пошли через проходную, где у меня забрали паспорт и дали какой-то жетон.

— Назад будете возвращаться, вернете — это является пропуском на территорию тюрьмы.

Офицер повел меня через широкий двор, который больше напоминал огромный склад, где широкими рядами стояли ящики с оборудованием. Мы вошли в один из цехов, который тоже был заставлен в хаотичном порядке. Навстречу шел ээк, весь покрытый татуировкой.

Он отдавал команды направо и налево. Чувствовалось, что он здесь старшой.

— Подойди сюда! — скомандовал офицер. — Вы не додали два ящика осветителей.

Тот подошел и разразился грубой бранью в мой адрес.

Я обалдел от такого «теплого» приема и не сразу сообразил, что я попал в другое измерение, где грубость и невежество вполне узаконенное явление. Я не привык к таким монологам.

И стал готовиться, чтобы достойно парировать всю эту нецензурщину. Мне вспомнился фильм «Джентльмены удачи», где актер Евгений Леонов, игравший главную роль, постигал азы тюремного жаргона. В один миг пиджак, который был на мне, слетел с плеч, и меня понесло:

— Да ты ще, гнида паршивая, на питерских бочку катишь. Ну, лапухнулись, с кем не бывает. А на хрена ребятишек накалывать — редиска ты недорезанная!

Такой наглости зэк от меня никак не ожидал. Он так и остался стоять с открытым ртом, слушая весь мой монолог, который я еще не закончил:

— Работяг обижать, которые трудятся в поте лица, самое последнее дело. Банан ты переспелый. Гони быстро два ящика светильников, а то мы с утра еще не хавали.

Зэк позвал кого-то и через две минуты коробки стояли у моих ног. Мы вышли из цеха, и тут я увидел, как офицера раздирает смех.

— Ты в тюрьме не сидел? — спросил он, продолжая смеяться.

— Ни где я не сидел! — ответил я. — Просто не один десяток раз смотрел кинофильм «Джентльмены удачи». Плюс немного актерского мастерства.

На проходной я отдал жетон, и мне вернули паспорт.

В веселом расположении духа мы подошли к машине со злополучными ящиками. Теперь можно было спокойно ехать в обратный путь. Задание по командировке было полностью выполнено. Пробыв в Моршанске весь день, и впервые в жизни познакомившись с тюрьмой, мы как угорелые мчались с Тамбовской земли. Эта поездка запомнилась нам на долгие годы.

Уже подъезжая к дому, я посмотрел на спидометр.

— Ого, сколько мы исколесили!

— Да, прилично, за две недели четыре тысячи километров! — ответил Виктор. — Мы такие! — ответил я.

И мы весело рассмеялись. Впереди меня ждала встреча с женой и сыном — самыми дорогими на земле мне людьми.

Сентябрь, 2002 год.

КОРОТКИЕ ВСТРЕЧИ

*Сколько их было за всю мою жизнь, коротких встреч?
Если говорить честно, я их не считал. Да в этом и не было
никакой необходимости. Ведь главное не сколько встреча-
ешься, а с кем. Встречи с актерами, артистами эстрады,
даже мимолетные, порой оставляют яркий след в душе.
Окрыляют и вдохновляют.*

Еще учась в железнодорожном училище я встретил актера театра и кино Михаила Кузнецова. Потом в кинотеатре «МИР» города Кропоткина состоялась творческая встреча с Михаилом Пуговкиным и Тамарой Носовой. В финале беседы показали кинокартину «Свадьба в Малиновке». Возможно, общение с этими людьми дало толчок к творческому развитию, ведь я с самого детства участвовал в детских постановках, в детском секторе, а потом был клуб старшеклассников. Был ведущим различных вечеров.

Выступая на краевом смотре профтехобразования в Краснодаре в 1965 году удалось побывать в цирке. Здесь удалось поговорить с солнечным клоуном Олегом Поповым. В Грозном виделся с Махмудом Эсамбаевым, народным артистом СССР. Его талант принадлежал всему миру.

Он исколесил множество стран вдоль и поперек. Когда бы его не увидели, он всегда был одет с иголочки, и как корона на его голове возвышалась высокая папаха.

Сейчас бы его назвали гламурным артистом!

Работая в старинном городе Дербенте, встречался с Муслимом Магомаевым и Поладом Бюль — Бюль Оглы. О талантах этих людей известно всем. Из окон домов в те времена звучали песни в их исполнении. По полярности с ними еще мог поспорить Рашид Бейбутов.

А разве забыть встречи с известным народным поэтом Дагестана Расулом Гамзатовым? В своих стихах он воспевал родной горный край. Они были похожи на стремительные потоки, стекающие с горных круч.

В 1967 году в Дагестане проходила декада: «Ленинградского искусства». В то время я жил в Дербенте.

Клуб железнодорожников имени 9 января 1905 года.

Вот здесь и состоялась наша встреча с Эдитой Пьехой и ВИА «Дружба», руководителем которой был Александр Броневский. А потом были встречи с Эдуардом Хилем и композитором Дмитрием Покрассом.

13 декабря 1975 года в цирке на Фонтанке мне удалось встретиться с Юрием Никулиным и Михаилом Шуйдиным. В антракте удалось прорваться в святая святых артистов — гримерную. О тех незабываемых днях до сих пор напоминает дарственная надпись: «Павлу Аралову на память». М.Шуйдин. Ю.Никулин.

В Ленинграде в 1976 году встречался с Аркадием Райкиным. Это уже был больной человек, но как он держался. Человек большого мужества, выходил к зрителю с улыбкой. И почти никто не знал, что у любимого всеми артиста большое сердце. С него я и беру сейчас пример.

В далеком августе 1979 году к нам в город на творческую встречу в рамках вечеров «Товарищ кино» приехал молодой актер Анатолий Рудаков.

С тех пор на приглашении стоит его автограф и подпись: *«Самому активному участнику нашего праздника, ведущему вечера Аралову Павлу...» А.Рудаков. 20.08.79г.*

Имя актера Большого драматического театра имени Горького Юрия Демича вписано в кинолетопись страны большими буквами. Мне посчастливилось видаться с ним, общаться. Он был у нас в кинотеатре «Восход» в 1983 году на вечере встрече. В те годы я вел цикл вечеров: «Товарищ кино».

О той незабываемой встрече на обороте фотографии с Юрием стоит его автограф с надписью: *«Павел! Большого вам счастья и его величества Успеха! Будьте здоровы! С уважением и благодарностью Ю.Демич. 83г».*

В моем творческом альбоме есть автограф и Леонида Неведомского: *«Павлу Аралову с благодарностью и пожеланием счастья, радостей, хороших друзей и удач больших и малых! Искренне ваш Л.Неведомский. 24 июня 1983 года Кириши-Ленинград».*

С этим артистом мне довелось еще раз встретиться во Дворце культуры. И каково было мое удивление, когда он меня узнал, назвал по имени и крепко обнял. Такие приятные минуты запоминаются на всю оставшуюся жизнь.

В далекие 80-е годы во Дворце культуры состоялась незабываемая встреча с великими актерами Эллиной Быстрицкой и Евгением Леоновым. После встречи мы вместе пили чай и дружески беседовали. То были незабываемые минуты. Я попросил написать пожелания нашим киришанам: *«Здоровья, успехов, новых добрых свершений, уважаемые киришане!» Э.Быстрицкая.*

«Киришанам с добрыми пожеланиями». Е. Леонов.

В год празднования 35-летия СУ ГРЭС руководство строительного управления в качестве подарка пригласили звезд советской и российской эстрады Льва Лещенко и Владимира Винокура.

Для усиления концертного репертуара с ними приехала и певица Наталья Королева. Думаю, многие строители, побывавшие тогда на праздничном вечере, до сих пор с благодарностью вспоминают этих артистов, хотя и видят их по телевизору почти каждые выходные.

Еще запомнилась поездка в Ленинград на концерт Геннадия Хазанова. СК «Юбилейный» забит до отказа. И вот в перерыве, я запомнил одно пустующее крайнее место где-то в пятом или шестом ряду. После одного номера, когда зал заплодировал, а одна девушка понесла цветы, я встал и пошел к сцене.

Вдруг слышу голос Хазанова:

— Вот девушка несет мне цветы, а молодой мужчина — фотоаппарат.

Зал засмеялся. Девушка вручила ему букет. А Гена, обращаясь ко мне, сказал:

— А вы фотографируйте. Вам как удобней, чтобы я стал?

Я человек воспитанный сценой не растерялся. Жестами просил его стать, то так, то эдак.

Зал хохотал во всю.

Я поблагодарил артиста и пошёл на своё место под многочисленные взгляды зрителей.

Хочется рассказать о последней встрече около Дворца культуры КИНЕФ с народным артистом СССР Львом Дуровым. Мы подъехали на редакционной машине. И лицом к лицу встретились с известным нам артистом. Фотоаппарат — под рукой. Я, не мешкая, принялся его фотографировать, поговорил с актером, пока мы шли в кабинет директора Дворца культуры Валентины Александровны Погосовой...

Старый творческий альбом. Со временем он обтрепался, пожелтел.

Но в нем сохранились материалы и фотографии тех далёких лет, которые были лучшими в моей жизни.

В трудные минуты я раскрываю его, и глядя на тех, кого уже и не помню, и кто ещё живёт, сердце наполняется тихой радостью.

Это состояние даёт мне уверенность в завтрашнем дне. Далёкая юность вновь возвращается ко мне, какие-то неведомые силы дают импульс. Хочется жить и творить.

2011 год

ЛЕСНОЕ ОЗЕРО

Мишина стояла над лесным озером. Я с нехитрой рыболовной снастью медленно спускаюсь к воде. Иду по тропинке, которая виляет то вправо, то влево, ищу место по суше. На развилке двух тропок стоит одинокая сыроежка. Её розовая шляпка слегка покрыта сосновыми иголками, создавая ощущение, что у сыроежки растут прекрасные волосы. Хочется подойти и погладить, а лучше всего заплести косу, но не хочется нарушать это природное творение. Поодаль на взгорке во мхе притаились две лисички-сестрички. Над головой пронеслась птица. Поднял голову, прекрасная стройная сосна высоко взмыла в небо. На ней, в самой середине, увидел гнездо. В нем сидела птица. Это если смотреть с одной точки. А отошел в сторону — это простой сучок. Любой художник бы позавидовал такому творению природы.

Я остановился очарованный этой красотой и достал свой фотоаппарат. Земная красота навечно запечатлелась в недрах фотоаппарата. Внезапно над головой раздался такой стук, как будто кто-то вколачивает в дерево гвозди. Это дятел-трудыга, сверкая на солнце своим оперением, усердно долбит своим клювом гнилую древесину.

— Вот так целый день надолбаешься, — подумал я, и любое мясное блюдо поперек горла станет. Ну а если этим занимаешься всю жизнь? Может и привыкнешь.

Ведь привыкает человек к рыбалке? Привыкает. Да еще как. Хлебом его не корми, дай порыбачить. Особенно на Ладоге, зимой. Даже в самую плохую погоду любителей зимней рыбалки несет на озеро. Под ногами и под колесами лед трещит, а им всё не почем. Даже когда с льдины снимают вертолетом, с риском для жизни для всех. А спасут, — и снова на Ладогу. Как заколдованное оно.

Страсть к рыбалке можно сравнить со страстью к женщине, и то думаю, последнее проиграет.

В это раннее утро на лесное озеро, меня привела не столько рыбалка, сколько та красота, которую мы в повседневной жизни попросту и не замечаем. В суете житейских забот и на

фоне серой жизни мы забываем обо всем, даже о своих близких. В таких случаях только на природу. И как можно скорее.

Самодельная удочка и несколько червей, это не орудие убийства окуней и карасей, а устройство, которое продляет свидание с природой.

Устроившись удобней, на сваленной ветром сосне, и ветки которой уходили в самую воду, я стал раскручивать леску. Внизу на мелководье носились маленькие стайки рыбок, ну прямо как наши дети. В предвкушении рыбной ловли настроение значительно улучшилось. Поставил поплавок повыше, чтобы ловилась только крупная рыба, и стал нанизывать червя на крючок. Ох уж, и тягомотина — эта работа. Того и гляди, как бы свой палец не нанизать на крючок. Держа удилище, забросил леску подальше. Поплавок нырнул в глубину озера. А через несколько секунд вынырнул и застыл, как вкопанный.

Красавица стрекоза сразу же облюбовала этот рукотворный маленький яркий островок.

Сделав несколько кругов села (на что там можно было сесть) и, балансируя крыльями, расположилась на отдых.

— Ну, что за отдых, — подумал я. Чуть задремлешь, и головой об воду.

Моё внимание привлекла трясогузка. И все ей интересно, все любопытно. Птичка — хочу все знать. Видно по природе, такая любознательная натура. Над головой пролетела стая ворон. Слава богу, пронесло — чистый. В последние годы их популяция значительно увеличилась.

Все это говорит о том, что мы попросту загадили не только город, но и лес.

Утих шелест крыльев, и поплавок стало «водить», потом он нырнул, и я резко вскинул удилище вверх. На конце крючка трепыхал «огромный» карась.

— Ну, чего тебе не плавается в этой прекрасной воде?

Меньше половины ладони, а туда же, куда и взрослые.

— Ты ведь еще и первой любви не испытал, с этими словами отцепил его от крючка, и отпустил в кристально чистую воду лесного озера.

На прощание он шевельнул губами и жабрами:

— Дескать, спасибо вам, сударь, буду век вам благодарен за мое спасение. И такая меня охватила радость, что хоть пляши. Приплывет этот карасик к своей семье, вот обрадуются. И опять все вместе в родной стихии. Это ведь как здорово, когда все вместе.

Солнце поднялось над вершинами деревьев и осветило не только весь лес, но и это маленькое лесное озеро. Вся эта красота людям, все это тепло тоже им. От всего этого становится на душе легко и празднично. Под лучами солнца птичьи голоса слились в единый невидимый оркестр, который стал звучать еще краше.

От этой лесной симфонии веяло торжеством жизни, чем-то космическим. Заряжало душу и тело.

Такую лесную музыку будешь помнить до конца дней своих.

Не каждая история может затронуть струны человеческой души. Но, если эти струны издали хоть какой-то звук, я буду очень рад.

Июнь, 2009 год

МАГАРЫЧ

Вдоль речки тянулась единственная улица деревни. По ее берегам паслись коровы, за которыми присматривал одинокий пастух. Летнее солнышко так припекало, что он, раскинувшись на брезентовом плаще, не столько смотрел за стадом, сколько дремал.

Деревенская идиллия умиляла городского жителя, не вкусившего все прелести деревенской жизни. Где рабочий день начинается с пяти, а то и с четырех утра. Когда с утра и до вечера, как белка в колесе: то коров подоить, то сварить и накормить всех, кто снует и мелькает перед глазами. Может поэтому и живут на селе дольше, чем в городе. Поскольку некогда на печи разлеживаться, ждут дела.

Баба Паня встала поутру и принялась растапливать печь. В последнее время с ней что-то случилось? Дымила, что хоть из хаты убегай. Получалось, что это уже баня по-черному. Пошла она к деду Михаилу, что жил через два дома от нее.

— Миша, а Миша! Помоги наладить печку, совсем одолела, окаянная.

— Ну, а чего же не помочь хорошему человеку, а тем более соседке, — ответил дед.

И для пушей уверенности бабка сказала:

— Магарыч будет отменный, — и лукаво подмигнула.

На следующий день дед бросил все свои дела. Взял инструмент, который служил ему верой и правдой не один десяток лет. Он был печных дел мастер. И направился к бабе Пане. Хозяйка хлопотала у газовой плиты. Со сковородки слетали румяные и аппетитные блины и горкой ложились на большое блюдо. Рядом стоял начищенный самовар и давно приглашал своим настойчивым шумом к обеденному столу. Чуть поодаль стояла глубокая чашка с медом, она наполняла хату ароматом цветов и лугов.

— Ну что, садись за стол, будем чаевничать, — пригласила хозяйка.

— Да нет, сначала нужно сделать дело, а потом уж и пировать! — ответил дед.

Он приготовил раствор. Как доктор слушает больного, так и он простучал и прослушал печь. Потом выбил кое-где кирпичи и спросил:

— Паня, ты давно печь ремонтировала?

— Да уже и не помню когда!

— Оно и видно, — ответил дед. — Ну ты не волнуйся, сделаем все в лучшем виде. И он без всякой суеты, со знанием дела, приступил к работе. Бабка тоже не сидела сложа руки, а затопила баню. И пока прогорали дрова, стала готовить обед.

Не одно ведро сажи выгреб дед из дымохода, пока не удостоверился, что все в порядке. Скрутил газету в жгут и зажег. Он с самого верха начал проверять тягу. Все было в полном порядке. Поставил кирпичи на те же самые места, где они стояли ранее, предварительно смазал их раствором глины.

Заштукатурил швы, сравнял со всей кладкой. Мокрой тряпкой прошелся по шероховатостям и остался доволен своей работой. Затем сел на маленькую скамейку и закурил папиросу, пустил дым в поддувало. Тот исчез в печных недрах без следа. Открыл дверцу в топочное отделение, положил немного бересты, затем мелких щепочек, сверху положил дрова и зажег бересту. Огонь весело заплясал в печи, наполняя хату березовым ароматом.

— Иди, хозяйюшка, принимай работу, — сказал он.

— Сейчас, только щи отставлю, — донесся голос с кухни.

— Ну ты и молодец! — когда увидела, как весело пляшет огонь в печи.

— Ну, а вот теперь можно и помыться, — сказал дед.

— Да, да! — весело ответила Паня.

Дед помыл инструмент и подмел возле печи всю ту грязь, которая осталась после ремонта. Затем вынес инструмент на веранду и только потом направился к бане. Баню он любил и боготворил.

Поход в баню — это целый ритуал, который исполняешь на протяжении всей своей жизни.

Ведь если посмотреть вокруг, то, почитай, у каждого в деревне есть баня. Да и какая жизнь в деревне без бани? Одно мучение. Ни помыться, ни постираться.

Так думал дед, пока шел к бабкиной бане. Он вошел в предбанник, разделся и распахнул дверь в парную. Березовый дух от прогоревших дров, от распаренного веника зашекотал ноздри. Дед набрал в ковш воды и несколько раз брызнул на каменку. Горячий пар наполнил небольшое помещение, и он не спеша, полез на верхнюю полку париться.

— Миша, может тебя попарить? — раздался голос Пани за дверью.

Дед был не из робкого десятка.

— Попарь, коль не трудно!

Бабка вошла в парную в белой холщевой рубашке. Плеснула еще раз на каменку, и взяла в руки запаренный веник. Сначала она слегка поглаживала им спину деда, а потом все сильнее и сильнее стала хлестать его, что тот стал кряхтеть от удовольствия. Он лежал и блаженствовал. Потом посмотрел в сторону Пани и увидел намокшую на ней рубашку. Невидимая нить очертила все ее тело.

— А она ничего! — подумал дед. И слегка прижал ее к себе.

— Ну, не балуй, не балуй! Я еще девственница!

Дед чуть с полки не свалился. От такого неожиданного заявления. Он второпях чуть не вылил на себя ковш с кипятком...

Через некоторое время бабка выскочила из бани, и весело напевая, пошла к дому. А дед еще нежился на верхней полке. Он лежал и думал: «Жизнь клонится к закату. Долго ли еще осталось жить на белом свете? Вырастил с женой и дочку и сына.

Разъехались они кто куда. У каждого своя жизнь, свои заботы. Несколько лет назад умерла та, с которой они жили душа в душу. Хотя в жизни всякое бывало, но умели подладиться, потому что любили друг друга. И все так хорошо и было бы, если б не болезнь. Тяжелая, изнуряющая, отнимающая все физические и духовные силы. Сжалился бог, взял к себе. А ему как жить одному? Тяжело, очень тяжело. Не одно человеческое испытание не сравнится с этим. Одиночество самое страшное из всего, что есть на свете. Когда на душе так тоскливо, что хоть волком вой, не с кем даже словом перемолвиться. Правда,

дочь не забывает, пришлет иногда весточку. В конце письма слова любви и благодарности. Заботливая. А в конце весточки маленькая приписка. Мол, если можешь, пришли немного денег. С пенсии особенно не разгуляешься. Но просит не кто-нибудь, а дочь. Конечно, он пошлет ей, обязательно пошлет.

— Сам уж как-нибудь выкручусь. Да и много ли мне нужно? Лишь бы у родной дочурки было бы все хорошо, — так он лежал и рассуждал вслух.

— Ну, пора с помывкой заканчивать, а то Паня заждалась. Одев все чистое, дед не спеша, пошел к дому. Еще издали услышал голос Пани. Она пела, но что, разобрать было трудно. Он зашел в дом, и дух перехватило от запаха петровских шей, жареной картошечки. Гора блинов стояла на столе, и было так светло. Как будто само солнышко спустилось в этот одинокий дом. А на самом видном месте стояла водка «Экстра» за 4 рубля 12 копеек. Да, когда-то были и такие цены.

— Ну ты, Паня, и молодец! — воскликнул дед.

— Если бы не ты, Мишенька, не сладить бы мне одной с этой печью, — в свою очередь сказала бабка. — Еще немного и наступят холода. А теперь какая красота.

Паня открыла бутылку и налила водку в большой стакан деду, а себе в стопку.

— За все хорошее! — сказала она.

— Будем! — крикнул дед и залпом выпил содержимое.

— А ты чего не пьешь? — когда увидел, что бабка, пригубив стопку, поставила ее на место.

— Да я вообще не пью, это так, за компанию.

Отведав всего понемногу, дед после некоторого раздумья, спросил:

— А как получилось, что ты всю жизнь одна?

— Да вот так и получилось, — ответила Паня. — В тот день, когда играли свадьбу, началась война. Мужа забрали прямо из-за праздничного стола на призывной пункт. Так и не полюбезничали мы с милым дружкой. Ушел на войну, с тех пор я его так и ни разу и не увидела. Долгие годы ждала, все глаза выплакала. Да так и не дождалась. На других хоть похорошки приходили, а мой муж, как сквозь землю провалился. Ни

слуху. Ни духу. Даже неизвестно где и похоронен. Пропал без вести. Был бы живой, вернулся. Ко мне многие сватались. Да я все любимого ждала. А когда все сроки вышли, перегорело что-то внутри. Как та лампочка, что висит на кухне.

Поздно начинать сначала. Всему свое время.

— Ну, а дальше как думаешь жить? — спросил дед Михаил.

— Как жила, так и буду жить дальше. Одиноких и вдов по всей России, хоть пруд пруди, — ответила задумчиво бабка.

— Я хоть и немолодой человек, — начал не спеша дед, но меня так замучило одиночество, хоть руки на себя накладывай.

— Ты, Миша, эти мысли брось. Да, не молод, а как в баньке постарался.

— Да, я такой!

И оба рассмеялись.

— Выходи за меня замуж, — сказал дед. — Буду тебя беречь.

— Если хочешь, стану твоей женой. А вдруг бить станешь?

— Побойся бога! — воскликнул дед. — За сорок лет, что жил с супругой, ни разу пальцем ее не тронул.

— Тогда я согласна! — ответила Паня.

И он остался у нее.

Через месяц они расписались, чтоб дурным языкам было меньше работы.

На два одиночества на земле стало меньше, а это не так уж и плохо.

2010 год

НОВОГОДНИЕ ИСТОРИИ

История первая

Зак быстро летит время. Кажется, только начался год, а уже заканчивается декабрь. У сына в детском саду «Ласточка» новогодний утренник. В последнее время ребенок только и говорил о том, как разучивают песни, стихи, танцы.

— Папа, ты придешь ко мне на праздник? — спрашивал он.

— Конечно, приду! — говорил я.

— А мама?

— Вот этого я не знаю, ты спроси ее сам.

— Если на работе все будет в порядке, то смогу прийти, — говорила она.

И вот настал этот день.

Утром отвел сына в садик и поехал на работу. Время близилось к обеденному перерыву, когда зазвонил телефон.

— Павел Дмитриевич, это вам звонят из детского сада.

Тревожный голос заведующей передался и мне.

— Что случилось? Что с сыном?

— Да не волнуйтесь, с сыном все в порядке, — ответила Любовь Павловна Сидорова-Андреева.

Дело в том, что у нас заболела воспитательница, которая играет сегодня Деда Мороза. Выручайте.

— Не волнуйтесь, вечером я буду у вас, — ответил я.

Вечером я уже читал сценарий, который был написан на открытках.

— Прекрасная шпаргалка. С ней гораздо спокойней и легче, — сказал я.

— Вы потихоньку одевайтесь, а я пойду, — сказала заведующая.

Оставшись один, стал потихоньку гримироваться и одеваться.

Одним словом преобразаться в сказочного персонажа.

Вдруг слышу детские голоса:

— Дедушка Мороз!

Потом еще сильнее:

— Дедушка Мороз!

Беру посох, и громко стуча им о пол, иду к актовому залу.

— А вот и Дед Мороз, — говорит ведущая утренника.

Многие дети настолько сообразительные, что тут же отвечают:

— Это наша воспитательница.

И называют ее имя и отчество.

И вдруг в этой тишине я подаю свой голос:

*Здравствуйте, ребятки!
Добирался к вам, друзья,
По пустыне долго я,
И по тундре на слоне,
И пешком, и на коне.
Океаном — морем синим,
Я спешил к вам на дельфине.
Плыл, летел, скакал, бежал,
И опоздал, не опоздал.
Скоростной электровоз,
Меня вовремя привез.*

Вижу недоуменные лица детей.

Ведущая говорит:

— Да-да, ребята! К вам пришел настоящий Дед Мороз!

И праздник начался. Во всяком случае, для меня и для тех детей, которые окружали меня. Среди них я заметил и своего сына.

Потихоньку подойдя к нему, я тихо спросил:

— Димочка! Ты узнал меня? — И погладил его по голове. На что он утвердительно кивнул головой, и застенчиво улыбнулся. Закончилась елка. Я распрощался с детьми и ушел со словами:

— А теперь я пошел поздравлять других ребят. Они тоже ждут подарки.

Пришел в кабинет заведующей. Разделся и разгримировался, потом умылся. От следов грима не осталось и следа. Теперь можно идти за сыном. Когда я зашел в группу, он подбежал ко мне со словами:

- Папа, папа, Дед Мороз подарил мне подарок, а еще он знает, как меня звать!

- Он всех знает. Он же волшебник, — ответил я. И крепко прижал сына к себе.

История вторая

В начале восьмидесятых, когда на дворе стоял славный застойный период, город готовился к встрече очередного Нового года. Люди с радостью стояли в очередях, и еще с большей радостью уходили с тем, за чем стояли. А стояли за шампанским и конфетами, мандаринами по 1,50 руб., за мясом, рыбой, всем, что могло украсить новогодний стол. Ко всем этим хлопотам у меня добавлялись еще одни. К детской новогодней елке приходилось писать сценарий, который утверждал отдел культуры. В свое время его возглавляла Антонина Григорьевна Шишунова, а затем Лидия Сергеевна Виноградова.

На роль Снегурочки подыскивали молодую культработницу, которая могла бы справиться с этим заданием. Для пушского веселья приглашали баянистов, где чаще всего были профессионалы своего дела Борис Николаевич Калинин и Юрий Александрович Ширнин.

У елки всегда звучала живая музыка, о фонограммах тогда и не слыхивали. Ну, а роль Деда Мороза приходилось играть мне. Еще в семидесятых годах в магазине «Маска», что на Невском проспекте, купил шикарный парик сказочного персонажа, который прослужил мне долгие годы. Он и сейчас ждет своего звездного часа. И все эти годы, вплоть до 99 года с экранов кабельного телевидения, которое возглавлял Александр Афанасьевич Докучаев, а потом на Киришском телевидении в программе «Наше время», редактором которого был Владимир Иванович Полухинских, мне посчастливилось поздравлять всех киришан и гостей нашего города с этим замечательным и любимым новогодним праздником.

Но вернемся к тем далеким годам.

Утро. На календаре 30 декабря. Новый день, я приветствую тебя. Сегодня у детей новогодний праздник: «Здравствуй, елка!». Глянул на термометр, который висит за окном, и обомлел: -30 градусов.

Это что за чудеса творит Дед Мороз? Все деревья в инее — красиво, но очень холодно. А как работать на елке? И придут ли сегодня дети — вопрос! В 11 часов иду к зданию горисполкома. Здесь, в отделе культуры, собираются все участники театрализованного праздника. Все в сборе. Начинаем гримироваться и наряжаться. А если все отменят? Глянули в окно. Внизу стоят праздничные сани. Кони сказочные все в инее, из ноздрей идет пар.

«Прямо огненные кони, какие то», — подумал я и продолжил: — Пора, ребята!

И все двинулись на выход. По пути я решил зайти к Николаю Кузьмичу Дробязко. В ту пору он был председателем горисполкома. Зашел в приемную.

— Председатель у себя? — спросил я.

— Да, он на аппарате, — сказала секретарша.

О чем тогда я думал, не помню. Но мне показалось, что речь идет о телефоне. Резко открыв дверь, вошел в кабинет. И только когда вошел внутрь, понял, что это не то, о чем я подумал: за длинным столом сидели руководители предприятий и организаций города. Данная ситуация была очень похожа на финальную сцену пьесы Гоголя «Ревизор». Но тишину нарушил голос Николая Кузьмича:

— Это очень здорово, что к нам зашел Дед Мороз! Если бы пауза затянулась, то вышел бы конфуз, но я вступил сразу:

— Здравствуйте, дорогие товарищи и друзья! Позвольте поздравить вас, а в вашем лице трудовые коллективы, которые вы возглавляете, с наступающим Новым годом! После этих слов, Дробязко подошел ко мне и стал представлять сидящих за огромным столом. За всю жизнь у меня не было столько рукопожатий, как в этот день.

— Дедушка Мороз, а где твой мешок с подарками?

— Как где? Где ему и положено быть — на праздничных сани. Его охраняют лесные звери, Снегурочка. И дядя Степа — милиционер.

Все дружно засмеялись. На этой веселой волне и закончилась наша встреча. Николай Кузьмич подарил мне визитную карточку города, которая еще пахла свежей типограф-

ской краской. Придерживая полы шубы, я спустился вниз.

— Дед-Мороз, ты весь мокрый, — сказала Снегурочка. — Ничего, сейчас подсохнем! — и с этими словами мы вышли на морозный воздух. Возница облегченно вздохнул, когда увидел нас.

— В такую пору задубеть, пора пустяков, — сказал он.

— Ничего, сейчас согреемся, — сказал я.

Усевшись на душистое сено, мы с песнями поехали к елке. Она в ту пору стояла около гостиницы «Юность».

Пока ехали, удалось узнать у возницы, что приехал он из деревни Кусино. Выехал вечером. Ехал полями, потому что по трассе санкам не проехать. Лошади ночевали во дворе, а он у друга в квартире. Каково было удивление многих жильцов, которые среди ночи слышали ржанье лошадей.

— Какой замечательный сон снился нам сегодня ночью, — говорили они утром.

За разговорами подъехали к елке.

Около нее уже бегали, веселились дети.

— Дед Мороз, пальцы замерзли, играть не можем, — сказали баянисты.

— Играйте по очереди.

— Да такой елки я за всю жизнь и не припомню. Сейчас бы чаю горячего или чего покрепче, — подумал я.

Навстречу бежали взрослые с одним вопросом:

— Детей на санях будете катать?

Раз обещали, значит будем. Сегодня на нашей елке собрались самые мужественные киришане, киришаночки и совсем маленькие киришаточки. Всех, до единого, награжу подарками.

Не успел закончить. Как рванула вся эта ватага, человек 50, чуть в снег не втоптали. Хорошо под рукой был мегафон.

— Тише, тише, ребята. Сначала зажжем на елке праздничные гирлянды, встанем в хоровод, попоем, а потом и награды.

Баянисты перебирали замерзшими пальцами кнопки баянов, проклиная и мороз, и елку, и мечтая лишь о том, чтобы это все быстрее закончилось. Но надо было продержаться.

И мы продержались.

Конечно, если было бы согревающее, праздник прошел бы веселее, но у нас всегда было заведено: перед выступлением — ни-ни.

Вот и закончился праздник. В этот момент мы были как те самые лошади, которые катали детей вокруг елки — все в инее.

С тех пор прошло очень много лет.

Но до сих пор я не в силах забыть эту елку.

«ОБОДРЫШЕК»

Мак я назвал своего героя, который каждое утро прилетал к моему окну. Воробей, как воробей, только внешний вид его был больше похож на бомжа. Весь растрепанный и взъерошенный и вместо правой ноги — культя. Он опирался на нее, но видно ему было больно стоять на ней, и он постоянно поджимал ее. На одной ноге долго не постоишь, и он то и дело приседал. То ли в драке он так пострадал, то ли из-за любви, история об этом умалчивает.

— Эх, подлечить бы тебя, — подумал я. Да, где там. Медицина у птиц простая, сожрали тебя, вот и вся хирургия. Останутся одни перья, да и те ветер разнесет в разные стороны.

— А пока ты живой, сопротивляйся всем болезням, — хотелось мне крикнуть воробью.

Я приоткрыл сетку и положил на подоконник раскрошенный хлеб.

— Ешь, бедолага, ешь, — сказал я ему.

Куда там. Налетели голуби, воробьи и устроили такую чехарду, что здоровые и те не каждый бы выдержал эту обедню. Моего воробья просто-напросто отшвырнули крыльями, ногами, для этой цели все средства хороши. Небесные твари, а повадки, как у людей.

За какой-то миг растащили все, что не съели, то упало вниз, на землю. Пришлось мне еще раз накрошить хлеба и уже на ладони, протянуть воробышку. Он сначала остерегался, потом подсел поближе и давай клевать прямо с ладони. Боясь его спугнуть, я замер у окна.

Не знаю, наелся он или нет, но последний кусочек, подхватив клювом, он улетел.

Так он прилетал каждый день.

Но однажды я его не увидел ни на обеде, ни на ужине, как сгинул. А может еще где хороший стол нашел?

2009 год

НЕБЕСНЫЕ ХЛЯБИ

Бабье лето настолько было коротким, что никто толком и не понял, было ли оно на самом деле, или это только показалось. Ночью пошел нудный осенний дождь. Порывы ветра усердно хлестали ветви деревьев. Сорвавшаяся с них листва долго кружила в воздухе, исполняя свой прощальный вальс. Потом она безропотно падает в лужу, и поток воды уносит ее в ливневый коллектор.

А потом началось самое главное — настоящая осенняя гроза.

Молнии устроили такой световой переполох в небе, что не каждый осенний день мог бы похвастаться таким изобилием света.

Загремел раскатистый гром, и пошло и поехало. Создалось такое впечатление, что сотни барабанщиков со всей силы колотят в огромные барабаны.

Ночная музыка дождя продолжается. Раньше эта музыка убаюкивала, сейчас раздражает. Поскольку нормальный человек в это время суток спит, а не бродит по квартире из угла в угол.

Когда разверзываются небесные хляби, то редкий человек, достигший зрелого возраста, в этот момент чувствует себя прекрасно. Ноющая боль в суставах не дает насладиться ночным отдыхом. Вот и получается, что хочешь не хочешь, а слушаешь то, что приготовила тебе природа.

Где-то там, в пустыне, люди мечтают о дожде. Как о самом жизненном и необходимом. А у нас с этим запросто.

Не успел о дожде и подумать, а он уже здесь, и сейчас. И это здорово!

Земля получила питательную влагу. И в лучах утреннего солнца, еще ярче засверкала красками золотой осени.

Очаровывая нас своей красотой, которую она сотворила сама, без всякого нашего участия.

Спасибо тебе, Осень!

В ОСЕННЕМ ЛЕСУ

Хорошо в осеннем лесу. Уже нет той духоты, которая присуща жаркому лету.

Дышится легко и свободно. Чистый кислород щекочет ноздри, и идет дальше, в легкие. Голова слегка кружится.

Но это нормальное явление. Городскому человеку нужно привыкнуть.

Утренняя роса сверкает под лучами утреннего солнца. Стоит только протянуть руку, как серебристая россыпь, не успев оказаться на ладони, сверкнув, исчезает в слегка пожелтевшей траве.

На сосновых иголках серебром блестят дождевые капли. Они капают прямо на лицо. Блаженство, которое не передать словами.

Это необходимо прочувствовать самому.

Пробираюсь вдоль канавки в поисках первого гриба.

Кажется, я его уже нашел. Подошел ближе, оказывается это осенний лист сыграл со мной такую лесную шутку.

Взгляд мой падает дальше.

В траве притаились лисички. Ах, вы мои красавицы. Да, большие какие. Ну, прямо, как у слона уши. Кому-то их вкус не нравятся.

— Мол, как резиновые.

А по мне самый раз. Отваришь в подсоленной воде, потом на сковородку, потушишь в сметане, минут двадцать. И за стол. Обедение, за ушами только треск.

Ну вот, на дне корзины уже что-то есть.

Начало положено. Теперь бы белых найти. Мечта каждого грибника.

Еще издали я заметил его. Король грибов — белый.

Он стоял одинокий, и всем своим видом показывал, вот я какой.

— Не во всякую кастрюлю войдет, — подумал я.

Каково мое было разочарование, когда обнаружилось, что он весь червивый.

- Не беда, — подумал я. — Будем искать.

И старания мои были вознаграждены. Рядом стояло с десятков молоденьких, крепких грибочков. Аккуратно срезал их, присыпал грибницу и пошёл дальше, думая:

— Пройдет несколько дней. И сюда можно будет снова наведаться. Дай Бог, чтобы никто другой не опередил.

Сейчас в лесу людей больше, чем грибов.

В подтверждение моих слов, в лесу прозвучало:

— Ау!

Через мгновение, послышались другие голоса:

— Ау! Мы здесь!

Надо спешить. Пусть лучше за мной идут, чем я за ними.

А вообще лес — это такая штука, что можно целый день пробродить и прийти домой с пустой корзиной. А можно через час смело идти к машине с полной корзиной.

У меня знакомый живет на Пчевже.

Без грибов из леса никогда не возвращается.

— Лес для меня, как родной, знаю его, как свои пять пальцев, — говорит он. — И продолжает:

— Он и накормит и согреет, как святую реликвию, его необходимо беречь.

С его словами трудно не согласиться.

Хотелось, чтобы всегда в лесу был праздник. Чтобы душа отдыхала под пенье птиц и шелест травы.

ДАЧА

Это место, где наши люди должны отдыхать.
На самом деле, дело обстоит совсем не так.

Приезжает мой сосед Николай Олегович с дачи вечером в воскресенье.

Я его спрашиваю:

— Ну, как отдохнул?

Он в ответ:

— Прекрасно. Еле ноги волочу. А улыбка появится только в среду. Где-то после обеда. В своем ответе он не далек от истины.

Среди моих знакомых есть тоже Николай, только Георгиевич. Ему уже под девяносто. Но он до сих пор заядлый дачник. И радуется плодам своего труда. Это прекрасно, в эти годы ещё радоваться жизни.

А сколько садоводов, которые усердно трудились, променяли рай земной на рай небесный. Я это к тому, что во всем необходимо знать меру. Но, мы, к сожалению, об этом часто забываем.

На календаре осень. На приусадебном участке сейчас горячая пора.

Хотелось бы порадоваться урожаю, да надо спешить. Лопаты в руки и вперед, как в бой. Покопал, покопал, пора и отдохнуть.

Смотрю на деревья:

— Антоновку скоро пора снимать, а «белый налив» я уже давно высушил. Кабачки большей частью переделал в икру. Остальные дожидаются своей очереди на сковородку.

— Ну, как икра? — спрашиваю жену.

— Очень вкусно! — говорит она.

— А потому, что ее я делал не со знаком качества, а с любовью.

Этот же вопрос задаю своему внуку.

На что он поднимает палец кверху, и улыбаясь, облизывает язычком губы.

Созрели в этом году и тыквы. Зимой прекрасную кашу

можно приготовить. А еще можно запечь в духовке, предварительно посыпав сахарным песком.

— В хрустальной вазе стоят астры. Это тоже с дачи.

Вообще цветы на приусадебном участке создают особый настрой.

Особенно, когда их много и цветут они с ранней весны до поздней осени. Даже топинамбур (земляная груша), кроме прекрасных корнеплодов, своими желтыми цветами создает своеобразную гармонию.

— Ну ладно, хватит любоваться, впереди ох, как много дел. Надо успеть.

Скоро полетят белые мухи, и в пушистом белом покрывале навсегда исчезнут прекрасные краски золотой осени.

Сентябрь, 2011 год

«ОТЧЕ НАШ»

Странное это чувство, когда нет сна. Просыпаешься среди ночи, и сколько потом не пытаешься уснуть, ничего не получается.

Может в организме что-то не в порядке?

Меряешь давление. Все в пределах нормы.

Отчего же тогда не сомкнуть глаз?

Бессонница помогает собрать все мысли в порядок. Большинство гениальных произведений было написано именно в этот момент.

Среди бела дня так не напишешь. А среди ночи — полный порядок.

Бессонница возникает у людей, которые перешагнули черту зрелости. Когда есть опыт жизни, который называют мудростью.

Нет самого главного — здоровья.

А лекарства?

Да. Их принимаешь, но помогает не всегда.

Бессонница — это состояние души.

Душа выворачивает тебя наизнанку. В этот момент вся твоя жизнь, как на экране кинотеатра. Что было давным-давно, видится, как вчерашнее явление. Хотя то, что было вчера, не всегда удается вспомнить сразу.

И хочется испытать опять те же чувства, которые когда-то пережил. Когда голодный был чаще, чем сытый. Когда вместо игрушек были какие-то чурочки от деревянных брусков. Воображение дорисовывало то, с чем мы играли в те далекие послевоенные годы.

Сейчас есть все. Компьютеры, скутеры, велосипеды с навигаторами, электронные игры. Дети не живут впроголодь.

А все равно, чего-то не хватает. Так уж устроен человек.

В животе появляются какие-то непонятные звуки, которые через несколько минут превращаются в музыкальную сюиту.

Время пить чай, иначе до утра так и не уснуть. Хочешь не хочешь, а придется бодрствовать.

Лежу. Сон так и не идет.

Бессонница и старость — это две неразлучные подруги. Они идут бок о бок. И будут так идти до самого конца.

Начинаю читать молитву «Отче наш».

Завершаю словами:

«Верю в родных и близких. Верю в друзей и знакомых. Верю, что все-все будет хорошо. Аминь!»

Апрель, 2012 год

НА ПОРОГЕ ВЕЧНОСТИ

*Старость — это самый расцвет,
Жаль, что для жизни времени нет.*

Автор.

Мяжело опираясь на палку и согнувшись чуть ли не в три погибели, по мокрой городской улице, медленно брела пожилая женщина. В это утро она остро почувствовала, что ее дни на исходе, сердце болело, как никогда.

— Как это все не вовремя, ведь еще столько дел не сделано, — подумала она.

Уже приготовлен чемодан с похоронными принадлежностями. Заплатила за квартиру.

Долгов никогда в жизни не было. Хуже нет, когда берешь чужие деньги, а отдаешь, как известно, свои кровные.

За всю жизнь она собрала небольшую сумму на «черный день». Который, как кажется, не так уж и далек. Эти деньги она хотела завещать своим детям. Сын и дочь были уже в пенсионном возрасте, и каждая копейка им пригодится. Сегодня она направлялась в сберкасса, чтобы уладить это дело.

Она подошла к одноэтажному зданию, где на пороге уже стояла небольшая очередь.

— Православные, кто последний?

— Я, — ответила одна женщина.

Через десять минут тяжело грохнул засов и дверь открылась.

Очередь медленно двинулась к заветному окошку.

— Дочка, помоги, пожалуйста, — сказала старушка, когда подошла ее очередь. — Вот у меня на книжке лежат деньги, и я хотела бы завещать их детям.

— Идите вы бабушка к нотариусу, — не очень вежливо ответила работница сберкассы.

Некогда мне тут с вами возиться, вам давно уже надо быть... Вы мне мешаете работать.

Старушка поняла весь смысл сказанного и, глотая слезы, с мольбой сказала:

— Дочка, я бы пошла, но у меня ноги больные. Люди сказали, что все это можно сделать у вас, без особой волокиты.

— Ничего не знаю, вы у меня отрываете драгоценное время. Такое обращение со старым человеком вызвало возмущение у стоявших в очереди людей.

Одна из женщин подошла к бабушке и сказала:

— Такая же ситуация случилась с моими друзьями, они заверили завешание в сберкассе. И не надо никуда бегать. Пойдемте к столику, я вам помогу оформить эту бумагу.

Я был невольным свидетелем всего этого происходящего и подумал:

— А ведь пройдет какое-то время, и эта молодая женщина тоже станет пенсионером. А встретившись с таким же безразличием, наверняка воскликнет:

— И кто вас воспитал, в наше время — такого, не было!

Хамство и черствость были во времена Гоголя и Пушкина, Есенина и Блока, Сахарова и Солженицына. Мы пожинаем плоды невежества. И эта жатва еще продлится долгие годы.

Старушка отдала заявление, которое заверили и вновь вернули ей.

Припадая на обе ноги, она медленно вышла из здания сберкасс.

Через несколько минут мне удалось завершить свои дела, и я пошел домой.

Возле одного из домов, который находился по соседству с моим, сидела старушка.

— Так мы с вами почти соседи, — воскликнул я, когда увидел её сидящей около подъезда.

— Да, я здесь живу. — Меня зовут Наталья Николаевна, — сказала старушка.

Я вас знаю, вы работаете фотокорреспондентом.

— Очень приятно. А меня — Павел Дмитриевич. Да, было дело — работал. Сейчас нет — болезнь помешала, — ответил я.

— Да, когда здоровья нет, не шибко-то разбежишься, — сказала моя собеседница.

— Старость — это такое состояние, когда наступает полная рассогласованность между состоянием души и возможностями

ми тела. Одним словом — немошь. Хочется многое сделать, но неувядающий букет болезней не дает осуществить задуманное, — ответил я.

— Вот и я об этом же, — ответила Наталья Николаевна, и продолжила:

— Как только меняется погода, так со здоровьем сплошные проблемы. Болит буквально все. Но особенно замучила стенокардия.

— А лекарства пьете? — спросил я.

— Да, вагон и маленькую тележку, да все без толку.

— Ну, если бы не помогало, то мы сейчас с вами бы не сидели на скамеечке, — ответил я.

— Да, как быстро пролетело время, — продолжила она. Совсем недавно я с мужем приехала на комсомольскую стройку. Мишенька — мой муж, всю жизнь проработал каменщиком. А я — в больнице. С тех пор прошло уже 50 лет. Быстро пролетело время, уже и мужа нет в живых три года.

— Да, тяжело без второй половины. Но все равно, Наталья Николаевна, радуйтесь всему, что вас окружает. Радуйтесь, что у вас есть дети, радуйтесь замечательной весне. Все цветет, все благоухает.

— Да, в этом году весна очень теплая, — согласилась со мной моя собеседница.

Мимо прошел старик с детской коляской. В ней был не внук, а смятые банки из-под пива. Кланяясь каждой урне, он доставал их как сокровища. Было обидно и за старика, и за эту старушку и за державу, которая не может обеспечить достойную жизнь пожилым людям.

Под лучами весеннего солнца становилось не столько жарко, сколько душно. Ночью прошел дождь, а днем на улице стало, как в парной. Поговорив по душам, мы пошли каждый по своим делам.

— Да, — подумал я, вот такая она наша жизнь. Надо радоваться каждому часу, каждой минуте. Радоваться всему, что нас окружает. А то получается так, что скоро ни сил, ни времени не останется на радость.

Прошло несколько дней. Разминая свои ноги ходьбой,

я шел мимо подъезда, где жила моя недавняя собеседница. Возле него стояли мужчины и женщины в темных платках, в ожидании кого-то. В руках у женщин были цветы. У мужчины — портрет в траурной рамке. На меня смотрела, улыбаясь, недавняя моя знакомая — Наталья Николаевна.

Сегодня весь окружающий мир провожал ее в последний земной путь.

В родном Отечестве еще на одного человека стало меньше.

2010 год

«ТЕРРОРИСТ»

Коренастый мужчина, не старый, но и не молодой, подошел к дверям аэропорта «Пулково». Те, медленно открылись, указывая, что путь свободен. Он зашел внутрь и сразу же перед ним, как из-под земли вырос электронный турникет. Сколько раз он вылетал и прилетал в Санкт-Петербург, этого устройства не было при входе в аэровокзал.

— Значит, недавно поставили, — сделал он свое заключение.

— Пройдите, пожалуйста, — сказал стоящий рядом охранник.

Мужчина прошел через рамку, которая издала резкий звук.

— Что у вас в карманах?

— Да, собственно ничего, вот ключ, вот мелочь.

Вывернув все на столик, мужчина вновь вошел в чрево электронного сторожа. Звук опять повторился.

Молодой человек на пиджаке, которого висел бейджик с надписью «Охрана» подошел ближе.

— У вас оружие, ножи? — спросил он.

Мужик понял это как неудачную шутку, и в свою очередь тоже пошутил:

— Ну, может по рассеянности, парочку гранат и захватил.

Его слова, как будто были сказаны по громкоговорящей связи.

И в один момент рядом с ним выросли люди, которых он до сих пор и не замечал.

— Давай, дядя, выворачивай карманы.

— Ну прямо как в кино «Свадьба в Малиновке», — сказал коренастый.

Он вновь прошел через электронного «сторожа». Сигнал тревоги повторился.

И тут мужик что-то вспомнил и подошел к охране.

— Ребята, я совсем забыл, мне совсем недавно делали операцию.

Ну, как у президента Ельцина. Рубашку расстегнуть?

— Нет, не надо, сказал один из охранников. Можете одеваться, все в порядке.

Коренастый мужик оделся и вошел в здание аэропорта.

— Во времена пошли, — подумал мужик. До чего можно дожить, если в каждом человеке видится террорист.

2006 год

НАД ТИГОДОЙ-РЕКОЙ!

*Светлой памяти Алексея Викторовича Горячева,
который прожил всего лишь 45 лет
ПОСВЯЩАЕТСЯ:*

Нритормозив у одноэтажного деревянного домика с белыми резными наличниками, я свернул влево и въехал в своеобразный небольшой тупичок.

Прямо расположился сарайчик, дверь которого была во всю стену. Это для того, чтобы удобно было складировать и доставать сено, которое хранилось для коров.

Справа — крыльцо, на двери которого висел замок, обмотанный цепью. Для чего она служила хозяевам, для меня так и осталось загадкой.

— Ну, раз замок, придется подождать, — подумал я.

Рядом с домом у забора стояла добротная скамейка. На ней можно было не только посидеть, но и при случае полежать. Настолько она была широка.

— Ну, просто как душа хозяина, — сделал я свое заключение. А знал я его уже очень давно.

Алексей Викторович Горячев проживает здесь со своей семьей: жена, Татьяна Аркадьевна, работает в школе, а их дочка, Маришка, в этой школе учится. А еще она учится в школе искусств.

Ее педагог Петр Антонович Мариняк.

Сам хозяин одно время работал в совхозе, но последнее время заделался мостостроителем. Рабочие Новгородского мостоотряда, где он работает, реконструировали автомобильный мост через реку Волхов, речку Кусинка.

Возвели новый путепровод через железную дорогу, соединяющую Чудово и Волховстрой. Да всех дел, что переделали ребята и не перечесать. Сейчас Леша в отгулах.

И вот сегодня я приехал к нему в гости.

В этих местах мне приходится бывать часто. Встречаюсь с интересными людьми, которые живут на этой земле, трудятся, не замечая, как с каждым прожитым днем короче становится их жизнь.

В темных водах реки Тигода отражаются солнечные зайчики. Вот они встрепенулись, заколыхались и рванулись к берегу. Это волны от моторной лодки понесли их к берегу, оставляя после себя такую сказочную картину.

Лодка ушла в сторону деревни Извоз.

Пригревшись на солнышке, вспомнилось мне, как давным-давно, когда сыну было лет десять, мы часто ездили с ним в эту деревню. Здесь жил наш старый знакомый, ветеран войны и труда, знаменитый кроликовод, Георгий Эдуардович Христенсен. Он встречал нас всегда радушно. Не всегда от близких людей можно было дожидаться того же.

Это был большой любитель природы. Лес он знал, как свои пять пальцев: там растет клюква, там белые грибы, там корень валерианы и другие полезные травы. В свои немолодые годы, а было ему уже под восемьдесят, он носился по лесу, как олень. Угнаться за ним было бесполезное дело.

Бывало, заведет нас в лес, и вместо «ау» слышится:

*«Дальше в лес, больше дров
Дядя Жора, будь здоров!»*

Это дед и сын, оторвавшись от меня, давали мне правильное направление, куда идти дальше. Больше всех, конечно, старался сынишка. Он кричал: «Папа, догоняй нас!»

Голоса доносились то громко, то тихо. Потом вновь нарастали и стали совсем громко. Где-то рядом раздалось:

— Какие люди к нам пожаловали. И без охраны.

Я открыл глаза. По тропинке, которая шла вдоль забора, шел хозяин. Это и был Алексей Горячев.

В лучах июльского солнца золотом отливали его волосы на голове. И в первые минуты не сразу было понятно, откуда идет больше света, от солнца или от Лешиной головы.

Даже природа подчеркивала, что это и по натуре и по своей сути — золотой человек.

Мы обнялись. Потом оба присели на скамейку.

— Весь день на ногах, хоть немного передохну. Рано утром косили траву, потом перевозили на лодке. Сейчас за домом скирдую то, что высохло. А скоро поедem на лодке опять косить траву, около Менёвши.

— Да, лето выдалось, в самом деле, жарким, — ответил я.

Мы смотрели на берег реки, усыпанный детворой.

— Вот кому раздолье — каникулы, — ответил Алексей.

— Но Маришка помогает? — спросил я в свою очередь.

— Ну, когда заставишь, то куда тут денешься. А вообще молодежь бежит из деревни. Много ли найдется желающих ходить за коровами? Их просто нет. Не престижная работа в сельском хозяйстве. Заработки низкие, да еще в четыре утра вставать, ехать на комплекс. И так не только каждый день в поте лица, а всю жизнь.

За дерьмом из-под коров ее и не увидишь.

Я тогда удивился его словам. Всю жизнь держал скотину: и коров, и быков, и телят, и поросят. Про кур и коз я уже и не говорю.

Пророческими оказались его слова.

Мы сидели молча. Каждый думал о своем. Я смотрел на другой берег реки. Там, за Тигодой, стояла деревенька Мелехово. Попадешь туда либо на лодке, либо пешком, через железнодорожный мост — путь не близкий.

Во всём здесь чувствуется запустение. Особенно грустно видеть развалившуюся церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Забытая и Богом и людьми.

На самой верхней части церкви растет береза, которая своими корнями старается удержать то, что еще не рухнуло вниз, на землю. Наверное, когда-нибудь сюда придут люди, чтобы восстановить обитель.

Только к тому времени, навряд-ли, что-либо останется. Время и дожди сделают свое дело — уничтожат последнее, что осталось от церкви.

Как-то грустно стало, даже в этот светлый день. Мы встали и пошли к дому.

— Ну, как твоя «иномарка»? — спросил Алексей, когда мы проходили мимо моей машины.

— Ты знаешь, ничего. Единственное ее преимущество мало потребляет бензина. Остальное все настолько сырое, что оторвал бы руки тем, кто ее делал. Едешь и не знаешь, с какими приключениями столкнешься в дороге?

— Ну ничего, сейчас попьем парного молочка, а потом тебя ждет сюрприз, — сказал Алексей.

С этими словами он размотал цепь, открыл замок, и мы вошли в дом.

А там во всю кипела жизнь. Хозяйка только что подоила Марту и Майку и процеживала молоко через марлю в чистое ведро.

— Ну, вы как чувствовали, успели вовремя, — сказала радостно она.

Рядом с ней уже толпился «народ»: собака Найда, и кот Мурзик. Они вились вокруг хозяйки, и всем своим видом показывали, что они самые надежные и преданные друзья и защитники. А за хорошую службу неплохо бы поощрить их миской молока.

— Сначала мы напоим Найдочку, она у нас кормящая мама, — сказала Татьяна.

Трое ее богатырей скулили на охапке сена в углу под лестницей. Когда она пришла к ним, они вмиг свалили ее с ног на сено. Мешая друг другу, они искали материнские соски. А, найдя их, сосали молоко с таким наслаждением, как- будто их век не кормили. Найда накормила своих бутузов, и стала их ласкать и облизывать с такой материнской заботой, что они через короткое время уже видели свои собачьи сны.

Мурзик, налакавшись молока, вышел через открытую заднюю дверь во внутренний двор. Здесь во всю хозяйничали куры, они безжалостно клевали перья лука. Такого разгильдяйства со стороны кур он не мог допустить.

Мурзик стал их гонять с таким усердием, что поднялась пыль. Приятного было мало, и все попрятались, кто куда. Раскудахтались, расквохтались куры. Дескать, не дают любимым делом заниматься. Тут и защитник их появился. Распушил перья, гребень торчком, наострил когти, на Мурзика. И давай наскакивать на обидчика.

Тот видит, дело плохо, и давай деру. Залег под кустами смородины и следит с таким видом: да пропади все пропадом.

— Ну, как спектакль? — спросил Алексей.

— Да, все как у людей. Не дать, не взять.

— Пойдем в дом, попьем молочка с булочкой, — сказала хозяйка.

Мы поднялись по ступенькам в дом. Передняя комната служила кухней. Кругом стояли трехлитровые банки, то ли под молоко, то ли для консервации.

— Крутиться хозяйшкa приходится?

— Достается — конечно, куда денешься.

С этими словами она открыла вторую дверь, которая вела во внутренние покои дома.

Вторая комната была разделена длинным шкафом на две половинки. Справа жила Маришка, а слева — хозяин с хозяйкой.

— Да, Леша чуть не забыл, завтра у тебя праздник. С праздником тебя, с Днем Военно-Морского флота!

Между прочим, слышал анекдот про матросов?

— Заходит медсестра в больничную палату госпиталя и говорит: «Здравствуйте, матросики!»

А они: — Мы не матросики.

— Ну, как же, вон на вас тельняшки, — отвечает медсестра.

— Да, это не тельняшки, а это... ребра.

Лешенька, это я к тому, что тебе бы чуток поправиться надо, и провел по его ребрам, как по клавишам аккордеона.

— Я такой с детства. У меня такая конституция.

— А ты где служил?

— На Балтике. А ты где, Дмитрич?

— Я вечный солдат журналистики. У меня даже удостоверение из редакции выдано на вечные времена: «Бессрочно».

— Давай пить молоко, а то еще работы очень много, — ответил он.

Мы сели за стол, Татьяна налила нам парное молоко в бокалы.

Не прошло и десяти минут, как у меня началось...

Не одно лекарство не действовало так моментально, как стакан парного молока. Для городского человека это уже экстрим.

В течение часа пришлось пить крепкий чай с сухарями, чтобы успокоить организм, больше похожий на разбуженный вулкан.

Хозяева покатывались от хохота. Мне же было совсем не до того. После всех испытаний, выпавших на мою долю, пришла легкость, которой могла бы позавидовать балерина.

Я боялся, что меня не удержит земное притяжение. И я, как тот шарик, которым играет Маришка, устремлюсь в поднебесье. Слава Богу, этого не произошло.

— Может, еще откусываете бокальчик парного молочка? — язвительно спросил Алексей.

— Благодарю, — ответил я, переводя дух. — Это и был твой сюрприз?

— Дмитрич, вы человек городской. Натуральных продуктов и не видите. Все заменители, да химия. Скоро городской хлеб перестанет пахнуть хлебом. Раньше, если где в деревне пекли хлеб, так за тридевять земель слышен был божественный запах. Алексей так жестикулировал руками, что я заметил, нитку, которой была обвязана кисть его левой руки.

— Это что? Напоминалка.

— В последнее время рука не дает покоя. Обвязал, стало легче.

— Послушай, мой друг, добрый совет. Пора тебе заканчивать этот бешеный ритм жизни. Ты уже не мальчик. Такие нагрузки тебя до добра не доведут.

— Да, я ему тоже сколько уже говорила, а он все смеется, — поддержала меня хозяйка.

— Пожалей себя, ведь до пенсии ещё сколько барабанить?

— Ничего, все будет хорошо. Пойдем, я тебе лучше новый дом покажу. Вот это и будет для тебя сюрпризом.

— Ты мне уже один сюрприз сделал, — ответил я.

Мы прошли вдоль задних построек дома, пересекли огород, потом миновали баню, и вышли на задний двор.

Здесь когда-то пустовала земля, и хозяева сажали картофель.

Пришло время стройки. Лучшего места и не придумать.

Глянул я, Матерь Божия! Там, где был пустырь, стоял двухэтажный бревенчатый дом.

— Ну, как моё творение?

— Слов нет. Ты прямо как те мастера, которые построили церковь в Кижях.

- Строительный материал — только осина. Вот обошью еще внутри «вагонкой» и переедем с хозяйкой сюда жить.

Мы зашли внутрь. Простор и море света. Запах дерева создавал особый настрой.

А самое главное — гордость за хозяина. Ведь все это он сделал один — своими руками.

Правда, были помощницы. Сама дочь Маришка и ее двоюродная сестра Оксана. Даже крышу помогали крыть лёгким покрытием. А еще корили бревна, да по мелочи еще много кое-чего делали.

Зато и девчонки первыми засели ли дом. И стали обживать верхний этаж.

- А теперь поднимемся на второй этаж, — сказал хозяин.

С веранды лестница вела наверх.

- Ну, как твоя спина? — спросил он, когда мы поднимались по ступеням.

- Ой, Леша, спасибо тебе большое.

И вспомнилось мне, как весной, когда еще не совсем сошел снег, приехал я к нему в гости.

Приехать приехал, а из машины вылезти не могу. Прострелило спину так, что сразу стало понятно — радикулит.

— Леша! — позвал я его на помощь.

С добрым хозяином кое-как добрались до дома.

- Вызывай «скорую», — попросил я его.

- Подожди, Дмитрич. Сейчас я тебе помогу. Ложись на пол.

- Это зачем?

- Ложись, не бойся, только ложись на живот.

С горем пополам я лег, как было сказано.

Алексей положил руки на спину и начал слегка массировать, потом все сильнее и сильнее. При этом он что-то шептал.

- Ты чего там шепчешь?

- Лежи, лежи. Все это я делаю уже не в первый раз.

С этими словами он встал мне на спину. И давай вышагивать как по Невскому проспекту.

- Ты чего решил, чтобы я Богу душу отдал раньше времени?

— Говорю, не бойся, скоро спасибо скажешь.

Так он колдовал надо мной около часа.

— А теперь вставай!

Я встал и увидел, что Алексей был весь потный, как после бани.

— Ну ты и волшебник. С меня причитается.

С тех пор прошло несколько месяцев, и я легко поднимался на второй этаж, восхищаясь Лешиным творением.

— Как тебе второй этаж?

— Слов нет!

Отсюда еще лучше видно и деревню, и лес, и речку.

— Ну вот, Дмитрич, я и показал все, что я сделал за последнее время. Сейчас мы опять поедем косить, а ты отдыхай, фотографируй, у нас здесь красивые места.

Мы вышли из дома и направились к речке.

Около лодки его ожидал родственник. Они сели в лодку, заурчал мотор, и «Казанка» рванулась вперед.

Я сел на скамью и глазами стал провожать удаляющуюся лодку. В этот момент и появились эти строчки:

*На старенькой скамейке
В умиление
Вечерний наблюдаю
Я закат.
Какие краски отраженья
В воде серебряной стоят!
Вот чайка над волною
Пронеслась,
Слегка задев ее крылами.
На это диво я,
Как в первый раз,
Любуюсь, говоря стихами.
А на мостках
Вон ребяташки
С таким задором ловят
Щуку,
Что, позабыв тетради,
Книжки,*

*Совсем забросили науку.
Суббота.
Баньки затопили,
Дымок струится там и тут.
Нет уголка
Чудеснее в России,
Поэтому и люди здесь живут!*

2010 год

КРАЖА

Недседатель СПК «Приволховье» зашел в свой кабинет. В сердцах он так хлопнул дверью, что отлетела штукатурка, которая скрывала шов между коробкой двери и кирпичной стеной. Обычно он такого себе не позволял. Но сегодня на душе накипело.

С утра все пошло наперекосяк.

Гнев кипел и рвался наружу.

— Как можно самих себя грабить? На что это похоже?

Утром позвонила сторож с машинного двора и сказала:

— В районе тракторного парка кто-то лазит? А кто, не видно.

Свистела, но мужик не обращает внимания. Хотела туда пойти, да боюсь. Хорошо, если изнасилует. А если придушит.

Председатель прыгнул в «УАЗ» и быстро направился к месту происшествия.

Когда он подъехал к машинному двору, в этот момент приехала и милиция с собакой.

Сначала собака взяла след, потом покрутилась, покрутилась и легла на землю. Подняв свои печальные глаза на хозяйна, она как бы говорила:

— Больше ничем, дорогой, помочь не могу.

За машинным двором простирался лес.

— Теперь ищи-свищи ветра в поле, — в сердцах сказал председатель.

— Ничего, найдем, — ответил старший лейтенант.

Но ни через день, ни через два, так и не нашли чертов пусковой двигатель от трактора. Как в воду канул.

Трактор нужен позарез в поле, а он в настоящий момент представляет кучу металла.

— Сегодня вечером после работы собрать всех в красном уголке — сказал он своей секретарше.

Кто-то воспринял эту новость как должную, кто поворчал для порядка. Всем ведь не угодишь, будь у тебя хоть семь пядей во лбу.

Ровно полпятого у конторы собрался народ: механизаторы, полеводы, доярки, конторские.

Дымили так, что за версту было видно. Большая часть молчала. Видно собиралась с мыслями.

— Заходите или ждете особого приглашения, — сказал председатель.

Когда народ сел и уgomонился, он продолжил:

— Как будем жить дальше, мужики. Нас грабят, а мы молчим.

Вы часто задаете мне вопрос:

— Почему, мы так мало получаем? А из чего складываются потери? В сельском хозяйстве — из всего. Из-за недополученного молока, из-за некачественных кормов, из-за больничных листов, а теперь еще и воровство.

Воровали не залетные, а свои. Сняли с того трактора, который стоял ближе к лесу, в надежде, что сторож не услышит.

У меня к вам большая просьба, мужики. Поспрашивайте в деревне:

— Не пытался ли кто продать детали от трактора?

На том и разошлись.

Уже на следующий день стали выведывать у деревенских жителей:

— Кто, когда?

И вскоре выяснилось. Бывший механизатор Борис и снял злополучный пускач. А попросту украл.

Пошли к нему. Он сначала брыкался, сопротивлялся. А когда его схватили за грудки, признался.

Ребята ему слегка помяли бока, чтоб впредь не повадно было.

И в тот же день трактор вышел в поле.

А Борис, не долго думая, прошел судебно-медицинскую экспертизу. Зарегистрировал свои побои и подал на ребят в суд.

Но, когда на суде открылась вся правда, Борис пожалел, что связался с этим делом.

Суд обязал ему возместить весь ущерб.

А ребят, что так лихо расправились с вором, тоже «наградили», дав по одному году. Правда условно.

— За что?

— За самосуд!

ПРЕСТАРЕЛОСТЬ *

Этот дом, в котором живут его обитатели, стоит в лесном массиве. Подальше от людей. Видно из наилучших побуждений. Здесь всегда, в любое время суток, стоит оглушительная тишина, чем-то схожая с кладбищенской.

Где под каждым крестом, свой хозяин. И, ему сейчас совершенно безразлично, стоит на его могиле простой крест или богатый мраморный памятник.

Такое же безразличие и у тех, кто работает в этом доме. Различие только в одном, это живые люди.

Как обычно они приезжают утром. И как всегда в 17 часов они покидают свои рабочие места. И уезжают домой.

Благо ходит автобус №6 «САН. ЛЕС. ШКОЛА».

По обе стороны от этого дома стоят большие строения.

Справа — железнодорожная больница, слева — школа-интернат.

Этот дом, где живут наши обитатели, можно спокойно называть «ДЕД — САД».

В правоте своих слов, я убедился, когда увидел в тени яблоневого сада старого деда с окладистой ухоженной бородой. Своим видом он больше напоминал какого-то святого. Рядом не было ни души.

— Здравствуйте, дедушка! — сказал я.

— Здравствуйте, сын мой! — сказал он нараспев.

Это был совсем не мой отец. Мой умер через 14 лет после окончания Великой Отечественной войны.

На юге всегда почитали старых людей. И от добрых слов, сказанных в их адрес, еще ни у кого не отсох язык.

— Какой чудесный яблоневый сад. Интересно, кто его посадил?

— Все обитатели этого дома, — ответил он. — Вот яблоня, посаженная мной. А эта яблоня сорт «Мельба», посаженная моим фронтовым другом Николаем. Его уже несколько лет

* Владимир Иванович Даль. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 томах.
См. том 3, стр. 396.

нет с нами. Но саженец, посаженный им, вырос в прекрасное дерево и напоминает, что он где-то рядом, здесь.

Несколько лет оно уже плодоносит.

— Какую память оставил после себя человек, — сказал я.

— Эх, как бы он сейчас порадовался, глядя на эти замечательные плоды, — ответил он. И после короткой паузы добавил:

— Осенью мы соберем урожай. И прекрасный компот в течение долгого времени будет напоминать нам о тех, которых уже нет с нами.

— Как вам живется в этом казенном доме? — спросил я.

— В доме престарелых всем живется несладко.

Потом, как бы спохватившись, с тревогой спросил:

— А вы не с проверкой у нас?

— Не волнуйтесь, батя. Я приехал провести родственника.

— Повезло ему, — ответил он с горечью. А меня и провести не кому. Мне так стало жалко старика, что еле-еле сдержал слезы. Потом протянул ему пачку печенья. Он сначала отказывался, а потом согласился и взял.

— Вместе с друзьями чайку попьете, — сказал я.

Он еще долго провожал меня взглядом, пока я шел по аллее.

Старость надо уважать. Ведь придет время, и мы тоже подойдем к этому жизненному знаменателю.

И где, поверьте мне, ответ не будет совпадать с нашим ответом. Таков суровый закон природы. Основной закон жизни.

И не смотря на все тяготы жизни, не надо впадать в уныние. Не давайте хандре вселиться в вашу бессмертную душу.

Лучшее лекарство от нее — заниматься любимым делом.

Тогда сразу понимаешь всю значимость своего существования в семье, в обществе.

А это приходится доказывать каждый день и каждый час.

Недавно мне пришлось опять лежать в больнице. Со мной в одной палате лежал житель поселка Глажево.

По несколько раз в день к нему приходили родственники и близкие. Больная жена не раз приезжала провести его.

Такой поддержке мог позавидовать каждый.

Он стал таким совсем недавно. 8 лет назад ему ампутировали одну ногу, через два года — вторую. Обе выше коленного сустава.

— Маресьев, Вы наш, — так я обращался иногда к дяде Васе. Без обеих ног, худой такой, что удивляешься:

— Как в таком человеке теплится жизнь?

Но есть в нем какой-то стержень, который не сломить не какой болезнью. Он, находясь в таком состоянии, вселяет в других такую надежду, которую никакая престарелость не в силах сломить. А ему ведь 81 год.

Взгляд искрится, аппетит такой, что любой может только позавидовать. Да и остальные параметры его здоровья для его возраста в норме.

А главное, что запомнилось мне, его рукопожатие, когда я выписывался из больницы. Уж его я запомню на всю жизнь.

Крепкое, мужское.

2011 год

НАДЕЖДА, ВЕРА, ЛЮБОВЬ

Я давно знаю эту молодую пару. Они живут в доме напротив. На моих глазах выросли, возмужали. На днях во дворе пронесся слух:

— Анатолий и Светлана женятся.

Ну, а что тут удивительного? Пришла пора, вот они и соединяют свои судьбы. Не век же, в девках, куковать.

Он армию отслужил, она заканчивает техническое училище.

Можно было бы и подождать, да сроки поджимают.

А все дискотеки. Раз встряхнулись, другой. И вот результат — свадьба.

Свадьбу сыграли, как положено.

Машина, да не одна. Ленты, праздничные шары, кукла традиционная и прочая свадебная атрибутика.

В ресторане вечер заказали с тамадой. Одним словом, дым коромыслом.

Молодых встречали с хлебом-солью. Невеста откусила гораздо больше жениха. Видно серьезно готовилась к такому испытанию. Потом выпили за жениха и невесту. Вторую за родителей, потом за бабушек и дедушек. И понеслась.

Желаем паре молодой,

Дожить до свадьбы золотой.

Горько! Горько! Горько!

Кто-то дружно открывает счет:

— Раз! Два! Три!

Что уже устали. Ну ладно, выпейте и отдохните.

Теперь свидетель и свидетельница покажут, на что они способны.

Те вскакивают, и давай всякие наказания да указы читать. Кто будет готовить обед, кто стирать, и прочая и прочая. Как теща будет зятя называть? Как свекровь будет относиться к невестке? И назовет ли молодая жена свою свекровь мамой?

Я слушал всю эту беспросветную чушь и думал:

— Да, самое главное, чтобы они любили друг друга.

Чтобы вера, надежда и доброта всегда царили в их сердцах.

Чтобы они берегли самое светлое чувство на земле — Любовь.

И только тогда они будут жить долго-долго и счастливо.

А не так, как у одних моих знакомых.

Закончилась свадьба. Гости разошлись вечером, а молодые... утром.

В жизни все бывает. Но любовь, это что тот мастерок, с которым работает штукатур. Он сгладит все шероховатости на любой поверхности.

А на жизненном пути человека их будет столько, что и не сосчитать.

2011 год

ПОД БОЙ КУРАНТОВ

Давным-давно это было.

Правда, начало многообещающее. Более похоже на начало какой-то сказки.

Но то, что это было — правда. Клянусь своим крепким здоровьем, которое было у меня в те далекие годы.

Это было на Кубани, где-то в 1972 году. 40 лет назад.

Была середина декабря. Я отдыхал после ночного дежурства.

В дверь квартиры позвонили. Потом еще раз и еще.

— Кого несет в такую рань, — подумал я. — Проклиная все на свете, я встал и пошел открывать дверь.

На пороге стоял мужчина лет сорока.

— Добрый день! — сказал он. — Вы уж извините, но я к вам по неотложному делу.

— По какому такому делу? — спросил я спросонья.

— Я председатель завкома консервного завода, — продолжает он.

— А я работник локомотивного депо, — отвечаю в свою очередь.

— Я это знаю. А еще я знаю, что вы прекрасный Дед Мороз.

У меня к вам просьба от всего коллектива. Мы хотим поздравить наших ветеранов, которые уже давно на заслуженном отдыхе с Новым годом. Именно 31 декабря.

— Прекрасная идея, — ответил я.

— Вот мы и просим вас эту идею помочь осуществить. Об оплате можете не беспокоиться, не обидим.

— Я как раз об этом меньше всего и думаю. Хотя ход ваших мыслей мне нравится.

Человеку всегда нужны деньги. Даже, когда их много. Ну, а если их и вовсе нет, тогда особенно и думать нечего.

Мы сели в комнате и обо всем договорились.

В тот же день начал писать сценарий, который через три дня уже читал комиссии. Она отвечала за проведение новогоднего праздника.

Вот и настал это день, а именно 31 декабря.

В обед приехал на консервный завод. Там уже было все готово.

Подарки были погружены в «Кубань». Снегурочка наряжалась. А когда она еще и красивая, то ей не нужен никакой грим. Другое дело у Деда Мороза.

В любом случае ему необходимо гримироваться.

Мне 25 лет, нужно себя состарить, чтобы даже друзья тебя не узнали.

Сели, поехали. Первый адрес. Здесь проживает одинокая женщина, проработавшая на заводе всю свою жизнь.

Поднимаемся в квартиру. Нас встречают. Когда мы всей ватагой вваливаемся в однокомнатную квартиру и начинаем кружить хоровод и петь песни, у хозяйки выступают слезы на глаза. Ну какой был бы я Дед Мороз, если бы не развеселил ее. Наши помощники вносят подарок – стиральная машина.

По тем временам, это просто царский подарок.

Собрались было уже уезжать, а хозяйка нас не отпускает.

– В кои-то веки такие дорогие гости, а я вас не угощу.

– Да не волнуйтесь, нам еще 14 ветеранов надо поздравить.

– Ничего, подождут, – сказала хозяйка.

Она достала из старого буфета какую-то бутылку.

– Вот настал тот счастливый день, когда ты, ликерчик, пригодился, – сказала она не то ликеру, не то нам.

Уже разливая его по рюмкам, она сказала:

– 30 лет стоял он, ждал своего момента. И я счастлива, что этот день настал.

Когда мы покидали гостеприимную квартиру, я сказал:

– Если нас так будут встречать в каждом доме, мы просто физически не успеем к Новому году.

– Ничего, – сказал председатель завкома. – Доставим в лучшем виде.

Если бы он знал, что это будет за «лучший» вид?

Куда бы мы не приезжали, везде нас ждали.

Приходилось преодолевать многочисленные ступени. И когда нам говорили:

– В этом доме живут на пятом этаже.

Мы были бы рады, чтобы за подарком спустились сами хозяева.

Если кто думает, что труд Деда Мороза легкий, тот здорово ошибается. Единожды побывав в этом костюме, в гриме, веселя детей и взрослых, поймешь, что хлеб даром не дается.

Уже после седьмого или восьмого поздравления я уже пожалел, что согласился на это мероприятие.

Везде нас старались не столько покормить, сколько напоить.

Русское радушие выплескивалось через верх.

Я думал только об одном:

— Только бы выдержать, не свалиться.

И я выдержал.

Меня привезли домой и проводили до квартиры.

Когда я открывал двери, из репродуктора слышался бой курантов. Страна встречала Новый год.

Я успел.

2011 год

БЕЛАЯ БЕРЕЗА

Нозолотился лист на красавице березке. Потом второй, третий. И вот она уже вся, как будто золотом покрыта.

Стоит и радуется глаз человеческий.

— Ах, ты моя голубушка, красавица милая, — говорю я ей.

Как будто она понимает меня.

И нежно глажу ее ствол, больше похожий на нежную девичью фигуру.

Береза — дерево женского рода. А сколько еще деревьев, которые тоже женского рода — осина, сосна, ольха, черемуха.

Все деревья хороши по-своему.

И каждое, хоть какую-нибудь болезнь, да лечит.

Всеобщей любимицей, конечно, является береза.

Взять хотя бы баню.

Топим березовыми поленьями. Неистово хлещем себя или друга. Чем? Тоже березовыми вениками.

После чего из организма уходит хворь, а из суставов уходит боль.

В святой праздник Троицы церкви украшают березовыми веточками. Вот как почитают на Руси березу.

В старину, после битв великих и малых, ратников лечили в первую очередь листьями и отварами из березы.

А сколько веков русский мужик протопал по непроходимым дорогам Отечества? Знает он сам да лапти, которые сопровождали его всюду.

Из березы, как в старину, так и сейчас, плетут различные корзины, туески, шкатулки, всего и не перечислишь.

Различные чудесные поделки из березы разъезжаются во все уголки нашей планеты.

Я ласково погладил теплый ствол и чуть не смахнул муравья.

Трудыга лез куда-то наверх. Что он там забыл? Непонятно. Ну, вот зачем люди взбираются на высокие горные кручи?

Чтобы полюбоваться земными красотами.

Наверное, и он хочет по-муравьиному ощутить чувство высоты. Не буду ему мешать. Вечный труженик.

Рука еще раз погладила белую березку.

Без этой светлой красы на земле было бы гораздо сиротливей и пусто. А с ней сердце радуется. На душе становится тепло и светло.

Жаль, что в повседневной жизни мы так и не научились ценить всю ту красоту, что нас окружает.

И дарит такое блаженство.

2011 год

ВАЛЕРКИНЫ РАССВЕТЫ

Повесть

*О, милое детство,
Куда ты ушло?
В каких исчезло ты далях?*
Автор

Мать-сестра

В послевоенное лихолетье основному люду жилось, мягко говоря, не сладко.

Валерка жил с матерью, про отца ничего не знал. Она ему ничего не рассказывала, а он и не спрашивал. Это потом через годы, когда он достиг того возраста, когда тайна стала явью, он узнал, что она ему не родная мать, а родная сестра. Она его взяла на воспитание, когда ему было всего-навсего полгода. Он умирал от истощения, лежа в плетеной корзине и укутанный в старое тряпье. Вся его еда состояла из куска черного хлеба, завернутого в марлю, чтобы мальчишка не подавился.

В стране еще существовала карточная система, и он как гражданин своего Отечества пользовался тем небольшим пайком, что ему полагался. Но до его рта ничего не доходило: родная мать съедала все сама. Он лежал в углу и скулил, как тот брошенный щенок, до которого никому нет никакого дела.

— На черта сдалась мне эта дохлятина, — заявила мать и пнула корзину, где лежало родное ее дите.

Тот в свою очередь заскулил, потому что плакать не было уже никаких сил. Он лежал, как затравленный зверек, всем своим существом протестовал против такого обращения.

Но что он мог сделать такой маленький и беспомощный?

Ничего. Он был обречен.

По-соседству жила Антонина. По родству она приходилась мальчишке старшей сестрой и часто была у него. Видя всю эту безрадостную картину, она не раз заводила разговор о том, чтобы забрать к себе братишку:

— Отдайте мне брата, он же вам не нужен.

— Да ради бога забирай, — ответила та, которая родила.

Антонина, недолго думая, потребовала письменный отказ, а, получив его, схватила братишку на руки и выскочила на улицу. Дома она нагрела на керосинке воду. Сделала отвар из нескольких трав, приготовила корыто, в котором стирала белье, и стала купать в нем брата. Сначала он хныкал, но согревшись, стал плескаться в воде, испытывая райское наслаждение. На следующий день Антонина понесла мальчишку к

детскому врачу. Тот осмотрел его, внимательно прослушал через трубку. А потом сделал неутешительное заключение:

— Этот ребенок долго не протянет. У него букет болезней, которые наша медицина не в силах вылечить.

— Гром среди ясного неба не так бы поразил Антонину, как эти слова. Слезы душили ее, она схватила брата в охапку убежала из кабинета.

— Сделаю все, что в моих силах, а малыша поставлю на ноги, — думала Антонина.

Дом, в котором жила она, был похож на барак, где под одной крышей жило несколько семей. Сделан он был из самана. Зимой в нем было тепло, а летом прохладно. Да и город, в котором они жили, назывался Прохладный. Вернее они жили в селе Прималка, и с городом их разделяла только река Малка.

Прошло несколько месяцев. Любовь и упорство победили. Братишка пошел на поправку. На улице весело резвилось своими лучами летнее солнце. Его теплые, ни с чем не сравнимые лучи, легко проникали через окно и отражались в старинном зеркале, на хромированных шарах старинной кровати, которая прослужила не одному поколению, на Валеркином лице. Так Антонина назвала брата, в честь погибшего на фронте, которого тоже звали Валерием.

Он радовался жизни, чистым трусикам, солнцу и теплу. Всему, что его окружало.

Через месяц Тоня получила все документы, касающиеся усыновления. Теперь у братишки было не только имя, но и фамилия и отчество. Он стал гражданином СССР.

У Антонины не было детей. Перед войной она вышла замуж. Муж тоже был учителем. С ним она жила недолго. Грянула война. В 1941 году его в числе первых забрали на фронт. И в первом же бою под Москвой он пал смертью храбрых. Все, что от него осталось, это похоронка, которая долгое время хранилась в комод.

Народ все надеялся, что враг не дойдет до Кавказа. Но фашисты рвались к Грозному, к Бакинской нефти. Антонина не успела эвакуироваться, и вместе со всеми пережила фашистскую оккупацию. Коммунистов и тех, кто помогал партиза-

нам, показательно расстреливали. Сельскую учительницу, не состоящую в партии, не тронули. Она чудом избежала отправки в Германию. А потом пришло долгожданное освобождение. Советские войска погнали фашистов назад, на запад. Канонада уходила все дальше и дальше.

Уже и война отбушевала, и жизнь постепенно стала налаживаться. Но раны, нанесенные войной, еще долго напоминали о себе.

Новый год!

Прошло три года. Валерка подрос и окреп. За это время окрепла и страна.

В магазинах было почти все. Но на это изобилие было больно и обидно смотреть. Обидно потому, что купить не было возможности, не было самого главного — денег. По праздничным дням маленькая горсточка леденцов радовала душу. Продавщица старалась такой навернуть кулек, что туда мог спокойно уместиться весь килограмм. Но все равно, это было счастье, которое лилось полноводной рекой.

Валерка очень любил праздники. Особенно Новый год. Вместе с пахнувшей лесом елью в дом приходил еще один праздник — его день рождения. Особенно торжественным было утро. Он просыпался ни свет, ни заря, и бежал к елке. Там под ватой, имитирующей снег, всегда лежал подарок...

Но Дед Мороз придет только завтра. А сейчас он смотрит в заледенелое окно, за которым едва проглядывается сельская улица. Ночные фонари раскачивает декабрьский ветер, редкие прохожие мелькнут и исчезнут, так же внезапно, как и появились.

— Интересно, что подарит мне Дед Мороз? — думал Валерка.

Он прикрыл глаза, и ему показалось, что где-то играет гармошка. О ней он мечтает с тех пор, как помнит себя. А еще он мечтает о велосипеде с резиновыми колёсами. Он видел такой у соседского мальчишки, и тот дал ему подержать руль. Не покататься, а просто подержаться. Какого было удивление

Валерки, когда Вовкина мать отстранила его от велосипеда и сказала:

— Вовочка, заberi велосипед и не давай никому, а то еще поломают или испачкают.

Валерка посмотрел на свои руки, они были чистые.

В доме у них всегда была чиста и порядок. Об этом он заботился сам, иногда помогала мать. Подметал и мыл полы.

Сам убирал свои игрушки. У него было любимое место для игр — русская печка. Долгими зимними вечерами он любил играть в незамысловатые игры. Наигравшись, он ложился на тулуп, который лежал на печи. Клад под голову подушку и осматривал комнату. Старый, виды видевший комод, такая же старая кровать. На стене висит треснутое овальное зеркало, которое разделяет лицо пополам. Глядя на зеркальные проделки, он смеялся от души. Еще были стол, два табурета ручной работы и маленькое детское кресло, вот и вся обстановка.

Хорошо лежать на теплой печи. Дурманивший запах березовых дров, что горят с веселым треском, несет в другой мир.

Ему кажется, что он взмывает в небо... вместе с велосипедом. Вот он плывет над родным селом. Из домов выбегают люди и кричат ему что-то в след, но ветер заглушает слова. В глазах стоит какой-то шум, глаза слипаются. Валерка спит.

Утром проснувшись, он спешит к елке... и «о, чудо!». Сверкая никелем, около нее стоит новенький велосипед.

— Ночью приходил Дед Мороз и вот принёс тебе подарок, — сказала мать и загадочно улыбнулась. Елка, украшенная различными игрушками, бумажными флажками, серпантином и стеклянными бусами, в это утро была еще нарядней. И рядом с ней мечта всей его жизни — велосипед.

Как это здорово, когда мечты сбываются.

Свадьба!

Февральская капель говорила о том, что весна не за горами. Окна, замороженные за ночь, к обеду оттаяли, и причудливые узоры, над которыми всю ночь трудился мороз, исчезли, не оставив ни малейшего следа.

Валерка выглянул в окно. Мальчишки и девчонки катались на речке: кто на санках, кто на коньках. У кого не было ни того, ни другого, катались на чем угодно. Он надел валенки, верёвкой привязал к ним коньки «снегурки» и выскочил на улицу. Сразу же за забором его дома к реке шел крутой спуск. Здесь всегда было полно детворы. Около замерзшей реки всегда былолюдно и весело. С высокого берега неслась ватага. Кто на чем: на коньках, на санках, кто на своих двоих. Ездоки во все горло кричали: «По-бе-ре-гись!», и эхо несло над рекой.

Зазевавшихся опрокидывало. И вся эта куча-мала с визгом катилась кубарем вниз.

Синяки и ссадины — это было нормальное явление. Поскольку детство без шишек и царапин не бывает никогда и ни у кого. Это уже проверено не одним поколением. В разгар веселья ребята и не заметили, как к реке подъехала полуторка, доверху наполненная раскрасневшимися нарядными людьми.

— Свадьба, свадьба! — несло со всех сторон.

Гармонь заливалась на все лады. Хмельные мужики и бабы не столько пели, сколько орали. В этом общем шуме порой нельзя было разобрать слова самой песни.

Шофёр остановил машину и вышел на лед. От кромки льда шла колея. Она уходила на другой берег.

— Не проедем, — сказал он.

— Да вон свежие следы от машины, неужели поджилки трясутся? — сказали стоявшие рядом дружки.

— Ничего не трясутся, просто не хочется рисковать.

— А кто не рискует, тот не пьет шампанское! Поехали!

Пьяная свадьба требовала быстрее везти на другой берег, чтобы продолжить застолье. Спорить было бесполезно. Чтобы объехать, нужно было бы сделать лишних 20 километров.

А этого как раз и не очень хотелось делать.

— Ну, ладно, уговорили, — сказал шофёр.

Он сел в машину. Запустил мотор. Машина потихоньку выехал на лед.

— Ну, вот видишь, а ты боялся? — сказала сияющая невеста, то ли от счастья, то ли от ударившего в голову вина.

Уже и середину реки миновали. Вот он другой берег — рукой подать. Но лед угрожающе затрещал...

Над замерзшей рекой лилась песня, и вдруг в одно мгновение всё оборвалось. Лед не выдержал, и машина вместе с людьми ушла под лед. Крики ужаса донеслись до берега. Кто постарше, бросился в село за взрослыми. Когда подоспела помощь, то спасать было не кого. Тёмная гладь воды была покрыта льдинами, и на поверхности реки не было ни одной живой души.

Арбузный мед

Семьи учителей жили своеобразной коммуной, так было легче. Они помогали друг другу. Большие дела и поездки на рынок делали сообща. В любую трудную минуту приходили на помощь. Сельская жизнь лишена всяких развлечений. Здесь, чтобы выжить, необходимо трудиться в поте лица день и ночь. Кроме основной работы в школе приходилось держать огород, чтобы как-то прокормиться.

Антонине было трудно, как и всем. Она работала учительницей русского языка и литературы в Прималкинской начальной школе. Работы было много: сначала уроки, потом занятия с отстающими учениками из группы продленного дня. Поздно вечером приходила домой, усталая и голодная. Наспех перекусив, принималась проверять горы школьных тетрадок. Работы всегда было много. А денег как всегда не хватало.

Валерка никогда ничего не просил у матери. Даже если она и говорила, что надо купить, то или другое. Он обходился самым малым, любой интересный камешек или деревянная чурка могла стать автомобилем, танком, лодкой, чем угодно. Но с тех пор как появился у него велосипед, все его время было занято им. Горбушку чёрного хлеба, посыпав солью, бегом к друзьям. Катались все по очереди, а когда надоедало, играли в «жмурки», в лапту.

Сентябрь выдался сухим и ветреным. Целый месяц на землю не упало ни единой капли дождя.

В это время в Кабарде заканчивалась уборка урожая. Все выросло на славу: особенно арбузы. Их солили в бочках, что-

бы побаловаться зимой. Ели от пуза и варили арбузный мед. Учителям колхоз всегда помогал, чем мог. Прямо с бахчи привозили арбузы на какой-нибудь двор, и все учителя вместе с семьями начинали варить мед.

Это была традиция, целый ритуал.

Довольно большая гора арбузов манила ребят, как магнит. Они прыгали вокруг нее, дожидаясь, когда взрослые вырежут мякоть и отдадут ребятам, нечто похожее на шляпы без полей. Водрузив все это на головы, мальчишки, подобно индейцам, носились с визгом по двору. В руках у них были палки. Нападая друг на друга, они пытались попасть по этому шлему. Когда это удавалось, шапка разваливалась.

Вся голова в семечках и в арбузном соке вызывала всеобщий хохот. Арбузный сок был везде: с головы до пят. Он-то и привлекал многочисленных пчел. Но что удивительно, ребяташек они не кусали. Детские крики «Мед и уксус! Мед и уксус!» помогали избегать пчелиных укусов.

Мужчины уже растопили печь, которая находилась под навесом во дворе. Женщины резали арбузы, которые наперегонки подавали им дети, и всё арбузное нутро исчезало в пузатом чане, который стоял на печи. Уже давно по всему двору витал арбузный дух, медовары снимали пену и выливали в большой таз. Эту горячую массу дети намазывали на хлеб и уплетали за обе щеки.

Вот это было настоящее райское наслаждение. До самого утра взрослые варили мед. А дети, наевшись арбузов и меда, и свалившись от усталости, уже давно спали. Сны были добрые и сладкие.

Полет не во сне, а наяву

Детское любопытство всегда куда-нибудь да влекло Валерку. В поисках чего-то нового, неизведанного.

Посколькувширь пространство было ограничено границами двора, то тянуло ввысь.

Детская голова докумекала и решила, что уже пора покорять лестницу.

В один из погожих дней, когда в природе было все спокойно, Валерка собрал всё своё мужество в кулак, как настоящий первопроходец, стал готовиться к штурму своей первой в жизни высоты.

Для этого не надо было далеко ходить. Та высота, которую он хотел покорить, была прямо во дворе. В виде лестницы, приставленной к саманной хате.

Как настоящий путешественник, отправляющийся в далекий путь, он решил подкрепиться. Взяв кусок черного хлеба и маленькую луковицу лука, уселся на крыльце и основательно перекусил. Покончив с трапезой, приготовился к штурму.

Неизвестность манила и слегка пугала. Но любопытство взяло верх. Оглядевшись и убедившись, что никого поблизости нет, он робко стал на первую перекладину лестницы и крепко ухватился руками за боковины. Осмелев, он стал медленно и осторожно подниматься вверх. Чем выше он поднимался, тем больше захватывало дух. Открывающиеся дали очаровывали и притягивали.

Справа в низине через речку Малка виднелся город. С цветущими садами и огромной церковью. Купол, которого больше походил на шлем сказочного богатыря. Если смотреть прямо перед собой, то черепичная крыша закрывала весь вид. Слева виднелись Кавказские горы, среди которых выделялся двуглавый Эльбрус. В лучах полуденного солнца он резко отличался от остальных своей мощью и какой-то грациозностью. Чтобы разглядеть его лучше, Валерка встал на последнюю перекладину и ухватился за черепицу.

Эльбрус поплыл перед глазами и путешественник вместе с черепицей полетел вниз.

Всё произошло настолько быстро, что он в первый момент и не понял, что с ним произошло. Впервые в жизни он ощутил незнакомое чувство, чувство полета.

Мягкой посадки не получилось. На его пути оказалась печь. На ней готовили в летнее время. Падая вниз головой, он угодил в металлический уголок. На шум прибежали соседи, которые по счастливой случайности оказались дома.

Окровавленный мальчишка лежал на земле и не подавал

признаков жизни. Вызвали «неотложку». Оказав первую помощь, врачи отвезли Валерку в городскую больницу.

Целую неделю он был без сознания. На восьмые сутки он открыл глаза. Все плыло перед глазами. И он снова их закрыл.

— Кризис миновал, — сказал лечащий врач, теперь будем надеяться, что худшее позади. Организм молодой и справится с этой травмой.

Через месяц Валерку выписывали из больницы. Провожая из палаты Валерку, врач на пороге больницы сказал:

— Этот шрам на голове, больше похожий на двуглавый Эльбрус, будет всю жизнь напоминать тебе о благополучном исходе твоего падения. Постарайся больше не покорять такие вершины.

Марфуша

Летом 53 года мать с Валеркой переезжали на новое местожительство. В то время профессия учителя была сродни с профессией военного, от которого ничего не зависело. Пришел приказ, надо выполнять.

Во дворе собрались соседи и учителя, которые работали вместе с Валеркиной матерью. Долгие проводы, лишние слезы.

Подвода медленно тронулась в путь. И долго, пока было видно друг друга, провожающие и уезжающие махали руками.

Переехали речку Малка. Въехали на центральную улицу города, пересекли площадь.

Здесь совсем недавно, в начале марта, площадь была забита плачущими людьми. Портреты дедушки Сталина в траурных лентах и черный квадратный репродуктор, из которого доносился голос невидимого диктора. Плакали женщины, которые по натуре своей очень восприимчивы. У многих мужчин в глазах тоже стояли слезы. Глядя на всех окружающих, у Валерки глаза тоже были на мокром месте. Он не совсем понимал, что случилось. Но случилось, что-то неординарное. Вот и сейчас из глаз брызнули слезы. Он только что расстался со своей лучшей подружкой Светкой. Она тоже была среди провожающих.

Где-то там, в сумках, в конверте, лежала фотография, где он вместе с ней позировал неизвестному фотографу.

Телега выехала на какую-то улицу, которая в скором времени перешла в проселочную дорогу.

Через 9 километров показалось село Пролетарское. По одну сторону находилось длинное строение, похожее больше на сарай, чем на сельскую школу. Напротив — скотный двор.

Такому соседству можно было только позавидовать.

По другую сторону дороги лежало село с одной единственной улицей.

Возница свернул направо. Проехав несколько домов, остановился: — Вот мы и приехали, — сказала мать.

За калиткой залаяла собака. Послышался скрип дверей.

— Трезор, на место, — раздался женский голос. Через минуту вышла улыбающаяся женщина.

— А вот и мои новые квартиранты? — сказала она, и пошла открывать ворота.

Въехали во двор, возница помог снять вещи с телеги. Мать расплатилась с ним, и он уехал. Валерка стоял посреди двора и с любопытством разглядывал новое местожительство.

— Ну что вы, проходите в дом, — сказала хозяйка, видя нерешительность новых жильцов.

Поднялись на крыльцо, прошли коридор и вошли в прихожую. В доме было две комнаты. Одна из них большая, другая чуть поменьше.

— Вот в ней и будете жить, — сказала она, указывая на маленькую. — Зовут меня Марфа Петровна, но лучше зовите Марфушей, так проще. Тем более что меня так все называют.

Осмотрев Валерку с ног до головы, продолжила:

— Надеюсь мальчишка у вас не шкодливый?

— Да, что вы? — сказала мать. — Он у меня первейший помощник. Если надо, он и вам сможет помочь по хозяйству.

— Значит, теперь у нас в доме есть мужчина, — сказала хозяйка и продолжила:

— Ну, нечего соловья баснями кормить. Давайте будем пить чай с бубликами. Вещи потом занесем.

Встреча с быком

Прошло несколько месяцев. Наступила зима.

Новое место жительства, новые люди были интересны Валерке. Пока мать в школе занималась с детьми, сын в это время гулял во дворе. Совсем недавно они переехали в село Пролетарское, а уже обжились. Он подружился с ребятами, и сейчас с нетерпением ждал звонка с урока. На перемене он всегда играл со своими новыми друзьями.

Гуляя по двору, он и не заметил, как лоб в лоб столкнулся с колхозным быком. Тот, через пролом в школьном заборе, проник во двор.

Чем привлёк его Валерка, неизвестно. Но он все ближе и ближе приближался к нему. Чувствуя, что беды не миновать, мальчишка дал деру.

Если бы кто включил в этот момент секундомер, то удивился бы Валеркиной прыти.

Он почти на рогах быка влетел в школу. Сердце было готово выпрыгнуть из груди, так сильно оно еще никогда не колотилось.

Бык стоял у школьных дверей и бил копытом о землю.

Прибежал рабочий скотного двора, долго уговаривал быка:

— Яшка, вернись к своим буренкам. Яшенька, ну пойдём. Ах, ты шельма рогатая.

То ли помогли уговоры, то ли кнут возымел действие, но бык нехотя, но с гордо поднятой головой, направился к своим зазнобам на скотный двор.

Отдышавшись после сумашедшего бега, Валерка огляделся и заметил на школьных дверях объявление:

«Желающие поехать в город на рынок, записаться у председателя учкома».

— Мама, мы поедem на базар?

— Конечно, сынок.

— Ура!

На следующий день двое саней с лошадьми стояли около школы. Любая поездка вызывала у Валерки дикий восторг.

Вот и сейчас он садился в сани, где лежало сено, служившее

не только подстилкой, но и кормом для лошадей. Рядом лежал тулуп, чтобы можно было укрыться, если кому будет холодно.

Морозное зимнее утро.

Солнце медленно поднимается из-за горизонта. Лошади, отдохнувшие за ночь, весело бегут по заснеженной зимней дороге. Под полозьями скрипит снег, нарушая утреннюю тишину. По обеим сторонам дороги стоят деревья в снежном убранстве. Картина просто сказочная. Стая ворон, перелетая с места на место, истошно галдит, радуясь новому дню.

Радуются прекрасному утру и Валерка, и все сидящие в сани. Укутавшись в овчинный тулуп до самых глаз, он наблюдает за всем происходящим. Ему тепло и приятно.

Приехав на рынок, покупатели долго обходят торговые ряды.

Выбирают самое необходимое. Прицениваются, торгуются. Сторговавшись, перегружают мешки с мукой, крупой на свои сани. Валерка прохаживается между торговцами. Похозяйски поглаживает мешки, лежащие на сани. Затем он забирается на них, и весь рынок предстает во всем своем многообразии. Здесь перемешалось все. Торговцы и покупатели, подводы и брички, редкие полуторки и сани. И везде что-то мычит, блеет, кукарекает, хрюкает. В этом шуме и гаме все что-то ищут и находят. Тут же на рынке учителя покупают магарыч для возниц. Это своеобразная гарантия того, что всех развезут по домам. Не забывают они и про себя, взяв для сугрева еще один «коленвал». Своеобразное лекарство, чтобы не простудиться:

— Простыть по такой погоде проще простого, — говорили они, наливая стаканы.

Святая традиция. Не нами она заведена, не нам ее и нарушать.

Уже после обеда выехали из города. Через некоторое время над степью понеслась песня, которую подхватили едущие в других сани.

Валерка ехал в первых сани, и лошадь идущая сзади, все время тянулась за сеном. Ему казалось, что она хочет его укунить, и каждый раз поджимал ноги.

— Ты не бойся лошади, а дай ей лучше сена, — сказал один из сидящих рядом.

Валерка стал давать ей пучки сена, которые она принимала с благодарностью.

Так они и доехали до своего села.

Волки

Если бы живущие в 50-х годах прошлого столетия знали, что будущее поколение будет больше бояться людей, чем волков, то они в эту чушь ни за что бы не поверили.

Конференция для сельских учителей в городе Прохладном затягивалось. Объявили перерыв. Мать уже пожалела, что взяла с собой сына. Был уже поздний час, и когда все это закончится, она не знала.

— Знаете что, поезжайте вы домой, — сказала она кучеру дяде Коле. — А я после конференции пойду ночевать к подруге, она рядом живет.

Она разбудила Валерку и посадила его в пролетку. Застоявшийся гнедой жеребец по кличке Буян резво взял с места. В свете тускло сияющих фонарей, которые освещали улицу, замелькали дома и деревья. Двуколку кидало со стороны в сторону. Дороги в России еще долго будут ее бедой.

Валерка изо всех сил держался за все, что мог, только бы не вывалиться из нее. Легкий ветерок и тряска окончательно развеяли сон. Из-под копыт Буяна летел песок вперемешку с пылью. Валерка прикрыл лицо ладонью.

— Интересно, — думал Валерка, как это лошадь в такой темноте может находить дорогу? Не зря у нее такие большие глаза.

— Чем больше глаза, тем лучше видишь, — подумал он.

Сквозь ночные облака опять проглянула круглолицая луна. Дорога превратилась в убегающую вдаль черную ленту. По обе стороны дороги тянулись лесопосадки дикой абрикосы, которую в народе называют «жерделой». Был бы день, можно было бы остановиться, и нарвать хоть мешок. Но стояла глубокая ночь.

Отдохнувший Буян бежал лёгкой рысцей. Дорога домой

всегда в два раза короче, чем из дома. Вдруг он заржал и резко рванул вперед.

— Буян, ты чего? — закричал кучер дядя Коля.

И только после того, как жеребец заржал еще, он посмотрел по сторонам и крикнул: — Валерка, волки!

Вдоль посадки мелькали светящиеся огоньки. Сомнений не было, это они. Серые бестии, которые не давали ни людям, ни животным покоя. То нападали на овечьи стада, то на коров, а были случаи и на людей. И все это происходило глубокой ночью. Пастухи и сторожа, которые охраняли коровники, постоянно жаловались на них председателю колхоза. Тот разводил руками, дескать, помочь ничем не могу.

— У вас есть ружья, стреляйте!

В данной ситуации, тем, кто сейчас находился в двуколке, тоже никто не мог помочь.

Вся надежда была на Буяна, на его выносливость. Валерка как можно крепче прижался к кучеру.

— Не дрейфь, Валерка. Буян не подведет, — сказал он.

И хлестнул коня кнутом. Жеребец перешел на галоп, Волки уже выскочили на дорогу, и продолжали преследовать двуколку.

— Эх, сейчас бы ружье, — сказал кучер. — Так всегда, когда что-то нужно, никогда его нет под рукой. В этот момент ружье бы сказало свое слово.

У страха всегда глаза велики. Валерке показалось, что эта бешеная скачка, будет вечно.

Но впереди замелькали огни села. Послышался неистовый лай собак, которые почуяли непрощенных гостей.

Вот и село, Валерка оглянулся назад. Волки внезапно исчезли, как и появились. Буян перешел на легкую рысь. Они въехали в спящее село. Еще лаяли редкие собаки, но и они вскоре замолчали. Дядя Коля подъехал к дому, где жил Валерка. Спрыгнул с двуколки и постучал в калитку. Залаял Трезор, через минуту-другую на крыльце зажегся свет.

— Кто там?

— Это мы, Марфуша, — сказал кучер.

— Ах, вы мои полуночники, — сказала она. — А где Антонина?

— Она задержалась на конференции, и ночевать будет у своей подруги Раи.

Он помог Валерке слезть с двуколки. Того всего трясло от всей этой ночной поездки.

— Ты чего? — спросила хозяйка, глядя на Валерку.

— Да за нами волки гнались, — сказал Николай.

— Ну совсем нет от них житья добрым людям. Ну, пойдем, деточка, домой, — сказала она Валерке.

Кубань

Все складывалось как нельзя лучше. Мать работала в школе, сын ходил в колхозный детский сад. Малышей было около десяти человек. Утром мать приводила сына, а вечером забирала домой. Шли они всегда весело, Валерка в захлеб рассказывал, что они делали весь день. И так все шесть дней.

Выходной был только один — воскресенье.

Вот по ним-то и повадились к ним домой «добрые» люди. Приносили гостинцы и рассказывали всякие истории. Среди них и те, в которых говорилось, что он приемный сын у Антонины. И что у него есть родная мать, которая ежедневно плачет и ждет не дождется, когда она обнимет родное дитя.

С этими гостями необходимо было что-то делать?

Зимой мать в спешном порядке списалась с дальними родственниками, которые жили на Кубани. Ссылаясь на то, что хочет вернуться в родные края. Те, недолго думая, пригласили их жить в город Кропоткин.

Их отъезд из села был больше похож на бегство.

Они приехали к тётё Наташе и дяде Жоре Куропатовым.

По их приезду тётя Наташа сказала:

— Мы скоро будем ставить хату. Если вы нам поможете, то маленькую комнату выделим вам.

Такому варианту обрадовался бы любой. Нет ничего хуже на свете, когда у тебя ни кола, ни двора.

Если честно, то выбирать было не из чего. И Антонина согласилась.

В этот же год завезли глину, песок, солому. Все это надо

было замесить, потом эту массу запрессовать в формы, высушить. И только потом уже складывать стены и подводить хату под крышу.

У матери были кое-какие сбережения, которые она сразу же отдала на строительство.

И вот наступил тот момент, когда Валерка с матерью перетасили свои скудные вещи в низенькую комнатуху.

Радости не было предела.

А еще была радость великая. Валерка пошел в школу.

Новый портфель, букварь, пенал, карандаши, чернильница «не разливайка», а самое главное новые друзья и самый главный его друг — учительница Ольга Ивановна.

Время быстро летит, Валерка и не заметил, как наступило лето, он перешёл во второй класс.

Вскоре тетя Наташа вернула Антонине деньги со словами:

— Живите так, а когда комната понадобится, вы ее освободите.

Мать не стала ждать этого момента.

Она стала искать подходящий угол.

Пожилая женщина, которая проживала в Лермонтовском переулке, предложила им поселиться у нее.

Их жильем стала бывшая кухня. После побелки и уборки она стала вполне сносным жильем.

Вскоре дядя Жора, муж тети Наташи, серьезно заболел. Его отвезли в Ростов на операцию. К великому сожалению, она прошла неудачно.

Жить одна тетя Наташа не могла. Она вновь пригласила Антонину жить к себе. Но та, наученная горьким опытом, отказалась.

Конечно, ей было тяжело. Работы постоянной пока не было. И это сказывалось на всем. Деньги нужны за комнатку, которую они снимали, на одежду, на обувь, на питание.

Иногда Валерке так хотелось есть, что голова кружилась от голода. Он брал горбушку хлеба, сыпал на нее соль и натирал долькой чеснока. Если закрыть глаза, то будет полное ощущение, что ешь колбасу. Выпив чай, он ложился спать. Иллюзия сытости на время успокаивала организм, но не надолго.

— Вот бы тётя Поля прислала бы открытку с приглашением на чай, — думал он. А чай у неё всегда был с тортом «Наполеон», который она всегда пекла сама. Вот вкуснятина.

Мать видя, что сын голодает, украдкой плакала от бессилия. Валерка, как мог, утешал ее:

— Мам, не плачь. Скоро будет все хорошо. Вот увидишь, нам повезет. Она гладила его голову, и слезы еще сильнее лились из ее глаз.

Детский дом

По-разному складываются судьбы людские.

Спустя какое-то время Валеркиной матери повезло, ее пригласили работать воспитательницей в детский дом.

После войны прошло уже 10 лет. Многие семьи жили за чертой бедности. Но в те времена об этом говорить было небезопасно.

Чтобы как-то поддержать детей, власти уговаривали родителей отдать детей сюда. От безысходности те соглашались.

Встретил их каменный забор с металлическими решётками. На одной из колонн табличка с надписью:

Детский дом № 3 ст. Кавказская. С К Ж Д.

— Мам, а что такое ст.?

— Станция!

— Какая же это станция, если здесь не ходят поезда, а СКЖД?

— Северо-Кавказская железная дорога.

Валерка так и понял, что это значит.

Они открыли калитку и вошли во двор.

У калитки стоял мальчишка с повязкой на рукаве. Он вежливо спросил:

— Здравствуйте! Вы к кому?

— К директору.- Пройдете прямо, к центральному входу.

— Спасибо!

По дорожке они прошли к кирпичному одноэтажному дому. На крыльце стояла невысокая женщина и о чем-то разговаривала с группой ребят.

— Вы не подскажете, как найти директора? — спросила мать.

— А я и есть директор. Зовут меня Раиса Ивановна, — представилась она. Пройдёмте в мой кабинет.

Её кабинет просматривался насквозь. Он походил на аквариум. Только вместо рыбок там были люди. Кроме самого директора, там ещё находился рабочий стол медицинской сестры.

— Расскажите, пожалуйста, немного о себе? — попросила директор.

Мать вкратце рассказала о своей работе.

— А вы знаете, что у нас работы очень много, а заработная плата очень маленькая? — спросила Раиса Ивановна.

— Я уже настолько привыкла к трудностям, что уже ничего не боюсь.

— Ну тогда проходите комиссию, и в добрый путь. Поликлиника через дорогу. Завтра я вас жду с утра.

На следующий день Валерка пошел в школу, а мать на долгожданную работу.

— Ну наконец-то у меня будет постоянный заработок, — сказала она сыну.

* * *

Ветви черешен настолько разрослись, что свисали над забором, который разделял соседский двор от детдомовского. А поскольку черешня свисала на нашей стороне, мы считали ее своей. Соседи не возражали и только просили:

— Ребята, вы только осторожно, ветки не ломайте, — просили они. — Хорошо, тетенька, мы осторожно.

Мальчишки залезали на плечи старшим. Балансируя, как в цирке, рвали сладкую черешню и бросали вниз. Все, что удалось сорвать, делили потом на всех. Это было в обычае всех воспитанников детского дома, делиться со всеми. А поскольку ребят было 45 человек, то доставалось совсем немного.

Конечно, питание было не ахти какое, но при детском доме было подсобное хозяйство. За хрюшками ухаживали сами ребята. А когда наступали холода, их забивали. И до весны в рационе детей было мясо. Но и это не всегда спасало. Есть хотелось все время. И тогда ребята залезали на чердак, где жили

голуби. Они кормились на мелькомбинате, который находился в квартале от детдома. Отрывали им головы, обмазывали глиной и клали в костер. Через час разбивали эти кругляши, и начиналось обедение.

«Витя – маленький»

Так детдомовские ребята называли киномеханика, который приезжал к ним один раз в месяц. Когда он появлялся на подводе, полностью груженной многочисленными чемоданами и металлическими коробками, все знали – будет кино. Это был настоящий праздник и для воспитанников, и для воспитателей. Кто постарше из детей, носили более тяжелые вещи, малыши носили лёгкие коробки. Всю эту аппаратуру несли в актовый зал. Витя следил за тем, чтобы ребята ничего не разбили.

Он и сам бы все это перенес, но в детстве неудачно спрыгнул с дерева. Повредил позвоночник, и остался инвалидом на всю жизнь. Так, что таскать тяжести ему было нельзя.

Под самым потолком в актовом зале был вбит добротный крюк, на который вешался белый экран. Из самого большого чемодана доставали виды видеовшую «Украину» и ставили на стол. Из других металлических коробок, доставали большие круглые бабины с намотанной на нее киноплёнкой. Витя отматывал часть плёнки, и внимательно всматривался в начальные кадры, чтобы убедиться:

— Да, это то, что нужно, — говорил он, не-то себе, не-то нам. Вешал бабину, на верхний кронштейн, пропускал киноплёнку через какие-то ролики. Делая все эти манипуляции так ловко, что запомнить все эти движения, было почти невозможно. Закреплял свободный конец плёнки на нижнюю бабину, и говорил:

— Ребята, гасите свет!

К этому времени все уже сидели, кто на лавочках, кто на корточках, кто просто лежал на полу, чтобы не закрывать экран сзади сидящим.

Валерка всегда крутился возле киномеханика, помогая ему во всем.

На станке перекручивал те бабины, которые уже просмотрели. Готовил их к следующему сеансу.

Внимательно следил за всем, что делал дядя Витя, запоминая все движения, которые выполнял он.

В конце концов, он однажды доверил Валерке крутить фильм.

— Крути, — сказал он. Ты теперь помощник киномеханика.

Станция Мэжо

В конце лета, в августе месяце, Валерка с матерью поехали в далекий город Мурманск. Перед отпуском мать узнала от добрых людей: — В этом северном городе очень хорошо идут помидоры. Сколько не привезешь, все можно за день продать.

Матери были нужны деньги. Сын осенью идет в третий класс. Необходимо купить школьную форму. Старая уже мала. Растет мальчишка не по дням, а по часам. Еще необходимо купить спортивную одежду, штанишки на лето, брючки на каждый день, школьные принадлежности. Нельзя забывать и о времени года. На Кубани не всегда бывает тепло. Ветры со Ставрополя несут холод и дожди. Стали готовиться к поездке.

Сняли со своего огорода помидоры, немного дали соседи. Чтобы не терзала милиция, взяли в собесе справку, что имеется огород, и что они не какие-нибудь спекулянты, а все вырастили честным трудом. Матери, поскольку она работала в железнодорожном детском доме, полагались два билета для проезда на поезде. Один билет на дальнее расстояние, другой — на ближнее. И второй раз в жизни Валерка ощутил всю прелесть езды в вагоне.

Они уже в пути были около двух суток. Когда на одной из остановок мать спросила:

— Какая там станция, прочитай, сынок.

Валерка долго смотрел в окно, стараясь найти название станции.

Но поскольку рядом стоял небольшой домик, он и решил, что это и есть станция. На одной стороне домика стояла буква «М», на другой «Ж». Он и решил, что это то, что ему нужно.

Он прочитал: — Мэжо.

За всю дорогу пассажиры так не смеялись, как в это утро.

Потом, когда поезд тронулся, мимо окон проплыл большой вокзал. Валерка прочитал: — Кандалакша.

До Мурманска оставалось немного.

Мурманск

Поезд шел все медленнее и медленнее. Проводник шла по вагону, думая, что в вагоне глухие, кричала: — Конечная станция, Мурманск. Пассажиры, не забывайте свои вещи.

Мать с Валеркой подхватили чемоданы, и заспешили к выходу.

Рассматривать вокзал было некогда. Их главная цель — рынок. Он оказался совсем рядом. С горем пополам пересекли площадь, и оказались в нужном месте.

Это был не ахти какой рынок. Валерка сравнивал его с базаром в родном городе. Нет, не то.

Они устроились среди каких-то старушек. Мать взяла напрокат весы, и торговля началась. Впервые в жизни она была в роли продавца. Старушки ее научили: — Держи цену, как у всех. Иначе побьют, и милиция не поможет.

Валерке все это было неинтересно. Он подошел к воротам рынка и долго смотрел на солнце, которое зависло над морем и никак не могло спрятаться. Наступила пора белых ночей. По водной глади бухты сновали катера, пароходы, какие-то лодки. Порт жил своей обычной жизнью, которая не затихала ни на минуту.

Долго смотрел на море, и незаметно для себя уснул.

Прохожие с удивлением смотрели на спящего мальчишку.

— Женщины! Это чей ребенок спит у ворот?

В этот момент мать увидела, что Валерки рядом нет.

Она попросила торговку присмотреть за помидорами.

У самого входа на рынок, прислонившись к забору, стоял ее сын и спал сладким сном. Он даже не проснулся, когда она взяла его за руку и привела к месту, где они торговали.

Мать положила какие-то тряпки на ящики, а на них сына.

Валерка так сладко спал, что даже не почувствовал всех этих манипуляций.

Не обманули Антонину те, которые советовали ехать в Мурманск. Расторговались, хорошо. Тем же вечером выехали домой. Только на этот раз поехали с пересадкой в Москве.

В столице остановились у знакомых. Пробыли два дня.

На ВДНХ купили все необходимое, да еще посмотрели всю красоту, которую видели только на картинке.

Посетили московский Кремль, Красную площадь. Побывали в Мавзолее, где лежали Ленин и Сталин.

Знакомые в один голос просили:

— Останьтесь,- погостите еще. Но мать с сыном так набегались по первопрестольной, что сейчас мечтали только об одном:

— Скорее спать! Спать! Спать!

Вечером того же дня они сели на поезд Москва — Адлер.

А через полтора суток были уже на станции Кавказская.

Опять съемная комната, и ее хозяин. Этот противный дед.

Дед Стратей

Всю жизнь прожил бобылем. Не одна нормальная женщина не хотела иметь с ним дело, не говоря уже о совместной жизни. Любил он только себя, дети его раздражали, как быка красная тряпка. Люди с годами становятся умнее и добрее, а у этого типа всё наоборот. Особенно страдал от него Валерка. При каждом удобном случае он давал ему подзатыльника. Хлебом его не корми, а любил он эту забаву. Валерка был шустрый малый и в большинстве случаев успевал увернуться от деда. Тогда тот приходил в ярость, и начинал гоняться за ним с палкой.

— Вот вырасту, я вас этой самой палкой попотчую, как вы меня сейчас, — думал он.

— Стой, зараза, — кричал дед. — Вот тресну тебя, и можешь бежать куда угодно.

— Ага, дудки, раскатал губу, — кричал Валерка.

Дед Стратей всегда действовал исподтишка. Так, чтобы не было свидетелей. Откуда у него это было неизвестно.

Валерка убегал к соседям. Он часто был у них. И не в качестве гостя, а как тимуровец. Помогал им по хозяйству: то воды принесёт из колонки, которая находилась в конце улицы, то дров наколет и принесет из сарая. Не считал зазорным подмести мусор и помыть пол. Его очень любили эти старики. Валерка был им очень благодарен. Всегда чем-нибудь да угостят.

Одним словом, с пустыми руками он никогда не возвращался домой.

Дедушка Рахоль всю жизнь проработал на железной дороге. Он был дежурным по станции. И очень часто рассказывал о своей работе. Он сажал Валерку за стол, где стоял большой самовар. Поил его чаем, и с увлечением рассказывал, как он встречал и провожал пассажирские поезда. 40 лет в железнодорожной форме, в красной фуражке, и с неизменным флажком, он прослужил на станции Кавказская до самой пенсии. Сейчас фуражка висела на гвоздике в комнате, и напоминала о былой работе, о далекой молодости. Валерка часто засиживался у них, и не спешил домой. Мать была на работе, и не разрешала приходить в детский дом.

Как только он появлялся у себя во дворе, дед Стратей начинал опять его преследовать.

Наконец Валерке все эти издевательства надоели, и он показал синяки матери, объяснив, откуда они.

Мать, не долго думая, пошла к деду и устроила ему такую головомойку, что тот несколько дней не показывался на глаза. Потом встретив ее во дворе, начал разговор:

— Антонина, выходи за меня замуж, надоело мне всю жизнь одному, — сказал он.

— Вы бы пошли к врачу, может, пропишет вам лекарство от хандры?

— Тогда собирай вещи и выматывайтесь с моей хаты.

Валерка слышал весь этот разговор. На следующий день, пошел вдоль улицы, расспрашивая людей, где можно снять угол. Так повторялось несколько дней. Однажды придя домой, он сказал матери:

— Мам, я нашел комнату. Хозяйка сказала, насчет оплаты будет говорить только с тобой.

Прошло несколько дней, они переехали на новое жительство.

Это было совсем недалеко, на той же улице. Новая хозяйка, Федора Куприяновна Виноградова, была уже в годах. И большую часть своего времени она сидела у окна, выходившего на улицу. Смотрела на проходившую и проезжающую мимо жизнь. Больные ноги не давали ей покоя. И она довольствовалась той жизнью, которую ей отпустила судьба. Видя ее жизнелюбивый характер, можно было предположить, что в молодости ей энергии было не занимать. Вечерами она сидела на крыльце дома, выходившего во двор, и тихо беседовала с подружками и соседками, которые к ней приходили.

Валерку она часто приглашала к себе в гости. Чем это было вызвано, неизвестно. Ей было одиноко. Дочь жила на далекой Камчатке. Там же жили и ее внуки. Вот и сегодня, после уроков Валерка пришел к ней и помог по хозяйству. Затем она пригласила его отобедать с ней. У раскрытого окна, выходившего на улицу, они наслаждались липовым чаем, специально приготовленным бабушкой Федорой.

По улице ехала подвода, и возница громко кричал: «Принимаю кости, тряпки, бумагу». После этого дул в духовой рожок. Так повторялось несколько раз.

Бабушка сказала Валерке:

— В углу возьми связку бумаг и узелок с тряпками, сдай тряпьевщику.

Валерка быстро подхватил все, что ему сказали, и побежал к подводе. Тряпьевщик раскрыл большой чемодан. А в нем: разноцветные шары, всевозможные свистульки, леденцы в виде петушков. Нитки, крышечки для банок, и всякая другая мелочь, от которой рябило в глазах.

— Ну, чего желаешь, пацан? — спросил он Валерку.

— Мне ничего не надо.

— Ну вот тебе денежка.

И он протянул мальчику несколько монет. Тот пересчитал.

А когда вернулся домой, протянул хозяйке деньги.

— Ты сегодня честно заработал свои первые деньги. Бери, это тебе от меня подарок.

Валерка был несказанно рад. Вечером, когда мать вернулась с работы, он все отдал ей.

— Ах ты, мой кормилец! — воскликнула она.

Этих денег хватило им не только на буханку хлеба, но еще и на литр молока. Все было бы хорошо, да заболел Валерка не вовремя. Было что-то серьезное, потому что загремел он в больницу надолго. Лежать в больнице, да еще летом, ничего хорошего. Одним словом, через месяц он вернулся домой.

Первым делом решить навестить бабушку и дедушку Рахоль.

— Наверное, беспокоятся старики, думают, куда я пропал?

Он пришел на следующий день. В хате было полно народу. Подошла одна женщина спрашивает: — Чего тебе, мальчик?

— Пришел навестить бабушку и дедушку. Я им всегда помогал, да вот вчера только из больницы выписали.

— Нет их больше, ни бабушки, ни дедушки. Два дня назад похоронили дедушку, а сегодня вот в последний путь — бабушку.

И заплакала. Валерка хотел потихоньку уйти, но женщина положила ему в карман конфеты и печенье со словами:

— Это тебе от дедушки и бабушки. Помяни их добрым словом.

Ея

Какое чудное слово, состоящее всего из двух букв. Этим именем названа небольшая станция, лежащая на пути из Тихорецкой до Сальска и далее до Сталинграда*. Это же название носит и речка, протекающая через станицу Ново-Покровскую. С ее причудливыми зигзагами, она делит этот населенный пункт надвое.

Пассажирский поезд Краснодар-Сталинград пошел дальше, а Антонина с сыном стала искать транспорт, чтобы доехать до родственников.

Кто-то согласился подбросить их на улицу Калинина. Там и жили ее брат, дядя Гриша, и его жена Нина.

* — Сталинград город (с 1925 до 1961 года).

Рядом со станцией, знаменитый на всю Кубань — элеватор. Так сказать «Закрома Родины». С какой бы стороны не въехал бы ты в станицу — отовсюду за многие километры видно это сооружение.

Валерке было все интересно, не смотря на то, что подводу во всю трясло, так что всю душу выворачивало.

В то время не было никакого асфальта. Центральная улица станицы была отсыпана булыжником пополам с песком. Остальные улицы представляли собой проселочные дороги, которые в ненастье превращались в сплошное месиво. Испытывая на выносливость и лошадей, и людей.

— Ну, вот мы и приехали, — сказала мать.

На парадном крыльце дома сидела старуха и причитала:

— Чевоyto, мои ноженьки заболели, — говорила она. Скоро приде дождь, я точно знаю. Она неистово терла больные ноги и говорила: — Хоть бы Господь прибрал скорее.

Потом прислушалась и спросила:

— Это кто тут?

Валерка увидел, что бабка слепая.

— Это я, Тоня, сестра Гриши. Приехала с сыном в гости к родне.

— Гости это хорошо, сказала бабка. — А Гриша с Ниной на огороде. Вы идите, за мной потом придут, — сказала она. И запела:

*С нас листочки осыпаться,
Да понесет вода.
А молодость не вернется,
Не вернется, никогда.*

Песня звучала уныло и жалобно. И от нее становилась не по себе.

Валерка с матерью прошли во двор. Поставили вещи на скамейку, и пошли в сторону огорода. Огород был широкий и длинный. Подсолнечник стоял высокой стеной и увидеть, что делается даже в трех метрах, было бессмысленно.

— Гриша! Гриша! Кричала мать.

Вдали слышались какие-то голоса. А вскоре дядя Гриша и его жена обнимали родственников.

Через полчаса все сидели на кухне и обедали.

— Вот привезла свою маму, совсем старенькая стала, почти не видит, — сказала тетя Нина.

— Да, старые родители нуждаются в нашей поддержке, — сказала Валеркина мать.

— Тоня, ты надолго к нам? — спросил брат Гриша.

— Да на недельку, если раньше не выгонишь, — сказала сестра.

— Ну, ты скажешь. Ведь сколько мы с тобой не виделись?

— Очень долго, Гриша. Очень.

— А Валерка? Какой большой стал, настоящий казак.

Валерке было приятно это сравнение.

И каждый раз, приезжая к дядьке на каникулы, он доказывал, что он казак. Потому что как работают люди на Кубани, нигде больше не работают. Это у них в крови. Начиная с малолетства. Трудно летом, потом, когда закончатся полевые работы, можно и отдохнуть.

Ровно через месяц дядька отправил Валерку домой. Автобус миновал станицы: Ильинскую, Темижбекскую, Кавказскую. И уже через полтора часа племянник въезжал в город. Кошелка, которая стояла у его ног была доверху заполнена подарками. Мед, жареное подсолнечное масло, яички, и еще кожаные тапочки, которые Валерка сшил сам, не без помощи дядьки. На автобусной станции его встречала мать.

Письмо в Кремль

Когда Валерка учился в восьмом классе, они получили комнату в двухкомнатной квартире. Казалось бы, радуйся.

Только чему?

Комната была меньше 9 квадратных метров. Это меньше чем норма на одного человека. Когда им давали смотровой ордер, то там была большая комната 18 квадратных метров.

Делать было нечего, въехали они в этот закуток. Да еще была кухня 5 метров, ванная, совмещенная с туалетом. И это с учетом того, что рядом еще семья из трех человек, и один из

них — маленький ребенок. Чиновники из обычной квартиры превратили коммуналку.

Однажды моя пол в комнатке, Валерка случайно зацепил скатерть, которой была накрыта швейная машинка «Зингер».

Та упала на пол, а вместе с ней письмо, которое лежало под скатертью.

Письмо было не запечатано, а адрес, который был написан на нем, как магнитом притянул Валерку. Он прочитал:

«Москва, Кремль, Комитет партийного контроля»

Интересно, что же такого написала мать, что обращается не куда-нибудь, а в Кремль?

Любопытство взяло верх. Он раскрыл письмо.

Из него он узнал, что она — его родная сестра, и взяла его на воспитание, когда ему было полгода. Ее муж погиб смертью храбрых под Москвой.

Она не сетовала, что ей очень трудно. Она обижалась на несправедливость тех людей, которые по долгу своей службы должны помогать таким людям, как она.

Валерка аккуратно сложил письмо и положил его на место.

Вскоре к ним зачастили какие-то комиссии. Валерка понял, что письмо дошло до адресата. Еще долго шла эта возня, возле их квартиры. Но пришел тот момент истины, когда соседям дали другое жилье, а они остались. Теперь вся квартира была в их распоряжении...

Эпилог

Закончив восемь классов, Валерка ушел учиться в железнодорожное училище. На шее у матери он сидеть не хотел. Да и пришла пора получать рабочую профессию...

2005—2007 годы

СТАНОВЛЕНИЕ

Повесть

Страна джигитов

После окончания железнодорожного училища, где Валерка учился на помощника машиниста электровоза и тепловоза, он вместе со своими друзьями Александром Даниловым и Владимиром Шестаковым стояли на пороге выбора. Ехать им в Алма-Ату, что находится в Средней Азии. Или в Махачкалу — столицу Дагестана. Выбор пал на Кавказ. Ну, во-первых, они уже бывали в этих краях, так рассуждали парни, проходили в Гудермесском локомотивном депо ремонтную и штатную поездную практику. Во-вторых, это почти рядом с домом, что оставался на Кубани.

На фирменном поезде «Дагестан» Москва—Махачкала они добрались до места назначения.

— Только выйдите не на конечной остановке, а в сортировочной. Там вас будут ждать, сказали им на прощанье.

Ребята так и сделали, вышли там, где сказали.

Рядом локомотивное депо. Ждали их там или нет, неизвестно. Только сразу же сказали, что здесь в Махачкале, им делать нечего. А вот в Дербенте, где находится цех эксплуатации, их очень ждут. Там магистральные тепловозы ТЭ-3 обслуживают два плеча: Дербент—Дивичи, и Дербент—Махачкала. Заработки хорошие. Рекомендуем вам ехать туда.

— Туда, так туда, — ответили ребята хором.

От дежурного по депо сообщили машинисту грузового поезда, который вышел из парка отправления:

— Подберите трех ребят, которые приехали к нам работать.

Машинист поезда ответил:

— Приказ понял! Остановиться у дежурки.

Через пять минут ребята уже сидели в кабине машиниста. И завязался разговор.

Кто? Откуда?

Проехали станцию Тарки.

Слева, вдоль кромки береговой линии моря возвышался молодой город. — А это что за город? — спросил Валерка.

— Это город Каспийск. Отсюда самая короткая дорога, до Каспийска — ответил машинист.

За окном мелькнул разъезд Папас. Маленькая будка и переезд. Такое ощущение, что одна буква просто лишняя.

Поезд преодолевает затяжной подъем, который идет от самой Махачкалы. Дизеля ревут во всю мощь. Вот и очередная станция Манас. Помощник машиниста выходит из кабины, и став ногой на верхнюю ступеньку лестницы тепловоза, ловит обруч из рук дежурного по станции. На обруче привязана бумажка, разрешающая занять перегон. Если не поймаешь, то поезд необходимо останавливать. И бежать за ней на станцию.

— Не понял, здесь что, телефонно-телеграфная связь? — спросил Валерий. — Здесь, и дальше по дороге только она, — ответил помощник. — Скоро и вам предстоит делать то, что делал мой помощник, — сказал машинист. Манас мы проехали, теперь дорога пойдет под уклон. Только успевай тормозить.

Машинист, видя как переминаются ребята с ноги на ногу, сказал: — Знаете что, парни? Идите вы во вторую секцию тепловоза и устраивайтесь там удобней. Дорога дальняя, еще ехать и ехать. Сказано, сделано.

В кабине машиниста во второй секции они устроились с комфортом. Теперь все, что они видели, уносилось назад. Справа — море, слева — горы.

За спиной ревут дизеля, несет их грузовой поезд в неизвестность. Что их ждет на земле древней Персии.

По этим местам они еще не ездили. Это был новый маршрут, который они открывали в качестве пока еще пассажиров.

Впереди показался большой город.

— Неужели приехали? — спросил Володя Шестаков.

— Довольно быстро получается. Да и скорость не сбрасываем, — ответил Александр Данилов.

Только через два часа ребята добрались до Дербента.

В первый день, когда они приехали в этот старинный город, им выдали «заочный аванс» — 30 рублей.

Что это такое они поняли гораздо позже. Когда со следующего месяца, с них стали вычислять из зарплаты по десятке.

И вот они уже несколько месяцев трудятся здесь, в этом южном городе на берегу Каспия. Впервые за долгое время они сегодня вместе пошли на море купаться.

Жаркое августовское солнце палит нещадно.

— Ну что, искупнёмся, — крикнул Владимир, и бросился в воду.

За ним к воде побежали Александр и Валерий. Искрящаяся прохлада обожгла нагретое тело и то сонное состояние сняло как рукой. Ребята заплыли очень далеко, и только головы их мелькали на гребнях набегающих волн.

Валерка плавал около берега. И не столько от него, сколько вдоль. Он плавал очень хорошо, до тех пор, пока ноги чувствовали дно.

— Ты чего, плавать не можешь? — спросил Володька, подплывая к Валерке.

— Как не прискорбно, но это факт, — ответил тот. — Ещё обидней то, что родился я на реке.

— Хочешь научу плавать? — спросил Володя.

— Так ведь утопишь в расцвете лет!

— Не бойся! В моих руках еще никто не утонул.

— Значит, я буду первый.

И началось хождение по мукам, вернее — плавание.

Владимир все дальше и дальше увлекал от берега Валерия. Когда тот увидел, что они отплыли довольно далеко, им овладел ужас. Но Володя был рядом и все время его успокаивал:

— Спокойно работай ногами и руками, — говорил он.

— Хорошо тебе, глотая очередную порцию соленой воды, — говорил Валерий. Ты спокойно лежишь на воде и не тонешь.

— А тут, если не шевельнешь рукой и ногой, то камнем на дно.

С этими словами он снова исчезал с головой. Владимир выталкивал его на поверхность, и пытка продолжалась. Из последних сил Валерка доплыл до берега. Его мучило от бесчисленных глотков морской воды.

— Меня тошнит, — сказал он. Такое ощущение, что я слегка беременный.

— Вполне возможно, — ответил Александр. В воде все может произойти, ведь ничего не видно.

— Чёртовы учителя-мучители! — ответил Валерка. После моего купания Каспий обмелел.

Выйдя на берег, он стал на горячий песок. Его всего трясло, то ли от холода, то ли от страха.

Пытаясь подбодрить друга, Владимир сказал:

— Для первого раза ты плавал хорошо, даже очень. Спасателем ты не будешь, но в трудную минуту себя уж спасёшь. Это точно.

Солнце садилось за горы. Крепость «Нарин-Кала» в лучах уходящего солнца была ещё грозней и красивей. Наступало время джигитов.

Ребята, собрав вещи, пошли в общежитие, которое в хорошем смысле должно было заменить им родной дом. Они шли по пыльному переулку рыбацкого поселка к их временному пристанищу. Напротив него, через железную дорогу, находился красивый железнодорожный вокзал — визитная карточка города.

Общежитие со всеми неудобствами

В комнате, где жили ребята из Кубани, стояло 15 кроватей. Кроме них здесь обитали и работники вагонного депо. Условий не было никаких, даже просто отдохнуть негде было после поездки. Считалось, раз крыша над головой есть, значит уже шикарно. Туалет где-то за домом. Ни душа. Ничего.

Общежитие напоминало «Ноев ковчег». Покоя не было ни ночью, ни днём. Ни в будни, ни в праздники. Одни уходили, другие приходили. Не гнушались лазить по тумбочкам. И та приготовленная нехитрая еда бесследно исчезала. Приедешь после поездки, думаешь:

— Вот сейчас перекушу, чайку попью, и спать-спать. Да, не тут-то было. В тумбочке пусто. Негоже выяснять отношения ночью, а утром ищешь вора. Поэтому приходилось ходить обедать в столовую бригадного дома. Им, как локомотивщикам, сюда доступ был круглосуточный. Цены здесь откровенно «кусались». Поэтому, только обедали. Здесь преобладала кавказская кухня, к которой ребята просто еще не привыкли: суп-харчо, ляля-кебаб, долма.

Однажды Валерия вызвали к руководству и спросили:

— Товарищ Орлов, вы, кажется, уже работали действующим помощником машиниста в Гудермесе?

— Да, — ответил Валерий.

— А не хотели бы вы снова побывать в этих краях? Кроме зарплаты, командировочные 2 рубля 60 копеек в сутки! А командировка 31 день! Соглашайтесь!

Последний аргумент сыграл решающую роль. После окончания училища, ему не на кого было надеяться. Мать была на пенсии и за свой тридцатипятилетний труд учителя заработала 41 рубль. В последние годы нянчила детей знакомых и не знакомых, чтобы как-то прокормиться. Пришла пора и ему ей помогать.

Вскоре Валерий на месяц уехал в командировку в Гудермес.

* * *

Проводник быстрым шагом шел по вагону, и как настоящий диктор напоминал пассажирам:

— Кто до станции «Гудермес»? Готовьтесь к выходу! «Станция Гудермес!»

Валерий взял свой чемодан, с которым он в последнее время и не расставался никогда, и пошел по вагонному коридору к тамбуру. У купе проводника он остановился и забрал свой билет. По нему мог проехать только он и никто другой.

Поезд плавно подкатил к перрону и остановился. Проводник вытер поручни и пригласил пассажиров на выход.

Валерий вышел на знакомую платформу. Железнодорожный вокзал, один из немногих на Северо-Кавказской железной дороге, который стоит посередине двух грузовых парков. Одним словом, со всех сторон рельсы.

Валерий сразу же направился в отдел кадров локомотивного депо. Вместе с ним был ещё один помощник машиниста Сергей, лет на десять старше.

Встретили их приветливо. Предложили места в общежитии, но Сергей отказался, а Валерий, взяв направление, пошёл по указанному адресу.

Комната, куда его поселили, была на двоих.

— Чем меньше народа, тем лучше, — подумал Валерий.

Устроившись, он пошел по общежитию узнать, где что? Буфет располагался на первом этаже и работал круглосуточно.

— Это здорово, не надо никуда бегать. Приехал с поездки, умылся, переоделся, кухня рядом, чего еще надо.

Ровно в полночь его вызвали в поездку. Они меняли локомотивную бригаду, приехавшую из Прохладной. Сколько воспоминаний связано с этим городом, городом детства. Дальше они поведут поезд до станции Махачкала.

И вот на маршрутном светофоре загорелся сначала желтый, потом зеленый огонь.

— Ну что, поехали? — сказал машинист.

— Поехали! — ответил Валерий.

Через три часа они были на месте, и их положили в бригадный дом отдыхать. Перекусив наскоро в столовой, они легли в отведенной для них комнате. Через два часа их подняли.

— Что-то мне не хорошо, — сказал Валерий, когда они вышли из бригадного дома.

— Давай, зайдем медицинский пункт, — сказал машинист.

— Что вас беспокоит? — ответила дежурившая фельдшер.

— Да вот, желудок болит.

— Вот вам две таблетки, выпейте. Скоро все пройдет.

Они приняли локомотив и уже скоро за окном замелькали переезды, полустанки. В лучах утреннего света оживала природа древнего края.

Но всей этой красоты Валерий уже не видел. Он корчился от боли.

— Ничего себе скоро пройдет, — подумал Валерий.

Уже и Хасав-Юрт проехали, а боль все усиливалась и усиливалась.

Машинист запросил у диспетчера «зелёную» улицу до Гудермеса и скорую медицинскую помощь. По станциям Карлан — Юрт и Кади — Юрт, грузовые поезда поставили под обгон.

Поезд приняли на первый Грозненский путь. Почти рядом с тепловозом стояла «скорая».

Валерия бережно сняли с локомотива, уложили на носилки

и понесли к машине. Рев сирены известил городу, что не у всех в этот день благополучно со здоровьем.

Уже в машине ему сделали какие-то уколы и боль понемногу стала отходить.

— Тридцать лет работаю в больнице, но такого тяжелого больного вижу впервые, — сказала дежурившая в этот день врач.

Валерия положили в отдельную палату и обставили со всех сторон капельницами. Капали прямо под кожу на ногах. Отчего ноги настолько распухли, что было страшно смотреть.

— А для чего в ноги, да еще под кожу? — спросил он у медсестры.

— Все вопросы к врачу! — ответила сестричка. — Нам, что сказали, то мы и делаем.

— Такое ощущение, что мою кожу пытаются натянуть на барабан, — сказал Валерий.

— Вы получили сильнейшее отравление организма, и только таким методом мы пытаемся вас вывести из того тяжелейшего токсикоза, в который вы попали, — сказал лечащий врач, когда зашел к нему в палату.

Валерий лежал на кровати и смотрел в окно. Яркое светило летнее солнце, за окном в беседке больные играли в домино. Играли азартно и весело, особенно когда в тот момент когда, проиграв, «козлы» пролезали под столом.

— Ничего! Прорвемся! — подумал он.

В этот момент ему вспомнился случай, который произошел с ним именно в этом городе.

Полгода назад он был здесь на штатной практике, работая в локомотивном депо, получил свою первую получку. Деньги были немалые — 60 рублей. Это была третья часть его зарплаты.

Так вот решил Валерка что-нибудь купить, чтобы осталась память.

Пошел в универмаг. Выбор был большой, а глаз остановился только на транзисторном приемнике «Сокол».

— Как приемник? — спросил он продавца.

— Очень хороший! — ответила она.

Радость от первой покупки омрачилась уже в комнате, ко-

торую он снимал на улице Максима Горького. Приемник никак не хотел ловить радиоволны, даже «Маяк».

На следующий день он вновь пошел в магазин и попросил заменить злополучный «Сокол». На что его послали... в гарантийную мастерскую. Уже там он получил заключение:

— Заводской брак!

Тогда он, не мудрствуя лукаво, пошел в городской комитет партии.

— Вы куда, молодой человек? — спросила молодая секретарша.

— Туда! — сказал Валерий.

Он не вошел, он ворвался в кабинет. Его всего трясло от несправедливости. Эмоции переполняли весь организм. Спокойный голос «первого» сразу же его успокоил, его пригласили сесть.

— Чем могу помочь Вам? — сказал он.

И Валерий начал:

— У меня получилась такая история, как у покупателя, который в Бакинском универмаге покупал детский пистолет. Продавец взвел курок, и «выстрелив», сказал:

— Дэнги в кассу.

Оплатив покупку, покупатель пытался «выстелить», но ему это не удавалось. Тогда он обратился к продавцу со словами:

— Вот видите, не стреляет?

На что получил довольно лаконичный ответ:

— Бакинский пистолет два раза не стреляет.

Первый секретарь рассмеялся и дослушал злополучную историю молодого железнодорожника до конца.

Затем он набрал номер какого-то телефона, и на чеченском языке произнес такой монолог, что Валерка понял, его дело в шляпе.

— Идите, пожалуйста, по такому-то адресу, вас будут там ждать, — сказал первый секретарь.

Еще не дойдя до того места, где его ждут, он понял, что ждут его с нетерпением.

Вдоль ворот метался директор магазина со словами:

— Вай-вай! Такую сегодня получил клизму, от самого первого секретаря.

Валерка со свойственным ему юмором ответил:

– Это не просто клизма, а семиведерная, с патефонными иголками, почетная горкомовская.

– Вот тебе бумага, отдай в магазине, там тебе вернут деньги, юморист. Через двадцать минут ему вернули в магазине деньги. С пустыми руками не хотелось уходить. Его взгляд остановился на часах «Ракета»...

Он взглянул на часы, было полшестого вечера.

Сейчас Валерий никого не ждал. Да и кто мог бы прийти к нему? Здесь у него не было ни родных, ни близких.

И все же к нему пришли. Это был молодой человек.

Оказалось, что он учится в том же училище, где и учился Валерий.

– Привет, Валера!

– А ты откуда меня знаешь?

– В следующем году я заканчиваю училище, что и ты.

Мы сейчас на практике и живу я в общежитии. На твое имя пришло письмо с города Кропоткина. Вот оно.

И он подал помятое письмо, которое видно побывало не в одних руках. Оно шло, как с фронта, почти две недели.

– И вот еще, – сказал он.

И подал большое душистое яблоко.

– Большое тебе спасибо! – сказал растроганный Валерка.

Оставшись один, он раскрыл конверт. В нем мать сообщала, что ушел из жизни дядя Гриша, который жил в станице Ново-Покровской.

Дядька – мировой мужик был. За что бы он не брался, всегда у него получалось добротнo и красиво. Просто душа радовалась. Кроме того, что он был сапожных дел мастер, еще занимался пчеловодством. У него было около двадцати ульев. Каждое лето вывозил их ближе к полям, где зацветал подсолнечник или еще какая культура. В дни летних каникул Валерка приезжал к нему и помогал чем мог. От дядьки он научился сапожному ремеслу, помогал по огороду, ну и конечно на пасеке. Особенно ему нравилась пора медосбора, когда качали мед. Никогда от дяди Гриши он не уезжал с пустыми руками. Всегда домой привозил трехлитровую банку меда, который их всегда выручал в дни болезней.

И вот теперь нет этого прекрасного человека, на этих вот пчелах он и подорвал свое здоровье — инфаркт. Он впервые слышал про эту болезнь. Мать обижалась, что он не приехал на похороны. Она даже не знала, что он в больнице.

— А зачем писать? — подумал Валерка, — чтобы старушка волновалась. Вот поправлюсь, вернусь с командировки, все разом и отпишу.

Через неделю Валерию разрешили гулять во дворе больницы. Теперь вместе с другими больными он сидел в той самой беседке и играл в домино.

— Да, дорогой, дал ты шороху врачам, — сказал один из играющих. Мы все думали, что ты не вытянешь. Да и врачи сами мало верили в чудо.

Прошло несколько дней. Валерий выписался из больницы. Уже уходя из больницы, лечащий врач сказала ему:

— Теперь дорогой, тебе нужно диетическое питание. Ничего острого, жареного и жирного.

— Спасибо вам за все, и да поможет вам Аллах.

Когда он лежал в больнице, «повезло» и его коллеге по работе, с кем он отправился в командировку. Получив командировочные, Сергей после каждой поездки посещал «кабачок», после чего, получив изрядную порцию счастья, отправлялся на съемную квартиру. Как-то перелезал под цистерной. В этот момент поезд тронется. С перепугу, он схватился за головку рельса рукой. Дикий крик разнесся по грузовому парку. Пока вагонники связались с диспетчером по селектору, а тот по рации — с локомотивной бригадой, прошло время. Счастье Сергея, что он не стал метаться под вагоном, а лег на шпалы сгоряча схватившись одной рукой за рельсу.

Хирурги доделали дело, начатое колесной парой. После чего у Сергея правая рука стала короче на 10 сантиметров.

Закончился месяц командировки. Перед отъездом в Дербент командировочных пригласил сам начальник локомотивного депо — товарищ Братчик:

— Да ребята, здорово вы нам помогли! Один работничек 21 день провалялся в больнице, другой — вообще стал инвалидом.

Молодцы, ничего не скажешь.

Первое свидание

По Дербенту Валерий всегда ходил в железнодорожной форме. Это был своеобразный пропуск. В гражданской одежде тебя могли по «ошибке» избить, за милую душу. Одним словом, — страна джигитов. А с кавказцами лучше было не связываться, особенно на танцах. Редкие субботы и воскресенье обходились без кровопролития. Поэтому большая часть обывателей из числа молодёжи сидит дома. Другие же предпочитают ходить большими ватагами. Если что, то спокойно можно отбиться от любого набега.

А драки были в основном из-за девчонок. Уж очень горячие кавказские ребята.

Но и наши ребята тоже не промах. Особенно тогда, когда тебе 19 лет. Всё, что делается в жизни, делается к лучшему. Если иначе то, как жить дальше? Только с мыслью о лучшем, мужчина знакомится с женщиной. Видно пришла пора Валерию и на этом поприще приобретать какой-то опыт.

У него был хороший знакомый Александр, тоже помощник машиниста. Друзья звали его просто «Сашка-китаец». Валерий не знал, почему они так его называют. Но однажды любопытство взяло вверх, и он спросил:

— Саша, почему тебя все называют — китаец?

— Видишь-ли, первая моя жена была китайка. С годами мой первый брак развалился, и я женился вторично. Алла — прекрасная жена, хозяйка, сейчас у нас две прелестные дочери, которые радуют меня своими успехами. Как видишь, мудрость приходит с годами. А ты чего всё один, да один?

— Понимаешь, — ответил Валерий, чтобы просто празднично проводить время, я не хочу. А для серьезных отношений не нашёлся еще человек.

— А ты сначала познакомься, а потом видно будет, серьезные они будут или нет, — ответил Александр. Хочешь, познакомлю тебя со своей племянницей?

— Да не удобно как-то.

— Все удобно! Как только договорюсь с ней, так и сообщу тебе.

— Ну, хорошо!

И они разошлись, каждый по своим делам.

Через неделю Александр забежал в общежитие и сказал:

— В субботу Лида будет ждать тебя дома, приходи.

В редкие дни выходные локомотивных бригад совпадали с календарными выходными, но на этот раз повезло. Валерий выгладил брюки, надел белую нейлоновую рубашку, которую недавно купил в Хачмасе. На привокзальном рынке купил цветы, в магазине — торт и пошёл на первое свидание.

Дом, в котором жила Лида, находился около железной дороги.

Валерий прошел вдоль железки и спустился вниз к двухэтажному дому. Поднялся на второй этаж и тихонько постучал в двери.

За дверью стояла абсолютная тишина. Он постучал посильней. Раздался женский голос:

— Заходите, открыто.

Со словами:

— Девушка, дайте пожалуйста, напиться, а то так есть хочется, что переночевать негде.

Валерий зашел внутрь.

— Здравствуйте, молодой человек, проходите, пожалуйста.

— Здравствуйте, это вам, — и он протянул ей коробку с тортом.

— Ну вот и хорошо. Сейчас Лида придёт из магазина, и мы сядем пить индийский чай «Три слона».

В это время на деревянной лестнице слышались чьи-то торопливые шаги. Дверь распахнулась и на пороге появилась та, ради которой он пришёл сюда.

— Меня зовут Валерий и эти цветы вам.

— А меня зовут Лида, — сказала она. — Вот здесь мы с мамой и живем.

Валерий осмотрел комнату, которая служила этим людям и спальней и кухней. Одно окно выходило на железную дорогу, другое — во двор. Все что делалось во дворе, было не только видно, но и слышно.

— Да у нас такие спектакли бывают, что и в театр не надо ходить. А главное, что всегда бесплатно, — сказала Лида.

— Соловья баснями не кормят, давайте пообедаем, — сказала Лидина мама.

Валерию было неудобно объедать людей, и он стал любезно отказываться. Но Лидина настойчивость в этом вопросе победила. И ему пришлось сесть за обеденный стол.

Вытрезвитель

Они сидели в лодке на берегу моря. Из окна ближайшего дома доносилась песня. Проникновенно звучал женский голос:

*«У моря, у синего моря
Со мною, ты рядом со мною.
И сладким кажется на берегу
Поцелуй соленых губ».*

— Такое впечатление, что эта песня про нас, да и только, — сказал Валерий.

— Да, душевная песня, — ответила Лида.

С моря подул свежий ветерок, и она невольно вздрогнула. Валерий снял пиджак и накинул ей на плечи.

— Спасибо!

— Представляешь, Лида, вот сидим мы в этой лодке, а где-то далеко-далеко отсюда, может даже в другой галактике, юноша на берегу моря обнимает свою инопланетянку.

— И пытается залезть ей под платье, точно так же, как это делаешь ты сейчас. Но безуспешно.

— Представляешь, ну никак не думал, что на берегу моря могут замёрзнуть руки.

— Тогда надевай свой пиджак.

— Нет, нет, что ты. Это я пошутил.

— А я не шучу. Ты меня гладишь, а я что каменная и не чувствую. Со мною происходит тоже самое, что и с тобой. Бери меня в жёны и тогда черпай своё счастье, сколько хочешь.

И днем, и ночью, в свободное от работы время.

Они молча сидели в лодке и смотрели на ночное небо, которое было усыпано миллиардами звезд. Мерцающие под луной

волны, сливались с небесной бездной. Они бережно несли серебристый свет ближайшей планеты и с шумом выбрасывали его прямо к носу лодки. Ощущение было такое, что молодые люди плывут в каком-то безбрежном океане.

— Если бы я был художником, я запечатлел бы на полотне все, что я сейчас вижу и чувствую.

— Я верю, что ты бы спокойно мог осуществить свою задумку. У тебя есть природный талант.

От тех слов, сказанных с какой-то особенной теплотой и нахлынувших чувств, Валерий не смог сдержаться и осторожно прижал Лиду к себе.

— А хочешь, я почитаю тебе стихи, — спросил он.

Резкий свет от мотоциклетных фар заставил обоих зажмуриться. Светили нагло.

— Эй, кто там? Побаловались, и хватит, — крикнул Валерий.

Мотоцикл подъехал ближе к лодке. В нем сидели милиционеры. Что-то недоброе было на этих лицах.

От здешних ребят Валерий слышал, что есть такие блюстители порядка, которые не борются с пьянством. Они выбирают добропорядочных граждан, с которых можно что-то поиметь. Не каждому мужику понравится, когда тебе не за что, не про что, выкручивают руки.

Спровоцировав драку, они раскручивают клиента:

— Вот сейчас составим акт, и вы теряете летний отпуск — раз. Премия месячную и квартальную — два. Тринадцатую зарплату — три. Очередность на получение жилья — четыре. Штраф 15 рублей, а то и больше — пять. Позор, от которого не сразу же и отмоешься — шесть. Ну, и нужны тебе такие проблемы?

Любой здравомыслящий человек в этот момент достанет кошелек... А это им как раз и нужно.

— Вы что тут делаете? — спросил один из милиционеров.

— Сидим, отдыхаем, — ответил Валерий.

— Ты, смотри какая с ним краля, — ответил другой.

— А кто дал вам право оскорблять людей? — сказала Лида.

Видно этого и ждали милиционеры. Они подскочили к девушке и стали выкручивать руки. Она закричала. Валерий бросился к ней.

С металлом в голосе он сказал:

— Эх, вы джигиты? Посмотрела бы ваша мать на то, что вы с людьми делаете.

Видно его слова возымели действие, и они отпустили де-вушку.

— Лида! Ты иди домой и ничего не бойся. А я скоро.

— Ну что, блюстители порядка, поехали?

Он сел в люльку мотоцикла.

Мотоцикл взревел, как сумасшедший, и рванул с места.

В помещении, куда его привели, пахло сыростью.

Спертый воздух моментально въелся в горло, в кожу.

— Да, попал я в лучший отель старинного города Дербента, — подумал Валерий.

— Откройте, разрешите позвонить по телефону.

— Будешь и дальше стучать, выйдешь отсюда инвалидом, — сказал кто-то за дверью.

То, что они могут это сделать, Валерий слышал от своих друзей:

— Одного так отделали, что он через неделю богу душу отдал.

Пытались найти, кто это сделал? Да, куда там.

— Легче найти иголку в стоге сена, чем правду, так говорят в народе.

Под утро дверь открылась, и его проводили к дежурному.

— Ну, вот акт! Принесешь 15 рублей, и мы его порвем, можешь идти.

Валерку трясло от негодования. Мало того, что его и де-вушку оскорбили, продержали в этом свинушнике всю ночь. Так еще и требуют деньги. Но он сдержался.

Пошел к Лиде, узнать как она.

Она тоже всю ночь не спала.

— Да отнеси ты им эти проклятые деньги — пусть подавятся, — сказала она.

— Может ты и права, только я пойду к своему начальству и расскажу, как было дело. Как они посоветуют, так и сделаю.

С этими словами он пошел к начальнику цеха эксплуатации Ямпольскому. Он был на месте в своем кабинете и внимательно выслушал Валерия.

— Мне через час в поездку ехать, а меня всего трясет.

— Успокойся, мы все уладим, — сказал начальник.

Через час поезд, который вели машинист Борис Барон и его помощник Валерий Орлов был уже в пути.

Экстренное торможение

Больше недели Валерий ездил с машинистом Борисом Бароном. Оба участвовали в локомотивной художественной самодельности. Завтра вечером опять репетиция. Ребята готовят новую программу.

Дорога до Дивичей не должна занять много времени. Только бы повезло, и не попали бы в затор. Он часто происходит на дороге, поскольку вагонники станции Баладжары не успевают обрабатывать грузовые вагоны. Поэтому, нередко приходится стоять на линейных станциях.

Позади остались станции Араблинская и Белиджи. Скоро станция Самур. Последняя станция Северо-Кавказской железной дороги.

— По станции Самур скорость 60, — сказал помощник.

— Есть скорость 60, — ответил машинист.

Валерий вышел из кабины в машинное отделение.

Ухватившись за поручень, он нагнулся в сторону дежурного по станции. Тот стоял на перроне, и держал обруч, на котором была привязана телефонограмма.

Поймав его, он вернулся в кабину:

— Вот! И протянул разрешение на занятие перегона.

— Добро! — ответил машинист.

Он потянул ручку контролера, и дизеля стали набирать обороты. Поезд устремился к станции Худат.

Проехали мост через реку Самур. Сейчас она спокойная, а видели бы ее весной! Самая большая река Дагестана, в ее бурных потоках скрываются не только деревья, но и камни.

— Впереди путь свободен, — сказал Валерий.

— Есть, свободен, — ответил Борис.

И в этот момент откуда-то из-за деревьев вышло небольшое стадо буйволиц, прямо на железнодорожное полотно.

Удар автосцепкой был настолько сильный, что животное подбросило до самого окна. Тепловоз затрясло, как человека, который страдает лихорадкой.

— Тормози! — крикнул Валерий.

Машинист, уже держал ручку поездного крана в экстренном положении. Поезд, пробежав не одну сотню метров, остановился. Валерий, схватив молоток, быстро спустился с тепловоза.

Быстро осмотрел ходовую часть, потом весь низ двух секций тепловоза. На первый взгляд все было в порядке. Пробежал вдоль состава. Вернее первые десять вагонов.

Под колесной парой одного из вагонов лежала туша. Кожа у этого животного настолько груба, что ее не могла разрезать высокопрочная сталь колесной пары.

Откуда-то издалека бежали люди, крича и размахивая руками. Встреча с такими людьми не сулило ничего хорошего. Но поезд нужно срочно отправлять. В течение 10 минут необходимо устранить все неполадки.

Люди уже стояли рядом и гадали, как те вороны, что расселись на ветвях деревьев.

— Чье животное? — спросил Валерий. Сломали тепловоз, за чей счет прикажите его ремонтировать. Поезд выбили из графика.

Убытков на сто тысяч, — Валерку так и несло.

Он знал, чем убедительней будет звучать его голос, тем быстрее развяжет он эту не простую ситуацию.

— Чья скотина? — еще раз спрашиваю.

Все как один, не признали себя хозяином несчастного животного.

— Все отойдите от вагона, будем осаживать поезд, чтобы вытащить то, что осталось.

Валерий дал сигнал «назад».

Машинист дал два гудка, и поезд несколько метров медленно прокатился назад.

Круговым вращением руки, Валерий остановил состав.

Машинист дал три гудка.

— Вытаскивайте тушу. Теперь «якши».

— Механик, может возьмешь с собой мясо?

— Нет, спасибо! Вы все отойдите от состава, а то не дай бог и вам достанется.

На станции Худат дежурный махал руками, дескать: «где вы были?». Короткая записка, брошенная ему все объясняла.

Прибыв на станцию Дивичи, Валерка полез с веником, чтобы как-то навести лоск на передней части тепловоза. Это было полбеды.

Экстренное торможение не прошло даром. Чуткое ухо уловило характерный стук, доносящийся снизу.

Это указывало на то, что на колесных парах появились так называемые «ползуны».

О чем и была сделана соответствующая запись в бортовом журнале.

Дивичинская бригада не хотела принимать тепловоз. После долгих разговоров и переговоров с дежурным по депо, они все-таки согласились. Приняли тепловоз и поехали к конечной станции Баладжары.

Глубокой ночью Валерий вернулся из поездки. Лег в холодную кровать и долго не мог уснуть. В голове до сих пор стояла та страшная картина. Трагическая гибель животного.

На острие ножа

Проснулся он часов в девять. И сразу же побежал к Лиде.

Она его ждала. В этот день они договорились сходить на рынок.

Они шли по улице Ленина до кинотеатра «Родина». Потом свернули направо. Выйдя на улицу Кази-Бека, пошли вверх в сторону Шуринских ворот. Там находился вещевого рынок, народ прозвал — «толчком». Здесь можно было купить все, что желает душа и позволяет кошелек.

Немного не доходя до рынка, их окружила группа кавказских горячих ребят. Отпуская колкости в сторону девушки, они при этом громко ржали, как те необъезженные жеребцы, которые встречаются на Северном Кавказе.

Пошлость никогда не украшала мужчину, какой бы национальности он не был.

Лида прижалась к Валеркиной руке и тихо на ухо сказала:

— Не связывайся с ними, очень тебя прошу.

— А они молодцы. Прямо как в пословице: «Семеро одного не бояться». Наверняка у каждого за пазухой нож, который не раз уже был в деле. И как в подтверждении своих слов, он почувствовал как что-то острое проткнуло рубашку и воткнулось в ребро.

— Вы что, совсем очумели, среди белого дня, — сказал Валерий.

Вот тут-то он пожалел, что не надел железнодорожную форму. Но было жаркое лето, и не очень хотелось устраивать себе очередную баню.

Неизвестно, чем бы все это закончилось, и как долго он был бы на острие ножа, если бы и из-за угла не вышли двое молодых кавказцев. Одного из них он узнал — это был солист танцевального ансамбля «Лезгинка».

— Салам, алейкум!

— Алейкум, салам! — произнес танцор.

Валерка даже имя его забыл, а тот же наоборот спросил:

— Как дела? Что нового в мире искусства?

— Да какие тут дела? Мы тут попали в такую историю.

Он оглянулся, но никого из тех, кто сейчас издевался над ними, не было. Их след простыл как утренний туман, который часто стоит над седым Каспием.

Они еще постояли и поговорили о делах, о том, о сем, и разошлись. Они сделали несколько шагов, как к ним вдруг из подворотни одного дома выбежал один из ватаги и сказал:

— Прости земляк, мы тебя спутали с другим. Если кто тебя хоть пальцем тронет, скажешь:

— Магомед, с улицы Кази-Бека, тебе башку оторвет! Прощай, братишка.

И он также быстро исчез, как и появился.

Ну, сегодня и денек, — сказал Валерий. — Хотя вчера был не лучше.

И он рассказал о вчерашнем приключении.

Агитационный поезд «Дагестан»

Приближался большой праздник. По советским меркам, это было самое большое торжество — 50-летие Великого Октября.

Незадолго до этой даты Валерия пригласили к руководству депо:

— Товарищ Орлов, вам оказана большая честь в составе агитационной бригады проехать по всему маршруту от Дербента до Махачкалы. Вас откомандировали на целую неделю с сохранением среднего заработка. Завтра от железнодорожного вокзала в 8 утра отойдет агитпоезд «Дагестан». Не опаздывайте, пожалуйста.

И вот на следующее утро Валерий стоял на перроне вокзала возле странного поезда.

Странность заключалась в том, что вместе с классным купейным вагоном и «Вагон-клубом» были прицеплены обычные четыре грузовых вагона. Это были своеобразные магазины на колесах, где можно было купить все: начиная от одежды, мебели, стиральных машин и холодильников, садовой и огородной утвари, и кончая продуктов питания. Все предназначалось для жителей линейных станций и близлежащих сел и аулов.

Из репродуктора неслась торжественная музыка, что создавало и без того нескрываемое волнение. Около купейного вагона сновали люди, многих из них Валерий знал. Это были участники танцевального ансамбля «Лезгинка» и музыканты. Остальных он не знал, но в силу того, что они были здесь, это были нужные люди.

Из вокзального репродуктора донесся голос диктора:

— Граждане пассажиры! От первого пути отправляется агитационный поезд «Дагестан».

Счастливого вам пути!

И духовой оркестр грянул «Прощание славянки».

Поезд плавно отошел от перрона.

Первая станция — Дагестанские огни.

Слева от поселка возвышается первенец первых пятилеток, стекольный завод. Сюда в один из цехов, и привезли всех самодельных артистов.

Сцены как таковой не было. Подогнали два больших грузовика, Открыли борта, и поставили машины борт к борту.

На этой импровизированной сцене и выступали.

Сначала, как всегда в этих случаях, была лекция. А потом — развлекательная программа. После концерта всем участникам агитпоезда показали производственные цеха, где делали всевозможные стекольные изделия, так необходимые народному хозяйству.

Валерка никогда не видел столько огнедышащих печей. И был зачарован этой огненной красотой.

Вечером того же дня в вагон-клубе был еще концерт. А потом показывали художественный фильм.

Рано утром тепловоз перегнал агитпоезд на следующую станцию...

Из купейного вагона через тамбур ребята попадали в ресторан, где их три раза в день кормили. За трехразовое питание они платили пятьдесят копеек. Это была просто смешная сумма. Самое главное, они не были голодными.

Вот и сейчас, пообедав, Валерка лежал на верхней полке и думал:

— А все-таки дома кормят гораздо лучше. Он считал уже своим домом то место, где живет его девушка Лида. Она всегда ждала его с поездки. Проезжая мимо, он всегда давал условный сигнал. И она, как Ассоль, махала ему платком, пока позволяла видимость.

Эпилог

Прошло еще полгода.

Валерка готовился к свадьбе. Он сделал Лиде предложение, и она согласилась. Свадьбу сыграли в клубе локомотивного депо, где работал жених.

Играл эстрадный оркестр, с которым Валерий Орлов не раз выступал перед жителями города на телевидении, и перед своими коллегами по работе. Они сами предложили ему играть на его свадьбе. Это были настоящие друзья.

А ровно через год после свадьбы, день в день у Валерия и Лидии родилась дочь. Назвали ее Татьяной.

Вот и вся повесть о двух молодых людях.

2011 год

КАПУСТНИК-99

с самого существования Дворца культуры, который сначала носил название 50-летия Великого Октября, потом Центра досуга и который в конечном итоге стал ДК «КИНЕФ», существовала добрая традиция праздновать Новый год по-семейному.

На первых порах это были просто новогодние концерты, которые в скором времени переросли в капустники, в своем профессионализме не уступавшие столичным.

На этом поприще прекрасно зарекомендовали себя заведующая культурно-массовым сектором Галина Ивановна Богалова и художественный руководитель Мираида Николаевна Яковлева, которая позже стала Заслуженным работником культуры.

С 1977 года свою лепту довелось внести и мне. Большую часть ролей в капустниках разных лет я играл Деда Мороза.

Но были роли такие, как князь Владимир, а в 1998 году играл самого Леонида Ильича Брежнева.

Числа 27 декабря мне позвонили с Дворца культуры:

— Привет, Паша!

Я сразу же узнал голос режиссера театра-студии «Ступени» Евгения Харченко.

— Здравствуй, Женя!

— Тут такое дело,- продолжил он. — Нужна твоя помощь.

— Ну, раз нужна, помогу, чем смогу, — ответил я.

Дело в том, что в конце декабря во Дворце будет капустник для работников завода.

— Ну, это очень хорошо, — ответил я.

— Мы с Игорем Акимовым подготовили сценарий, в котором есть место и тебе. Ты должен сыграть Брежнева.

В какой-то миг мне показалось это нереальным, и я ответил: — Прошло уже 16 лет, как нет Генерального секретаря.

Забылись его речь, повадки, жесты.

— Да ты справишься! — ответил Евгений.

— А когда вечер?

— Через два дня.

— Опачки???

29 декабря мы все собрались в гримерной.

Ельцына играет Сергей Лапчук, а Горбачева — Дмитрий Корольков, все с театра-студии «Ступени».

Готовимся к выходу.

Думаю:

— Неплохо бы поздравить директора Дворца, Валентину Александровну Погосову. Захожу в ее кабинет, а там ее нет.

Но вместо нее в кабинете — генеральный директор ООО «ПО «Киришинефтеоргсинтез» Вадим Евсеевич Сомов и его заместитель Людмила Владимировна Песля.

Глядя на меня, Людмила Владимировна сказала Сомову:

— Это, наверное, артисты из Сургута?

Мне пришлось подать свой голос:

— Своих не узнаете, Людмила Владимировна?

Ну и посмеялись мы тогда.

И вот началось новогоднее театрализованное представление. Дошел черед и до нас.

Звучит шуточное поздравление от Ельцына, потом от Горбачева. Ведущий Евгений Харченко представляет слово генеральному секретарю ЦК КПСС Леониду Ильичу Брежневу. Из глубины сцены под музыку «Малая земля» появляется автор этих строк.

Первые ряды зала начинают медленно подниматься и рукоплескать после слов:

— Дорогие товарищи! — Аплодисменты усилились.

На груди у Леонида Ильича горят пять звезд.

Изготовить пять звезд на пиджак было самым сложным в подготовке к этому вечеру, чем сам выход на сцену.

Всю ночь мне пришлось их вырезать и клеть.

Делать так, чтобы это выглядело достойно и красиво, и были похожи на оригиналы. А самое главное, чтобы не свалилось в ответственный момент с пиджака...

С каждым Новым годом на сцену Дворца выходят все новые и новые таланты. Кто-то уже на сцене не один десяток лет, кто-то на этом поприще делает первые шаги.

Сцена для них — это вторая жизнь. Это, как любовь с первого взгляда. Раз, и на всю жизнь.

Все эти самодеятельные артисты несут людям культуру, праздник. Праздник, который уже длится долгие и долгие годы.

Сентябрь, 2012 год

ГЕРМАНИЯ, КАК ОНА ЕСТЬ

На Берлин!

Я благодарен судьбе, что в свое время мне удалось побывать в Германии. Тогда эта страна называлась — ГДР.

Разбирая свой архив, я наткнулся на материал, написанный в те далекие годы. Вспомнилось все. Хотя это было почти тридцать лет назад.

Вечерний поезд Ленинград-Берлин, увозил меня все дальше и дальше от родных мест в неизвестность.

Вот и город Гродно, здесь кончается СССР.

В вагон зашли пограничники. Они открыли какие-то люки, о существовании которых мы даже и не догадывались. За ними шла таможня.

Проверили паспорта, спросили:

— Не везете чего-либо запретного?

Проверка все продолжалась, когда поезд медленно пошел к границе.

Смотрим в окно. Впереди арка, на которой надпись «СССР».

Остановились. Из вагонов вышли все, кроме туристов.

Постояли минут десять, снова медленно поехали.

Вот она граница. Открыли шлагбаум.

Медленно поехали. Пересекли нейтральную полосу, обнесенную не одним рядом колючей проволоки.

Снова арка. На ней надпись «Польша». Теперь открыли шлагбаум на этой стороне.

Впервые в жизни я на территории другого государства.

Первая пограничная станция.

С первого взгляда, все так же, как и у нас. Везде родной мусор.

Дергается ручка нашего купе, входит человек в военной форме. На груди висит маленький ящичек. Точно такие же мы видели у наших. Значит снова «таможня», только другая.

На ломанном русском языке говорит:

— «Пачпорта».

Стоит, покачивается.

Внимательно осмотрел его и вижу. А товарищ-то под «градусом».

Вот это служба.

Как там ни было, подаем паспорта.

Тот в свою очередь смотрит масляным взглядом на наших девчат.

Говорю нашим красавицам:

— Придется вам оставаться в Польше. Видите, как вы понравились человеку, влюбился поляк.

Проверка закончилась, но из вагонов выходить запрещено.

Заперты, как в железной клетке. Туалеты закрыты.

Оказывается, мы сейчас возвысимся.

Так оно и есть. Подогнали наши вагоны под железнодорожные домкраты и поплыли мы в поднебесье.

На вагонах стали менять тележки с колесными парами.

Дальше по всей Европе идет узкая, железнодорожная колея.

Слава Богу, закончились наши мучения, въехали на станцию.

Стоянка 30 минут. Все побежали на станцию искать домик неизвестного архитектора.

Вдогонку слышится:

— Не пытайтесь что-либо купить за наши деньги.

Откровенно нам сейчас и не до покупок.

Снова сели в вагон.

Едем уже несколько часов. В вечернем небе показался большой город. Под рукой нет никакой карты. Гадаем. Варшава?

Оказывается, что нет. Росток.

Поздно ночью открываю глаза. Стоим.

Глянул в окно. Вот она столица Польши — Варшава.

Выходить опять запрещено. Да нам и не надо, почти все спят.

Рано утром подъехали к Франкфурту — на Одере.

Снова польская таможня, снова паспорта. Только ушел поляк, открывается дверь в купе и входит немец.

Да как рявкнет: — Ахтунг! Ахтунг! Аусвайс!

Мы чуть не обалдели. Если бы с нами ехала беременная женщина, она в это момент, наверняка бы, родила.

От первого знакомства у нас был такой шок, что мы не сразу нашли свои паспорта, хотя минуту назад их держал поляк.

Осмотрел нас внимательно с ног до головы. Потом — придиричиво паспорт. И только тогда поставил штамп. Отдал честь и стремительно вышел, также как и вошел.

Несколько минут в купе стояла гробовая тишина.

Потом разразился такой нервный смех, что прибежала руководитель нашей группы.

Это наши эмоции выплеснулись наружу.

Через некоторое время мы въезжаем в предместья Берлина.

Справа и слева садовые домики. А попросту — дачи. Зеленеет травка, растут розы. Больше ничего. На одном из участков растянута гамак, в нем молодая немка принимает солнечные ванны, в чем мать родила.

А вот и вокзал. Поезд медленно заползает под навес крытого перрона.

Вспоминаю героя, которого сыграл актер Станислав Любшин в кинофильме «Щит и меч»:

— Берлин — город моей мечты. Могу повторить те же самые слова.

В далеком 45-м году мой дядька вместе с другими солдатами Отечества брал штурмом этот город.

Спустя 38 лет я, в составе туристической группы, впервые на этой земле.

Выходим на перрон. Нас встречает бравурная музыка.

— А где цветы?

Из репродуктора опять по-немецки:

— Ахтунг! Ахтунг!

Женщины прижались к мужикам, забыв о чемоданах. Нас всего четверо, и мы как в розарии.

Навстречу идет немка, но встречает нас по-русски:

— Здравствуйте! Я ваш экскурсовод. Зовут меня Мартина. Нас уже ждет автобус.

— Вот это сервис? — подумалось мне.

Глядя на город из окна автобуса в глаза бросилась идеальная чистота.

— Чисто так, что даже противно, — произнес я вслух.

Все в автобусе засмеялись.

— У нас культура прививается с молоком матери. Когда я

училась в вашей стране, в Ленинграде, я много узнала о русских людях.

После учебы я вернулась на родину. С тех пор работаю гидом.

У нас в стране такая система штрафов, что сразу отпадет желание сорить, — сказала наша гид.

Подъехали к гостинице «Беролина».

Это второй крупнейший интеротель столицы Германии.

Нас временно разместили в двух номерах для того, чтобы мы привели себя в порядок и отправились на экскурсию в исторический музей. Но отправились не все.

Еще в поезде, когда мы ехали сюда, у меня раскололся зуб пополам. Результат знакомства с жареной русской курочкой.

Теперь предстоит идти к немецкому стоматологу.

Вхожу в кабинет и начинаю:

— Гутен таг!

В ответ слышу:

— Можете говорить по-русски.

Надели на меня наушники. В ушах звучит приятная музыка. На бормашину ноль внимания. Брызнула чем-то в рот. Вмиг всё онемело. И через полчаса я был уже, как огурчик.

Уже в Союзе, всякий раз, когда я был у стоматолога, меня спрашивали:

— А пломбу вам ставили не у нас!

И я всякий раз отвечал:

— Мой зуб осчастливили в Германии.

Культура во всем

Меня многое удивило в Германии.

Оставляют машины незапертыми. Зеркала не снимают, щетки тоже.

Все знают, что никто ничего не тронет.

На улицах чисто до неприличия.

Пакеты, пластиковые бутылки, бумажные стаканчики, бросают в расставленные везде контейнеры. Все это идет в переработку.

Меня удивила цифра, которую нам сказали:

— Из всего сырья, которое запускается в производство, 70% — вторичное сырье. Вот такое бережливое отношение к мусору.

Бережливость чувствуется во всем. Так уж устроена немецкая душа. Не то, что наша — вся нараспашку.

Целый день нас возили по различным экскурсиям, которые проходили галопам по Европам. Выручали проспекты, которых было в изобилии. И глядя на тот или иной музей, мы уже знали, что это такое.

Две недели, проведенные на немецкой земле, оставили огромный след в моей жизни.

Мне было очень обидно видеть, как далеко шагнули немцы в своем развитии.

Два раза в двадцатом столетии с этой земли на наше Отечество обрушивалась беда.

Молю Бога, чтобы это не повторилось НИКОГДА!

Сентябрь, 2012 год

ПО ВЕСЯМ НОВГОРОДСКИМ

Колеса накручивают километры. Наш путь лежит в соседнюю область — Новгородскую.

Не без труда проехав последнюю деревеньку Киришского района — Смолино. И преодолев находящийся в аварийном состоянии мост через речку Шарья, едем вглубь Новгородчины. Незнакомые ранее деревеньки Борель, Шарья.

Радостино, Новинка, Бабчицы — в основном это уже дачные места. Лишь изредка торчащие из земли стожары напоминают, что еще не перевелись коровы. Одинокие комбайны, как останки динозавров, напоминающие о своем былом величии, тихо доживают свой технический век, обдуваемые всеми ветрами.

Очень хочется верить, что сюда еще вернутся люди возрождать землю, уже давно заросшую травой.

Нельзя сказать, что жизнь здесь вовсе угасла. Деловито снуют тягачи с прицепами, доверху нагруженные лесом. Понятно, что все это уйдет за рубеж за копейки. И вернется в виде мебели за «условные единицы». А тех рублей, что мы получаем, хватит разве что на табуретку от кухонного гарнитура.

Но не все так плохо, как кажется. Перед районным центром Неболчи, что в 80 километрах от нашей административной границы, жизнь приобретает более оживленные черты.

И вид чистящей улицы поселка машины напоминает о том, что весна и здесь весна.

Памятник минувшей эпохи — трактор образца 20-30-х годов на низком постаменте. Историю здесь берегут. И еще, что бросилось в глаза, так это двухэтажное здание сбербанка.

От Любытино, наконец, пошел асфальт. Веселей замелькали белоствольные березки.

ЗДЕСЬ РОЖДАЕТСЯ БЕЛЫЙ КИРПИЧ

Безусловно, Новгородской области повезло не только тем, что она находится на живописной Валдайской возвышенности, но и природными кладовыми. Здесь есть уголь, об этом напоминает виднеющаяся вдали шахта.

Перед городом Боровичи — огромный карьер, где добывают сырье для производства силикатного кирпича.

Проехав еще немного, попадаем в город. Еще издали видны корпуса комбината, выпускающего тот самый силикатный кирпич. Вдоль железнодорожных путей — огромные штабеля готовой продукции. Сразу видно, комбинат работает. За городом дачные постройки — сплошь светлой кирпичной кладки. Красиво и, говорят, недорого.

НА РОДИНЕ ВЕЛИКОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

ВОкуловке солнце стояло высоко. Остановились перекусить.

Вышел из машины размять ноги. И тут же увидел на постаменте, как живого, Николая Ивановича Миклухо-Маклая. Уже и не помню, когда последний раз встречался со столь впечатляющим изваянием русского путешественника.

Окуловка примечательна еще одним памятником. Первый трактор, который пришел на смену сохе, теперь, как игрушка, стоит на постаменте в виде серпа и молота — олицетворение крестьянского и рабочего труда на заре «новой эры».

Время и люди пощадили трактор.

«СТРАНА ДИВ»

Чудесен новгородский край! Здесь жил и творил советский писатель Виталий Бианки. На памятном камне — слова великого певца природы: «Утверждаю в трезвом уме и памяти: здесь страна Див. Большим подъемом сил я больше обязан Боровну, чем Кавказу»

В Погость Боровне повезло встретиться с местным жителем Валентином Андреевичем Смородкиным, который поведал:

— Семья Бианки жила в моем доме пять лет, я прекрасно помню их всех: сам глава под два метра ростом, жена Вера Николаевна, няня Александра Николаевна и дети — Елена, Виталий и Валентин.

Писатель был заядлым охотником и часто бродил с ружьем по здешним местам. Здесь и рождались литературные шедевры, сделавшие его имя бессмертным. Сидя под широкими лапами елей, которые росли рядом с домом, он любовался окружающей красотой, искрящимися всеми цветами радуги окрестными озерами.

Под этими елями, которые с годами стали гораздо выше, стоим и мы: автор этих строк и директор СПК «Будогощь» Владимир Витальевич Царев. Только благодаря ему, я увидел здешние места.

Наслаждаемся здешней красотой. Воздух такой чистый, что его хочется пить и пить. Со всех сторон озера. Большая часть их еще покрыта льдом, но уже шумит вешняя вода, наполняя природу веселым весенним шумом, который бывает только в это время года.

Мы стоим втроем и, глядя на дом, в котором жил писатель, замечаю следы пожара.

— 12 января 1994 года от прямого попадания молнии приют семьи Бианки сгорел, — говорит Валентин Андреевич. — А это жалкие остатки, которые не могут раскрыть всю картину того времени.

Мы тепло прощаемся с нашим собеседником. Проезжая мимо деревенского кладбища останавливаемся. Нас привлекла церковь, которая в свое время была красавицей, да еще какой.

Время властно над человеком, а что говорить о той старине, которая рушится на глазах. Слезы горечи вызывает эта картина. На деревенском погосте покоятся те, которые при жизни могли бы рассказать о незабываемых встречах с Виталием Бианки. Сейчас над их могилами шумят березы, как и над могилой писателя, который закончил свой земной путь в 1959 году.

Переезжаем небольшую речушку.

— Тормози, Витальевич! — кричу я.

— Что случилось? — говорит мой друг.

— Ты посмотри, какая красота.

Одна сторона берега лежит в снегах, а другая, которая освещена солнцем, напоминает почти что лето. Песочек, камешки, — и все это омывается водой, которая выходит прямо из озера.

ПРЕВРАТНОСТИ И ЧУДЕСА ДОРОГ

Чже возвращаясь назад, мы поехали совсем другой дорогой. Она была гораздо длинней, но зато комфортной — везде асфальт.

От Окуловки уходим влево к московскому шоссе. В лучах уже покатившего к горизонту солнца блестят весенние лужи. Проехав половину дороги, которая ведет к федеральной трассе, выезжаем на весьма разбитый шлях. Впереди затор: «Жигуленок», изрядно нагруженный, пытается вырваться из «киселя», в котором увяз. Рядом другие легковые машины, в данной ситуации бессильны. Ни назад ни вперед.

— Сейчас мы ребяташек выручим, — говорит Витальевич.

Он включает передний мост, и «УАЗ», как катер, выезжает в эту жижу. В несчастной машине — испуганные лица ребяташек.

Мы берем ее на буксир, но рвется трос. Витальевич достает свое буксировочное устройство. Вытаскиваем бедолаг на чистый асфальт.

— Ну какой идиот надумал в такую погоду делать ремонт?

— Главная беда на Руси — дороги, — сказал Царев.

Проехав еще немного, выезжаем на московскую трассу.

Городок Крестцы. Слева — аккуратная церквушка. Справа поодаль — памятник летчикам Северо-Западного фронта. Только вместо ИЛ-2 в небо «взлетает» реактивный самолет конца 50-х годов.

Проехали еще немного, и вновь остановка. В стороне от дороги большая стая: лебеди, гуси. Стоит такой гвалт, что машин не слышно, которые проносятся мимо. Мне посчастливилось их снять и на видео, и на фотоаппарат.

Чем ближе я подходил к ним, тем дальше уходили они в поля. Но то, что я снимал, и тем я был доволен.

Встреча с такими замечательными птицами, по поверью, приносит удачу и счастье. Пусть так и будет. Хочется в это верить.

1 апреля, 1999 год

ВСЕ ОСТАЕТСЯ ЛЮДЯМ...

Мак считает Лидия Михайловна Голенок, педагог по сути, отличник народного просвещения СССР и РСФСР.

Долгие годы жизни связывают ее с поселком Пчевжа.

Мы сидим в ее доме, беседуя о прошлом под шум осеннего дождя и шорох ветвей за окном. Лидии Михайловне есть о чем рассказать. С большой теплотой отзывается она о своей первой учительнице — Анне Филипповне Прокофьевой, которая преподавала в начальной школе, располагавшейся неподалеку от Киришского кладбища. Там же стояла действующая церковь, которую 1937 году постигла печальная участь. Рядом с ней возвышалась парашютная вышка, куда ватагой бегали ребятишками наблюдать за прыжками смельчаков.

Страшная весть о войне ворвалась в жизнь поселка в июне 1941 года. А уже в августе пришлось испытать на себе первую бомбежку. Вскоре жители поселка были эвакуированы.

Оставшиеся в живых после бомбежки эшелона делили друг с другом кров и пищу. Спаситься от голода удалось потому, что мама Лиды взяла в дорогу мешок сухарей и банку меда.

4 октября 1943 года наши войска освободили Кириши, а весной 44-го года семья вернулась на родину, вот только от прежнего поселка остались одни руины. Люди жили в землянках и окопах.

Жилье нашли в деревне Березняк. Где-то бушевала война, а здесь, в тылу, каждый старался принести посильную помощь фронту. Мама устроилась работать путевым обходчиком, а дети трудились в колхозе наравне со взрослыми. Председателем колхоза была тогда А. Гусева, которую дети называли тетей Шурой. Конечно, в те годы жилось голодно, и когда с полей сходил снег, и пробилась первая зелень, ребята собирали хвощ, корешки которого напоминали давно забытые конфеты. Как-то, работая в поле, колхозники услышали гул приближающегося самолета. Из его открытого люка вниз на землю посыпались листовки, разнося весть о Великой Победе.

Вся деревня ликовала от этой долгожданной новости.

Откуда-то появился аккордеон, и начались танцы. Вскоре

вернулся с фронта отец, прошедший весь ад Сталинграда. В одном из боев он был тяжело ранен. Пуля прошла в двух сантиметрах от сердца. Лечился под Читой, стоял в резерве.

После быстрого разгрома Японии, наконец, вернулся домой.

Устроился в леспромхоз на Пчевжу.

В 1956 году Лидия вступила в партию, а рекомендацию ей дал будущий ее супруг. В этом же году они и поженились. Голенок Андрей Трофимович, защитник Ленинграда, стал ее защитником. В любви и согласии прожили они 28 лет. А в 1984 году не стало любимого человека, недожив до своего 60 — летия, он умер от обширного инфаркта. Последние 20 лет он проработал директором леспромхоза, слава о котором разнеслась за пределы области. Андрея Трофимовича — высокообразованного интеллигента, чуткого и внимательного руководителя — любили все. Может, поэтому одна из улиц поселка носит его имя. Но черствость чиновников преследует порой и мертвых. В канун октябрьских праздников (он умер накануне) давали ветеранам юбилейные медали. Бог с ней, с медалью, до боли обидно за брошенные в лицо вдовы слова: «Ну, он же умер...».

Всю жизнь Лидия Михайловна посвятила школе. 54 года отдала подрастающему поколению. Дети, вырастая, не забывают своего учителя. Для них всегда открыты двери дома, хозяйка которого всегда поможет, утешит, найдет нужное слово, совет. А иначе она и не может. Всю жизнь с людьми. Вот и сейчас Лидия Михайловна — председатель Партии пенсионеров при волостной управе. Всегда поздравит с тем или иным праздником. А в начале ноября и ее поздравят с днем рождения. Добро, сделанное людям, добром и возвращается.

Вот так и живет Почетный гражданин города Кириши в поселке с очаровательным названием Пчевжа.

Октябрь, 2003 год

ГЕРОИ ЖИВУТ РЯДОМ

Николай Иванович Сахаров — ветеран войны и труда, заслуженный строитель, кавалер орденов Октябрьской революции, Отечественной войны, «Знак Почета», удостоен высокого звания Герой Социалистического Труда.

Многие его знают в нашем городе как первостроителя и знаменитого бригадира. Его бригада участвовала в сооружении строительных объектов на нефтеперерабатывающем и биохимическом заводах.

Но есть в жизни Николая Ивановича и особая страница...

В 1943 году Николай Сахаров добровольцем пошел на защиту Родины. Попал 74-й стрелковый полк, который стоял в местечке Борисова Грива.

А потом полк бросили на ленинградский фронт. Юноше, не нюхавшего пороха, досталось уже на седьмой день. Госпиталь, потом другая часть.

Перебросили на другой — Прибалтийский фронт под Псков, где ранен был второй раз. Четыре месяца лечился в госпитале. Потом с боями его часть в составе Прибалтийского фронта перешла границу Германии и шаг за шагом приближалась к Берлину. На подступах к фашистскому логову 16 апреля был ранен в третий раз.

День Победы Николай Встречал в Польше во временном госпитале. А потом в глубине России, в Уфе, поднимали солдата на ноги.

С тех пор прошло 60 лет.

Мы сидим за столом, рядом именной самовар, подаренный коллективом 46-го Треста в год 55-летия Николая Ивановича Сахарова. Сколько из него выпито за дружескими разговорами! И вновь хозяин дома вспоминает...

Как встретил свою Анастасию, как в далеком 49-м поженились. 57 лет вместе.

Досталось и Анастасии в годы войны. 16-летней девчонкой ее мобилизовали на лесозаготовки. О тех суровых днях напоминает медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Это не единственная награда, украшающая ее платье.

Целая жизнь — одна на двоих.

— Помню, как приехали в Кириши, где стал работать в 99-м строительном управлении, а до этого строил Волховский алюминиевый завод, — говорит мой герой.

Здесь, на киришской земле, он вместе с бригадой возводил установки на биохимическом и нефтеперерабатывающем заводах.

Воспитал не одно поколение строителей, принявших из его рук трудовую эстафету.

Достаточно сказать, что по его стопам пошли А. Филиппов, А. Суворов, В. Бровцин, которые тоже стали бригадирами.

45 лет в строительстве не прошли даром для хозяина.

— Мы практически никуда не ходим, нет здоровья, — говорит Анастасия Васильевна. — Выйти за покупками в магазин или за лекарствами в аптеку для нас уже подвиг.

Я смотрю на Почетного гражданина города Кириши, которому уже 80 лет.

— Да, жизнь идет. Жаль, что исчезли идеалы, ради которых мы трудились, — грустно констатирует Николай Иванович.

В квартире, где живут супруги Сахаровы, все просто, так же просто, как и в других квартирах старой планировки, где доживают свой век ветераны войны и труда, отдавшие все свои силы и здоровье государству, которое «стесняется» ответить надлежащей заботой.

И вспоминаются замечательные слова Ольги Берггольц. «Никто не забыт, ничто не забыто», невольно задумываешься: «А так ли это на самом деле?»

А БЕЗ МЕНЯ, А БЕЗ МЕНЯ...

В кабинете у Елены Васильевны Комковой нет суеты. Все спокойно и размеренно. И неудивительно: ведь она работает в Тресте № 46 с 9 марта 1970 года.

После окончания 8 классов выучилась на штукатура еще в Калининской области. Отработав положенное, приехала строить новый город на Волхове-реке.

В управлении отделочных работ № 249, куда устроилась девушка, ее первым наставником стала Нина Павловна Соловьева. Она сразу же прониклась уважением к Лене. Помогала ей в трудные минуты. Хотя это было уже давно, до сих пор добрым словом поминает своего наставника.

Любой уважающий мастер, не довольствуется достигнутым. Стремится повысить свою квалификацию. Лена пошла учиться в вечерний филиал Ленинградского архитектурно-строительного техникума, который базировался в Киришской школе № 3. В 1975 году закончила его, а через год ее назначили мастером отделочных работ УОР -249. С тех пор так и трудится мастером — вот уже 30 лет.

За это время сделано немало: строила дома на проспекте Ленина, детский сад, все насосные на нефтеперерабатывающем заводе...

Вот о таких, как она, поется в забавной песенке:

*А без меня, а без меня
Тут ничего бы не стояло.
Тут ничего бы не стояло,
Когда бы не было меня.*

ОСЕНЬ ЖИЗНИ

Жизненный путь четы Петровых типичен для людей их возраста и индивидуален, как у каждой семьи живущей в нашем городе.

В будущем году 80-летний Владимир Петрович и 71-летняя Александра Степановна Петровы надеются отметить золотую свадьбу.

— Как быстро пролетело время, — говорит Александра Степановна. — Хорошо жили, поэтому и быстро, — замечает Владимир Петрович.

Хозяин дома — участник знаменитой танковой битвы на Курской дуге у села Прохоровка, где он в чине старшего сержанта обеспечивал связь между подразделениями.

«Бывало, бежишь с катушкой, — вспоминает он, — вокруг рвутся снаряды, свистят пули. И в этом крошечном аду ищешь разорванный провод». При форсировании Днепра Владимир Петров был ранен в правую ногу, в другом бою этой же ноге опять досталось, до сих пор осколок там сидит.

Войну боец Петров закончил на Западной Украине...

Мы сидим в их двухкомнатной городской квартире, в ней уют и чистота. — Чувствуется рука хозяйки, — отмечаю я.

— Хозяйна, — поправляет Александра Степановна, — я ведь ничего не могу, ноги больные. Владимир Петрович, как гостеприимный хозяин, ставит на стол чашки, кофе и через минуту несет вскипевший чайник — подарок одного из сыновей. Перехватив мой взгляд, хозяйка показывает фотографии трех сыновей, шестерых внуков и внучки.

— Вы знаете, постоянно не хватает времени, — говорит Александра Степановна. — Даже болеть некогда, хотя мы оба инвалиды 2 группы: я диабетик, у мужа стенокардия, но ничего, держимся. Хорошо, что дети помогают, да и мы помогаем, чем можем.

— Я сидел и смотрел на этих славных людей с натруженными руками, которым и до сих пор покой только снится. После нашей беседы они быстро засобирались в семью младшего сына.

— Мы всегда спешим к сыну на выручку, — говорят супруги Петровы.

— Кто им поможет, как не мы? — улыбаясь, сказали они почти одновременно.

Сентябрь, 2003 год.

БЛОКАДНИЦА

Этих сидящих на скамейке женщин я встретил около дома, в тени прекрасных деревьев, которые они когда-то посадили. За эти годы деревья выросли и окрепли, чего не скажешь, к сожалению, о тех, кто за ними ухаживал.

Первая моя собеседница — Вера Ивановна Стрельцова, бывший ветеринарный врач, ветеран труда. По рекомендации райкома партии вместе с супругом приехала она в совхоз «Осничевский» 35 лет назад, да так и осталась жить на этой земле.

— Благодарна людям за то, что всегда была в гуще дел, и вспоминаю те годы с большой теплотой, — говорит она.

— Говорят, у вас скоро юбилей?

— Да, в декабре мне исполнится, страшно сказать, — 80 лет.

— Вы прожили большую жизнь, а как все начиналось?

— Родилась в Ленинграде, закончила школу, а тут война. Пережила самую страшную блокадную зиму. В 42-м году нас эвакуировали, сначала в Кисловодск, потом пешком до Нальчика. А это путь неблизкий.

Конечным пунктом для нас стало озеро Иссык-Куль, что в Киргизии. Там же, в городе Пржевальске, поступила в институт.

Училась легко, чувствовалась ленинградская школа. А еще занималась в художественной самодеятельности, играла на баяне. После снятия блокады в 1944 году вернулась вместе с семьей в родной город. Через три года получила диплом и сразу же окунулась в работу.

Сначала была Новгородская область, а потом в Паше отработала 20 лет. О том, что новому совхозу «Осничевский» требуются специалисты, меня очень обрадовало, поговорила с мужем, решили ехать. К тому времени у нас выросли сыновья. Экспериментальное хозяйство нам очень понравилось, решили — будем работать здесь. Привлекало все новое, неизведанное, и до сих пор не жалею, что связала свою судьбу с этим замечательным поселком. Даже уйдя на заслуженный отдых с совхоза, продолжала работу, возглавляла ветеринарную аптеку.

Идут годы, уже у сыновей свои семьи, живут в разных уголках нашей страны. Двое — на Камчатке, один — в городе на Неве.

Династию Стрельцовых продолжают пятеро внуков и одна правнучка. Приглашают маму и бабушку жить к себе.

Только здесь, в Глажево, она провела свои лучшие годы жизни и никогда не покинет эти полюбившиеся ей места.

МЫ ПОЛ-ЕВРОПЫ СО СТАДОМ ПРОШАГАЛИ

Зажется, совсем недавно Мария Михайловна Захарова приехала с мужем на новоселье к сестре.

Та жила в поселке Лесном и получила новую квартиру в городе. За праздничным застольем разговорились и оказалось, что только организованному совхозу «Осничевский» требуются люди рабочих специальностей. Директор Полетаев принял их приветливо, обещая сразу предоставить квартиру, если они согласятся работать в совхозе. К тому времени у Захаровых было трое детей и с насиженного места трогаться было страшно. Но, поразмыслив и взвесив на семейном совете все «за» и «против», решили ехать в Глажево. Супруг стал работать трактористом, а Мария — дояркой. Потом ее назначили бригадиром на комплекс в деревню Бор.

1983 году она ушла на заслуженный отдых. Дети выучились и определили свою судьбу, каждый по-своему. Двое живут в Киришах, а один в Санкт-Петербурге. У всех свое предназначение, своя дорога.

И вспомнилась ей еще одна дорога, длинную в пол-Европы.

60 лет назад она добровольцем записалась перегонять угнанный скот из Германии в Россию. И было ей в ту пору всего 17 лет. Много сейчас найдешь таких добровольцев?

Думаю, навряд. Еще добивали фашистского зверя в его логове, а мальчишки и девчонки гнали из Восточной Пруссии русских буренок в родное Отечество. Шли шесть месяцев, преодолевая каждый день расстояние в 10 километров. В таких тяжелых условиях они ухаживали за животными, как на ферме. Потерь практически не было, единственный раз сбившись с маршрута подорвалась корова и кого-то ранило из обслуживающего персонала.

Вся сложность перегонки скота заключалась в том, что идти необходимо было только по обочине дороги — вокруг были минные поля. Но особый отряд охранения оберегал людей и животных. И проносящиеся мимо войска видели, как растянувшись на многие километры буренки с почетным эскортом, медленно продвигались домой — в Россию.

Август, 2005 год

МЕДСЕСТРА ВЕРА

Встреча с ветеранами для меня всегда праздник. И эти слова идут от самого сердца. Пройдя все трудности, пережив друзей и родных, они не сломились, не пали духом.

Совсем недавно Вера Федоровна Павлова разменяла девятый десяток. Бог дал здоровья, мужа, детей, внуков. Кажется, чего еще нужно человеку? А нужна самая малость — человеческое общение. С этого самого общения у меня и началась встреча. Парадный пиджак сплошь увешан наградами. За ратный подвиг и за труд в мирное время.

Под сверкание и перезвон медалей началась наша беседа.

Родилась Вера Федоровна в Будогощи. В 19 лет испытала весь ужас первых бомбежек.

25 декабря в теткин дом, где жила Вера, пришел старший лейтенант и пригласил девушку на работу. Клуб, который стоял на берегу озера Зеленое, после двухмесячной оккупации, представлял жалкое зрелище. Девчонки за несколько дней привели его в порядок. И стал клуб эвакогоспиталем. Потянулись со всей округи легкораненые бойцы, тяжелых же отправляли в дальние госпитали. А Вера с врачом стали помогать раненым. За три дня без сна и отдыха так устала, что потом несколько суток приходила в себя.

Накануне нового 1942 года к ней опять обратились за помощью (видно понравилась ее работа), и она вместе с другими девчонками стала сопровождать раненых в тыл.

На ходу приходилось учиться медицинскому делу.

И через два месяца Вера стала медсестрой в 17-й отдельной роте медицинского отделения, со всеми уставными обязанностями, которые как и положено в армии, выполняются беспрекословно. Сотням бойцов 4-й армии помогли ее девичьи руки...

День Победы она помнит до мельчайших подробностей.

— В ту ночь я дежурила в Будогощской больнице, — говорит Вера Федоровна. — В 4 утра по радио объявили о полной и безоговорочной капитуляции Германии. Ну как такой долгожданной вестью не обрадовать больных?

И вспомнились им всем в эти минуты и бои под Синявин-ном, и прорыв блокады Ленинграда, и трудные дороги Вол-ховского фронта. Выстояли, выстрадали, победили. Награды за участие в Великой Отечественной войне нашли Веру Федо-ровну уже после войны. Моя собеседница тяжело вздохнула и продолжила:

— Более тридцати лет я отработала в Будогошской больни-це. Оттуда и ушла на заслуженный отдых.

Давно уже нет той страны, в которой мы жили, но осталась родная киришская земля, обильно политая кровью и потом таких, как медицинская сестра Вера.

Октябрь, 2003 год

КАРДИОЛОГ ГОЧИАШВИЛИ

Еще в детстве Иришка часто болела и была постоянным пациентом у врачей. Но, как ни странно, людей в белых халатах она просто обожала. С годами это чувство не ослабло, и когда девочка окончила школу, выбор профессии был уже давно предопределен.

Ира поступила в Ленинградский медицинский институт. Этот город ей был дорог, потому что в годы блокады жила ее мама, которая, не смотря на тяжелые годы, прожитые в нем, сохранила самые теплые воспоминания и часто рассказывала о красоте Северной столицы. Учиться в Ленинграде было самой большой мечтой Ирины.

В 1981 году молодой врач Ирина Отариевна Гочиашвили появилась на киришской земле, куда ее направили по распределению. В ЦРБ ее первым наставником стала заведующая кардиологическим отделением Л. А. Золотухина.

С годами к прекрасным теоретическим знаниям добавилась и практика. Ирина Отариевна стала врачом высшей категории, больные о ней говорят: — Врач от бога!

О кардиологе Гочиашвили точнее и не скажешь. В этом отделении дорога к Богу самая короткая. Врачи стараются продлить жизнь больного, но они порой бессильны перед суровой правдой жизни.

— Как быстро пролетело время, — заметила она, когда с ней говорили о житье-бытье.

— Ваше мастерство и любовь к профессии спасли сотни жизней. В ответ она подарила мне очаровательную улыбку.

Ирину Отариевну на отделении можно увидеть в любое время суток. Но даже в напряженном ритме своих будней, она находит время для своих близких: на маму и дочь. Она уже студентка 3 курса медицинского института — пошла по маминим стопам.

Жить и работать в медицине уже подвиг. Вдвойне, если работаешь в таких тяжелых отделениях, как кардиологическое. Здесь чаще видишь финал человеческой жизни. И у медицин-

ских работников остаются тоже рубцы, как на сердце, так и в душе. Поскольку все они сделаны из того же материала, что их больные. Они тоже мечтают о крепком здоровье. Дай Бог, чтобы мечты эти сбылись.

Эти строки ей, врачу от Бога:

*Дарить надежду — жизнь спасая,
Когда надежды никакой,
И боль, и радость принимая,
И оставаться все такой:
Обаятельной и нежной,
Доброй матерью и дочкой.
Милой, любящей, прилежной.
Перечислил все и точка.*

Сентябрь, 2006 год

НА КУСИНСКИХ БЕРЕГАХ

Как осень — не лучшее время года, так и осень жизни — не лучшая пора для человека. Даже уйдя на заслуженный отдых, люди села продолжают активный образ жизни. Кто ухаживает за коровой, а кто ковыряется в своем огороде. Даже гуси, попавшие нам на пути, и те при деле. Щиплют сочную зеленую траву. В деревне без дела нельзя, иначе — сопьешься.

Зак Христос нес свой крест на Голгофу, так мы в жизни своей немало терпим бед и лишений. Самое великое горе — это потеря родных и близких людей.

У Евгении Борисовны Кузнецовой 1975 году погибла одна из дочерей, а четыре года назад на сельском погосте добавилась еще одна могила — супруга. С ним она прожила душа в душу 46 лет.

Но, несмотря на все невзгоды, жизнь продолжается.

Вот так и живет одна.

Мы сидим в доме, и хозяйка чуть слышно «ведет» меня по своей реке жизни. Она полвека живет на этих берегах, с тех пор как вышла замуж за Александра Кузнецова. Работала в совхозе, в последние годы — почтальоном доставляла корреспонденцию как жителям Кусино, так и жителям ближайших деревень.

И вспомнился мне случай, как в ненастную погоду подходил к Извозу, чтобы встретиться с известным кролиководом Георгием Эдуардовичем Христенсеном, а навстречу с полной сумкой шла почтальон. Это была Евгения Борисовна. За 21 год до самой пенсии исхожено много. Когда вспоминаю слова: «Все профессии нужны, все профессии важны», горькая улыбка появляется на лице. Если этот труд кому-то нужен, то почему пенсия 1600 рублей? Это даже не укладывается в прожиточный минимум.

— Хватает, — говорит хозяйка и горько улыбается, как будто она в чем-то виновата.

В доме прохладно, это почувствовал, когда разговор был в

самом разгаре. Но на дворе еще хуже. С огромных берез падают большие капли. Дожливый осенний ветер треплет пожелтевшие листья. На свинцовых водах речки, которая плещется у самых ног, плавно покачиваются моторные лодки, молчаливо ждущих своих хозяев. Унылая пора. Не мудрено, что на улице почти пустынно. В такую погоду лучше греться у деревенской печки.

Когда-то под крышей этого дома звенели детские голоса, росли дочки. Потом у дочерей появились свои семьи, и у них уже свои дети. Внуки уже большие, когда могут, помогают бабушке, не привыкли лениться, служили в армии в Чеченской республике.

Наша жизнь, как тельняшка матроса, то светлая, то темная. Вот и в жизни хозяйки дома сейчас не лучшие времена. Трудно без хозяина, который всю жизнь проработал лесником и был добрым семьянином. На берегу реки Кусинка стоит дом, построенный самим Александром Ивановичем Кузнецовым. Это его заботливыми руками выпилены замысловатые узоры, радующие даже в такой ненастный день, как этот. Еще при жизни он сам себе создал памятник. Памятник своему таланту, своим рукам. Будем надеяться, что внуки и правнуки сохранят его, как один из красивейших домов в Киришском районе.

«ЛАСТОЧКА»

Пусть на меня не обидятся другие, но, положив руку на сердце, скажу: «Мой любимый детский сад — «Ласточка».

В свое время он принадлежал ГРЭС — 19, сейчас он муниципальный. Но для многих, в том числе и для меня, он остается грэсовским. Я и моя супруга водили сюда нашего сына, причем не один год.

Помню, когда дали ему место, группа была еще не сформирована, и заведующая Любовь Павловна Андреева взяла нашего сына к старшим ребятам. А когда пришло время его переводить в другую группу, дети со слезами просили оставить Диму у них. Так они подружились с ним за два месяца!

Уже давно наш сын закончил академию, получил путевку в жизнь...

А детский сад живет своей жизнью. Я иду по знакомому коридору, который мало чем изменился за эти годы. А вот и огромная комната, где была группа сына. Сейчас здесь царство цветов всевозможных растений. Слышится пение птиц; черепахи, хомяки, ежи и даже перепелки соседствуют друг с другом. Одним словом, флора и фауна во всей красе...

В актовом зале после ремонта стало еще уютнее. На одной из стен сохранили панно, выполненное скульптором Анатолием Максимовичем Масловым, который в 80-е годы работал на тепловой электростанции. У многих в семейных альбомах есть фотографии, где их ребенок сфотографирован на фоне этой красоты.

Затем наша экскурсия по саду продолжилась. Со своей провожатой, методистом Аллой Дмитриевной Родионовой, мы входим к самым маленьким детишкам во время послеобеденного сна. Что им снится, этим малышам, что их ожидает в этой жизни?

Мы прошли в методический кабинет и там продолжили беседу. Моя собеседница рассказывает о людях, которые всю свою жизнь посвятили детям. Это Е.А. Ершова, В.П. Маклецова, Л.И. Гореева, Н.В. Поликанова. Много сил и здоровья отдали работе Е.А. Пелевина, А.М. Галахова, Н.П. Назаркина,

Г.И. Афони́на, В.Н. Воробье́ва, В.И. Кудряшова, В.В. Чекалева, Г.В. Скачкова, вторая заведующая А.С. Погорелова.

Золотой фонд садика – Н.М. Казакова, Т.В. Константинова, Т.А. Стогова, В.А. Пученкова – они работают здесь со дня основания.

Каждое утро родители спешат со своими детьми в детсад «Ласточку», доверяя воспитателям самое сокровенное, что есть – своих детей.

ЕСЛИ БЫ МОЛОДОСТЬ ЗНАЛА, ЕСЛИ БЫ СТАРОСТЬ МОГЛА

Анна Ивановна Антипина — 90. Конечно, не только поэтому мы рассказываем о ней. Скажите, кому из нас хотя бы раз удалось побывать на Новой Земле? А она там не один год прожила с мужем. На Новой Земле и сильный пол не всегда выдерживал, а каково было ей, молодой женщине?!

Взгляд мой останавливается на пожелтевшей фотографии: санный поезд, запряженный собаками, скользит по арктическому льду — к одному из ближайших поселков на первомайский праздник. Даже вдали от Большой Земли они были связаны с Родиной незатихающей морзянкой. Несмотря на стужу тех мест, те годы она вспоминает с особой теплотой. И это неудивительно, потому что молодость — это неповторимая пора. Жаль вот только, что пролетает она так же быстро, как и самолет, который я вижу в окно...

Вот также и она с мужем смотрела в заснеженное окно прощальным взглядом в 1953 году.

Они покидали обжитой дом и возвращались в родные края — в Архангельск.

В начале семидесятых Антипины перебрались на киришскую землю, поближе к сыну, который учился в Ленинграде. Жить бы им да радоваться.

Да горе — ближайший сосед радости. Умер муж.

— С тех пор слезы на моих глазах не высыхают, — говорит Анна Ивановна. — Одиночество — не лучший спутник в жизни.

И она натруженными за долгую жизнь руками вытирает набежавшие слезинки...

Кем она только не работала за свои девять десятков лет! В войну трудилась на трикотажной фабрике. Работала в леспромхозе телефонисткой, да разве все перечислишь? Удостоверение «Ветеран труда» просто так не дают.

... Я рассматриваю старые фотографии. Вот этой фотографии 80 лет, в то время еще жив был вождь мирового пролета-

риата. А вот здесь неизвестный фотограф запечатлел двух подружек и ее, Анну. Ее взгляд устремлен куда-то далеко-далеко, через толщу времени и пространства.

Никто не знает, как сложится жизнь. За долгие годы Анна Ивановна поняла, что очень важно ценить настоящее, помнить прошлое и думать о будущем. И как бы ни складывалась мозаика жизни, нельзя опускать рук. И в 90 лет Анна Ивановна не падает духом, подвижна и бодра.

Сентябрь, 2003 год

НЕВЗГОДАМ ВОПРЕКИ

Для некоторых людей обычная жизнь — уже подвиг...

Владимира Николаевича Казакова я знаю давно, но познакомиться с ним ближе довелось в тот период, когда мы вместе находились на излечении в кардиологическом отделении киришской ЦРБ. В тяжелые минуты он поддерживал меня, хотя у него самого ситуация со здоровьем была близка к критической. Множество недугов — вот следствие его пребывания в Чернобыле с августа по ноябрь 1987 года.

Ленинградский полк химической защиты, старшим фельдшером которого был Казаков, выполнял тогда работы по дезактивации зараженной радиацией территории и по устройству могильников для техники и близлежащего к атомной станции леса. 27 раз побывал Владимир Николаевич в так называемой третьей зоне, где была наибольшая степень радиоактивности. За 300 часов работы он получил большую дозу облучения, которая и подорвала его здоровье.

Вернувшись домой, он продолжал работать фельдшером в отделении анестезиологии и реанимации киришской больницы, однако через полгода здоровье его резко ухудшилось. С 1989 года он периодически проходит лечение в родном реанимационном отделении. Особенно тяжелым был период с марта 1993 по январь 1994 года. Пять раз он находился на грани жизни и смерти, из них в двух случаях наступала клиническая смерть. Его жизнелюбие, сила духа и мастерство врачей все же отодвинули роковую черту.

1 группу инвалидности Владимир Николаевич получил 1993 году в возрасте 45 лет. Несмотря на постоянные проблемы со здоровьем, он не унывает. У него трое детей (младшей дочери 15 лет), внучка и внук. Владимир Николаевич помогает старшим детям и воспитывает юных членов семьи — в этом он видит сейчас смысл своей жизни.

Октябрь, 2003 год

ПЕРВОСТРОИТЕЛЬ, ХУДОЖНИК, ЮБИЛЯР!

Эти слова с полной уверенностью можно отнести к Анатолию Максимовичу Маслову.

9 мая он в кругу своей семьи отметил 80-летие. Единственное, что его огорчает в этот день то, что уже на протяжении долгих лет за праздничным столом нет его дорогой супруги.

Покружила жизнь его по белу свету. Родился в селе Шаумян, под городом Армавир, что на Кубани. Потом была Сибирь. Затем служба в армии. Жил и в Казахстане. И уже оттуда приехал Маслов в Кириши на комсомольскую, ударную стройку.

Его талант пригодился и здесь. Работал художником на нефтеперерабатывающем заводе, на ГРЭС-19.

Даже сейчас, когда он уже давно на заслуженном отдыхе, и то не сидит без дела. Выполняет «заказы» своей любимой правнучки Виктории.

Диву даешься, когда видишь, как работает Максимович. Уже и глаза плохо видят, пришлось делать операции, да не одну и работе сердца помогает кардиостимулятор. И когда бы я ему не позвонил, он всегда в творческом полете. Потому что для творческого человека, если ничего не делать — это равносильно смерти.

Он продолжает рисовать, может не так, как раньше, но понемножку. И так каждый день, когда позволяет здоровье.

Как-то, разговаривая с ним, он вспомнил забавный случай.

— Поехали мы однажды с братишкой на рыбалку, на Велью.

— Он, конечно, с удочкой, ну, а я с мольбертом и кистями. Он ловит, ну а я пишу картину.

Вдруг с другого берега речки кричит женщина. Что кричит, непонятно. Я же продолжаю работать. Как оказалось позже, ко мне сзади подошел медведь, постоял-постоял, посмотрел на меня, что я делаю, да и пошел обратно в лес.

— Хороших людей, особенно творческих, медведи не трогают, — ответил я ему.

Было время, когда Анатолий Максимович отдавал все свои силы для любимой работы.

Фундаментальный его труд — это мемориал «Памяти павших» в нашем городе. Этот проект Маслов делал в тесном содружестве с известным художником Левашовым Виталием Ивановичем.

Их талант и трудолюбие воплотилось в жизнь.

4 октября 1973 года мемориал был торжественно открыт. В этот день город праздновал 30-летие своего освобождения от фашистских захватчиков.

О его работах хочется говорить и говорить. Целая армия художников, скульпторов, людей творческой профессии знают Маслова и преклоняются перед его талантом.

Во Дворце юных при входе справа стоит его скульптурная композиция «Хозяйка медной горы». За долгие годы эта красота так вписалась в интерьер большого вестибюля Дворца, что если ее убрать, то Дворец просто осиротеет.

В свое время кинотеатр «Аврора», что в Ленинграде, Анатолий Максимович Маслов оформлял в содружестве с другими художниками. В детском саду «Ласточка» до сих пор в актовом зале во всю стену украшает деревянное панно. Сложнейшая резьба по дереву, труд не одного месяца. В санатории-профилактории «Серебряный ключ» столовую украшали гипсовые картины, своеобразный «Натюрморт».

Всю свою сознательную жизнь Анатолий Максимович помогал и помогает людям. У многочисленных его друзей всегда найдется один-два подарка, выполненных его рукой. У меня две его работы — резьба по дереву и акварель «Лесная фантазия».

В этот памятный год хочется подарить ему следующие строки:

*Счастлив тот, кто ярко прожил,
Много в жизни повидал.
Свою мудрость приумножил
И потомство миру дал.
К этим людям можно смело
И тебя причислить, как к святым.
То резцом орудуешь умело,
Кистью - прямо Репин ты.
80 — это серьезная дата,
За плечами работа, успех.
Ты верен профессии свято,
И это искусство для всех.
Первостроитель, художник, юбиляр.
От всей души прими ты поздравления
И долгой жизни, как волшебный дар,
Как Божье провидение!*

Октябрь, 2012 год

«РАДИ НЕСКОЛЬКИХ СТРОЧЕК...»

Работая фотокорреспондентом в газете, мне не раз приходилось колесить по всему району, как вдоль, так и поперек.

Сколько интересных встреч с замечательными людьми, которые жили и живут на киришской земле.

Иных героев наших репортажей уже нет в живых. Другие и по сей день трудятся там, где жили и трудились их предки.

Эти встречи запомнились еще и тем, что не всегда все получалось гладко, как хотелось. Иногда мы попадали в такие экстраординарные ситуации, что нас спасало просто чудо.

Не зря профессия журналиста во всем мире считается опасной.

От Будогощи до деревни Могилево почти рукой подать. Не надеясь на общественный транспорт, многие сельчане идут пешком. Своеобразная физическая подготовка.

Их сейчас мы и видим в окно, когда проезжаем на редакционном автомобиле. Мы — это автор этих строчек, корреспондент Вадим Валентинович Кучеренко и наш водитель Андрей. Машину бросает из стороны в сторону.

После дождя дорога, как раскисшее мыло. Не столько едешь, сколько скользишь.

Под звуки мотора вспоминаются слова забытой песни:

Трое суток шагать,

Трое суток не спать.

Ради нескольких строчек в газете.

И до сих пор слова этой песни актуальны. С одной лишь только разницей, что газетный материал в настоящее время делается гораздо быстрее и качественней. Примером может послужить фотографический снимок, сделанный в 70-е годы в газете «Огни Кубани». В типографии умудрились перевернуть клише. И весь тираж газеты вышел с перевернутым снимком реки Кубань. Друзья спрашивали:

— Что я изобразил?

На что я отвечал:

— Привыкли смотреть газету как обычно, а порой ее необ-

ходимо перевернуть. Но вернемся в наше время. Проезжаем по мосту через извилистую речку Пчевжу. Нрав этой речки мы знаем. Ранней весной в половодье она с легкостью перегнала многотонный понтон из Будогощи в Могилево.

Здесь между быками моста он и застрял.

Сейчас Пчевжа спокойна — лето.

На крутом склоне, который ведет к речке, стоит свежий стог сена. Эта деревенская картинка полностью пронизана прозой жизни. Если есть стога, значит в деревне есть живность. А если есть скот, то живет деревня. В этом мы убедились, когда въехали в Могилево. Около одного из домов выгружали из тракторной тележки сено. Три мужика и одна женщина таскали его к стожару, который возвышался рядом с забором. Когда они решили отдохнуть, мы подошли к ним и стали расспрашивать: о житие-бытие.

— В деревне жить можно, были бы силы, — сказал один из них. Сказав это, он подошел к колонке, открыл кран и стал жадно пить холодную воду. — Не простыли бы. — Мы люди закаленные. — Я смотрю, у вас и бабушки не сидят без дела? — Да, июль сенокосная пора. Да, и в огороде, дел невпроворот, — сказал один из них. — Вы уж извините, что вас отвлекаем от работы. Мы ищем фермера.

— Езжайте прямо по улице. А где стоит техника, там и ищите своего героя.

И они вновь приступили к работе.

А я незаметно для них сделал несколько снимков.

Медленно едем по деревенской улице. Всюду кипит жизнь. Но попадаются дворы, где невооруженным глазом видно, что это уже дачи. Сюда приезжают на выходные отдохнуть душой и телом. Зачем им горбатиться на грядках, гнуть спину, когда они все это спокойно могут купить в любом магазине. Благо их стало больше, чем домов, в которых живут люди.

Хорошо на природе приготовить шашлык, принять стопочку, другую охлажденной водочки. Не корысти ради, здоровья для.

А потом банька с парком благодать. Работа с землей — не их хобби.

Мы подъехали к фермерскому хозяйству.

Добротный дом возвышался над остальными. Хозяйские постройки по крепости не уступали самому дому.

Сразу видно, человек нашел свое место на земле. Нас встретила громким лаем хозяйская собака, которой мешала длинная цепь. На громкий ее лай никто не вышел. Зато соседи — хорошие люди, увидевшие нас сказали:

— Ищите его на выпасе за деревней.

Чтобы не гонять машину, пошли пешком. Сама деревня небольшая. Боковая улочка вывела нас на пустырь. В конце этой улочки рубили новый дом. На самом верху на бревнах, свесив ноги, сидели плотники и усердно махали топорами. Лезвия игриво играли в лучах июльского солнца. Работа спорилась, укладывали последние венцы. После этого можно ставить стропила и крыть крышу. К зиме, при таком раскладе, можно справить новоселье. Еще несколько снимков, фотоаппарат под рукой. Мы вышли в поле. Невдалеке виднелся загон для скота, где паслось с десятков коров. Вадим остался, а я, перемахнув через жерди, пошел к стаду. Хотелось сфотографировать этих мирно пасущихся коровушек, и среди них найти затерявшегося фермера. Подошел к ним поближе. Все они не обращали на меня не малейшего внимания. Как будто меня здесь и не было. Когда к тебе стоят, извините, задом, то какое же тут внимание. Разными добрыми словами, кое-как их растормошил. Вот в эту минуту пожалел, что нет у меня куса хлеба. Сразу же стал бы родным для них. Вижу, выходит из стада такой головастый бык, сразу видно — старший. Глянул на него, и сердце в пятки ушло, точно бык. И натура такая наглая. Глаза горят, лампочку включать не надо. — Ну думаю, накрылся репортаж медным тазом. — Если эта масса весом около тонны понесется на меня, то от меня останется такая же лепешка, как после коровы. Ну может чуть больше, — подумал я. — Дорогой бычок, — начал я ласково. Стал он копытом о землю стучать, кровью глаза налились. — А не пора ли мне ноги делать? — подумал я. Схватил горсть земли, кинул ее в бычьи глаза, а сам, прижав к груди фотоаппарат, рванул что есть сил. Уже за изгородью, отдышавшись и придя в себя, стал отряхиваться от всяких репейников и колючек. И тут только

обратил внимание на свою ветровку. Она была малинового цвета. И тут меня осенила мысль. Быку не я не понравился, а цвет моей куртки. Но я не стал больше испытывать судьбу. Один раз пронесло, другой может и не повезет. Вот такая история, дорогие друзья.

Если смотреть на карту нашего района, то эта деревенька самая отдаленная из всех. Ну, а если быть объективным, то отдаленных у нас столько, сколько пальцев на руке. И чтобы не обижать другие деревни, мы не скажем, в какой происходила следующая история. Осень в наши края приходит так же неожиданно, как и другое время года. Не успели насладиться летним теплом, как подули холодные осенние ветры. Полетели листья с деревьев, и земля покрылась золотым одеялом. Пора готовиться к зиме. Эта деревенька во многом схожа с другими деревнями. Одна единственная улица с двумя десятками домов и все.

Но и здесь живут люди, вернее доживают.

Их подвиг заключается в том, что на карте района она до сих пор существует, потому то жизнь ей дают вот эти простые люди. Вижу, мужик один дрова рубит. Подошел поближе, и давай его фотографировать за работой. А он как увидел, что его снимают, подскочил ко мне с топором, и давай им размахивать. А от него разит за версту. Видно поэтому хорошо и работается. Я ему: — Вы благодарны должны быть, вас в газету снимают.

— Не надо мне никакой газеты, — орет он диким голосом.

Вижу ситуация выходит из-под контроля. Беру телефон и громким голосом: — Милиция, срочно ко мне, тут нападение на журналиста.

И в этот момент выезжает редакционная машина, и выходят наши — корреспондент и водитель. Мужик топор опустил, и давай причитать:

— Извини, дорогой, перебрал я сегодня...

В каких только ситуациях не приходилось быть.

В 1982 году в нашем городе проходил партийно-хозяйственный актив. В его работе принял участие и первый секретарь обкома КПСС Григорий Васильевич Романов. Закон-

чилась встреча, уже все направлялись к машинам. На выходе из Дворца культуры, который в то время назывался именем 50-летия Великого Октября, стояло множество народа. У киришан к главе области было множество вопросов. Я протиснулся сквозь толпу, и оказался в гуще события. Фотоаппарат всегда со мной и в любой момент я мог запечатлеть интересующий меня момент. Рядом с Романовым находились первые лица нашего города: первый секретарь горкома КПСС Игорь Васильевич Кольцов и председатель горисполкома Николай Кузьмич Дробязко.

И вот я начинаю снимать, а меня в этот момент какой-то молодой парень толкает в бок. Пришлось ему сделать замечание. И так повторялось несколько раз. Наконец я не выдержал и сказал ему пару теплых слов. Его реакцию я не видел, но всю эту сцену наблюдала Людмила Михайловна Леонтьева, корреспондент газеты «Киришский факел».

Потом она все рассказала мне в редакции:

— Он так побагровел, что я думала он тебя стукнет.

— Наверняка кто-то из охраны.

— Если из охраны, так можно нагло вести? — сказал я и продолжил: — Зато дальше я снимал без всяких приключений. Один из снимков был напечатан в газете. Мой труд не пропал даром.

Вот так, дорогие друзья, работалось в те далекие годы, которые я вспоминаю с большой теплотой, и которые, к сожалению, уже никогда не вернуть.

2007 год

**МИР
ФОТОГРАФИИ
Павла
АРАЛОВА**

Мост

Здравствуй, город Кириши!

Киришская ГРЭС

Мост через Волхов

Первая транспортная развязка

Панорама города

Центр водного спорта КИНЕФ

Памятник первостроителю

Народный артист СССР Лев Дуров

Народные артисты: Лев Лещенко и Владимир Винокур

Киришская Мадонна

Олимпийские надежды

Веселые подруги

Доктор Александр Морозов

Медсестра Татяна

Суженный, ряженный

Веселый человек

Степашечка

Первостроитель Анатолий Максимович Маслов

Деревенский художник

Рыбак

Игра в четыре руки

СПК «Будогощь»

*Районный спорт-конкурс «Ветеранское подворье»
пос. Будогощь, 14 сентября 2007 год*

Дом Кузнецовых в Кусино

Лику времени

Перекур

Летний вальс

Поцелуй меня...

Кролики это...

Супруги Белянко из Белой

У колодца

Сенокосная пора

Славная уродилась морковь

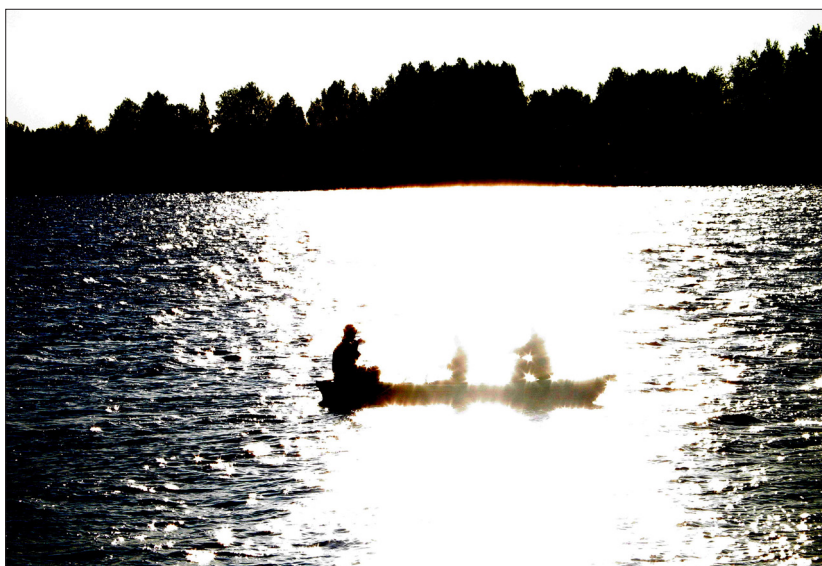
Руки матери

На даче

Усиленный наряд

На рыбалке

У тихой заводи

Деревенская церковь

Переправа

Вид на поселок Глажево

Деревенька моя

Зимний вечер в Мелехово

В окрестностях Будогощи

Зима в Городище

Мороз и солнце

После пурги

Зимняя сказка

Весна

Ох, и попаримся

Речка Влоя

Апрель

Ледоход

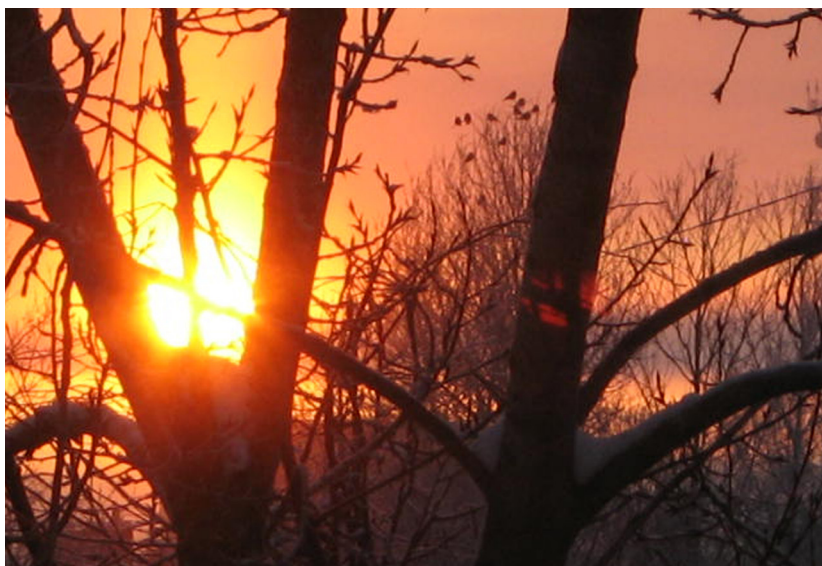
Здесь чудеса

Пчевжа

Деревенька моя

Вечерняя заря

Над Тугодой

Все выше и выше

Волховская ночь

Само изящество

Одуванчик

Бабочка Королек

Болотце

Калина красная

Завтрак синички

Весенние цветы

На волховских просторах

Солнце в облаках

Утренняя заря

Чудо природы

Закат

Вековые корни

Дружная семейка

Лисички сестрички

Братици

Осень

Лесное озеро

Сосновый бор

Старая часовня

Тюльпаны в окне

Утро Родины

Берлин. Трентов парк

Белград. Могилы советских солдат

Эхо войны

Память

Волгоград. Пантеон славы

Подвигу твоему, Ленинград

Из серии Курская дуга

Мемориал Курская дуга

Волгоград. Родина-Мать зовет

Волгоград. Легендарный дом Павлова

Ветераны в историко-краеведческом музее

Поклонимся и мёртвым и живым

День Победы

На братских могилах в Пчеве

Солдат ПОБЕДЫ!

СОДЕРЖАНИЕ

Степашечка	5
«Аяврик»	7
Безысходность	9
Встреча через 30 лет	12
Дело	17
Жизненная круговерть	19
Командировка	21
Короткие встречи	32
Лесное озеро	36
Магарыч	39
Новогодние истории	44
«Ободрышек»	50
Небесные хляби	51
В осеннем лесу	52
Дача	54
«Отче наш»	56
На пороге вечности	58
Террорист	62
Над Тигодой-рекой!	63
Кража	72
Престарелость	74
Надежда, Вера, Любовь!	77
Под бой курантов	79
Белая береза	82

Валеркины рассветы	85
Становление	115
Капустник 99	137
Германия, как есть	139
По весям Новгородским	144
Все остается людям	150
Герои живут рядом	152
«А без меня, а без меня...»	154
Осень жизни	155
Блокадница	156
Мы пол-Европы со стадом прошагали... ..	158
Медсестра Вера	159
Кардиолог Гочиашвили	161
На кусинских берегах	163
«Ласточка»	165
Если бы молодость знала	167
Невгодам вопреки	169
Первостроитель, художник, юбиляр!	170
«Ради нескольких строчек»	172
Мир фотографии	177